

ТРАНСГРАНИЧЬЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

**Сборник статей
по итогам межвузовской
научной конференции
БРЯНСК 8 октября 2024 г.**

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО
(БГУ)
Факультет истории и международных отношений
Кафедра отечественной истории

**ТРАНСГРАНИЧЬЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ**

Брянск – 2024

УДК 930.85+008:316.77+327

ББК 60.524.224.022+71.045

Т - 65

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Слепнев Игорь Николаевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Быков Андрей Владимирович – доктор ист. наук, заведующий Лабораторией исследований современных Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН.

Т - 65 **Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов.** Сборник статей по итогам научной конференции 8 октября 2024 г. / Под общ. ред. проф. В.Ф. Блохина, проф. Е.В. Петрова, проф. И.В. Алферовой. – Брянск, 2024. – 170 с.

Сборник статей подготовлен на основе докладов научной конференции «**Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов**», проведенной 8 октября 2024 г. на площадке Брянского государственного университета в очно-дистанционном формате. Организаторами конференции выступили: кафедра отечественной истории БГУ и Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Издание предназначено для студентов и преподавателей исторических факультетов вузов.

Рекомендовано к печати кафедрой отечественной истории (Протокол № 5 от 17.12.2024 г.).

© Коллектив авторов, 2024.

© РИСО БГУ, 2024.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I	
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТРАНСГРАНИЧЬЯ	
<i>Шишкова А.А., Абдурма- нова К.Д., Булыга И.М., Галиев Р.Ф., Петров Е.В.</i>	ФЕНОМЕН «ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬ- НОСТИ» РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ДИАСПОРЫ В ШВЕЙЦАРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
6	6
<i>Богданова Т.В.</i>	УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫБОРГСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ГУБЕРНСКОЙ РЕФОРМЫ ЕКАТЕ- РИНЫ II И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯ- ТЕЛЬНОСТИ ЕГО ГУБЕРНАТОРОВ (по материалам Российского государ- ственного исторического архива)
22	22
<i>Абдурманова К.Д., Булыга И.М., Петров Е.В., Рябова Л.К.</i>	РОССИЙСКО-ФИНСКИЕ «ОРИЕН- ТАЛИСТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»: Й.Г. ГРАНЁ и Г.Й. РАМСТЕДТ В СОСТАВЕ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
38	38
<i>Свиридова А.С.</i>	ЛОНДОНСКИЙ ПРОТОКОЛ 1885 г. ЧЕРЕЗ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИЧЕ- СКОЙ ПЕЧАТИ ВОПРОСОВ ДЕМАР- КАЦИИ РУССКО-АФГАНСКОЙ ГРА- НИЦЫ (на материалах газеты «Новое время»)
49	49

<i>Гончаров Е.В., Тишина О.В.</i>	РЕЙНСКАЯ ДЕМИЛИТАРИЗОВАН- НАЯ ЗОНА В ПЕРИОД С 1919 – 1925 ГГ. КАК ПРИМЕР ТРАНСГРАНИЧ- НОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	59
<i>Тилабаев С.Б.</i>	РЕШЕНИЕ ВОПРОСОВ, СВЯЗАН- НЫХ С ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ, КАК ТРАНСГРАНИЧНАЯ ПРО- БЛЕМА НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕН- ТРАЛЬНОЙ АЗИИ	71
<i>Кунаев А.Г., Богданова Т.В., Петров Е.В.</i>	КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ И КАМЕ- РАЛЬНЫЕ РАБОТЫ ВОЕННОГО ТО- ПОГРАФА Н.В. КАУЛЬБАРСА (1842– 1905) ПО ДЕЛИМИТАЦИИ И ДЕМАРКА- ЦИИ ЧЕРНОГОРСКОЙ ГРАНИЦЫ В 1879 Г.	75
<i>Резепина А.А, Петров Е.В. Эльц Е.Э., Сердунь Ю.</i>	ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СУДЬБЫ ШВЕЙЦАРСКИХ ИССЛЕДОВАТЕ- ЛЕЙ КАВКАЗА, УРАЛА, СИБИРИ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	85
РАЗДЕЛ II		
ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТО- РИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ		101
<i>Алферова И.В., Сорокина Ж.А.</i>	КОНТРАБАНДА НА ТРАНСГРАНИЧ- НЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В ГОДЫ ПЕР- ВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материа- лам периодической печати)	101
<i>Блохин В.Ф.</i>	ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧНОСТИ (эпизод начального этапа Первой миро- вой войны)	113

<i>Воронин Г.Г.</i>	НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАС- ПОРТНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙ- СКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ и В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	122
<i>Цумарева Е.П.</i>	ИЗ ОТЧЕТОВ ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ ПО ВОПРОСУ ОБСУЖДЕНИЯ СО- ЗЫВА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ	132
РАЗДЕЛ III		
ТРАНСГРАНИЧЬЕ В СОЦИ-		
АЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ,		
В ЖИВОПИСИ		
И АРХИТЕКТУРЕ		
<i>Петров П.Е., Пономарёв И.И.</i>	«КВАНТОВЫЕ МЕТОДЫ» ИССЛЕ- ДОВАНИЯ РИТМА И ВРЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕ- ДЕНИИ	140
<i>Вотинцева П.Д.</i>	РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОСОВ В ИСКУССТВЕ ФРАНЦИИ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ЯВЛЕНИЯ LA TÊTE D'EXPRESSION	153
<i>Святкина А.А.</i>	ПАРАМЕТРИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ЗАХИ ХАДИД НА ПРИМЕРЕ DOMIN- ION TOWE	160

РАЗДЕЛ I
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
ТРАНСГРАНИЧЬЯ

*Шишкова А. А.,
Абдурманова К. Д.,
Булыга И. М.,
Галиев Р. Ф.,
Петров Е. В.*

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет)

ФЕНОМЕН «ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ»
РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ДИАСПОРЫ
В ШВЕЙЦАРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: в статье приведены данные характеризующие феномен «экстерриториальности» российской научной диаспоры в Швейцарии во второй половине XIX – начале XX века. На примере профессиональных судеб ученых российского-швейцарского мира науки (философов, химиков, биологов, физиков, геологов и др.) показан вклад реэмигрантов в развитие как отечественной, так и мировой науки. Дана характеристика институту «научной дипломатии» как социокультурному явлению, обеспечивающему взаимодействие национальных научных школ. Делается вывод об экстерриториальном характере российской научной диаспоры в

Швейцарии XIX – начала XX в. Раскрыты черты и особенности данного феномена, способствовавшего развитию научно-образовательных связей двух стран.

Ключевые слова: науковедение, экстерриториальность, научная дипломатия, эмиграция, реэмиграция, российско-швейцарский научный мир.

В современной историографии российско-швейцарских отношений достаточно обстоятельно изучены вопросы профессиональной адаптации, аккультурации и ассимиляции русских ученых-эмигрантов за рубежом [15]. Значительно сложнее обстоят дела с изучением профессиональных судеб ученых-реэмигрантов, которые по воле жизненных обстоятельств были вынуждены вернуться на историческую родину. «Возвращенчество» как миграционное явление свойственно практически всем волнам русской эмиграции. Его количественные и качественные характеристики позволяют говорить о внутренних противоречиях процесса складывания и развития российской диаспоры за рубежом, что свидетельствует о завершенности миграционного цикла и присущих ему закономерных свойств и черт. В этом плане остаются открытыми для дискуссий наиболее типичные диаспоральные признаки, свойственные когорте ученых-реэмигрантов. В первую очередь, «трансграничность» их бытия, проявляющаяся в таких явлениях эмигрантской жизни как «бикультурная ассимиляция». И, во-вторых, «экстерриториальный статус» научного наследия представителей российской диаспоры, понимаемый как принадлежность результатов их достижений не столько к конкретной национальной традиции, сколько к мировому исследовательскому опыту.

Анализ статистических данных показывает, что с конца XIX века в русской диаспоре в Швейцарии устойчиво обозначилась тенденция к доминированию ученых и студентов, приезжавших в страну не только учиться, но и вести научную и исследовательскую работу. Максимальное число русских студентов в Швейцарии было достигнуто к 1906–1907 гг.: 36% всех числящихся студентов являлись русскими (из общего количества 6.444 человек –

2.322 человек русских, из которых 1.507 женщин и 815 мужчин) [26, с. 76]. Некоторым из них по окончании курса обучения в швейцарских университетах удавалось начать успешную академическую карьеру в Швейцарии, а затем продолжить и завершить ее уже на исторической Родине в России. Все это позволяет говорить о факте существования в истории российско-швейцарских отношений института «научной дипломатии». Ученые-эмигранты и реэмигранты выступали в качестве носителей научных знаний, а также обеспечивали научно-образовательный и культурный обмен между Россией и Швейцарией во второй половине XIX – начале XX вв. Положительными результатами данного процесса можно считать закрепление результатов научных достижений одновременно в двух странах, так и развитие новых перспективных направлений в мировой науке. Характерными признаками феномена «экстерриториальности» российской научной диаспоры в Швейцарии во второй половине XIX – начале XX века являются: открытие и развитие новых перспективных направлений в науке двух стран; активное участие и содействие развитию академических связей между Швейцарией и Россией, совместные публикации результатов исследований в швейцарских и российских журналах, а также осуществление руководства российскими и швейцарскими академическими институтами и ассоциациями.

В качестве типичного примера профессиональной судьбы ученого-реэмигранта в Швейцарии часто рассматривается имя философа Марии Владимировны Безобразовой (1857–1914) [7, с. 12]. М.В. Безобразова относится к числу тех женщин, которые из-за запретов не смогли получить высшее образование в Российской империи и приняли решение продолжить свое обучение в швейцарских университетах. Свидетельством тому служит ее профессиональная судьба: по окончании педагогических курсов при Петербургской Александровской женской гимназии и после нескольких лет работы в Вяземской женской гимназии, а затем в Жиздринской протогимназии она отправилась учиться за границу и стала вольнослушателем лекций Лейпцигского и Цюрихского университетов

[7, с. 141-143]. В 1891 г. М.В. Безобразова получила степень доктора философии Бернского университета [27]. Вернувшись на родину, она продолжила заниматься философией, а в 1897 г. представила рукопись «К истории просвещения в России» на премию имени митрополита Макария и получила почетный отзыв [7, с. 148-149]. Впоследствии две главы из данного сочинения были напечатаны в издании Императорской Академии наук [2]. Несмотря на то, что М.В. Безобразова не смогла подтвердить свою докторскую степень в России, она навсегда останется ученым российско-швейцарского мира науки, вошедшим в историю философской мысли двух стран, как одна из первых дипломированных женщин-философов.

Как и Мария Безобразова, другая русская студентка Женевского университета – Вера Евстафьевна Попова смогла в 1892 г. одной из первых обрести ученую степень доктора по химии. В.Е. Попова (1867–1896), урожденная Богдановская – химик, педагог, автор популярных учебных пособий по химии внесла значительный вклад в развитие естественных наук в Швейцарии. С 1878 по 1883 гг. она училась в Смольном институте в Санкт-Петербурге, окончив его с отличием. После выпуска несколько лет посещала Высшие женские (Бестужевские) курсы в Санкт-Петербурге, специализируясь на изучении химии.

Как и М.В. Безобразова, В.Е. Попова продолжила обучение в Швейцарии, а в 1892 г. была удостоена степени доктора химии в Женевском университете. Однако больше всего она сделала для развития отечественной науки: преподавала химию в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства, а также систематически читала лекции по естественнонаучным дисциплинам на Высших женских курсах. Вера Евстафьевна переводила немецкие учебные пособия по химии на русский язык, а также самостоятельно написала учебник по химии, дважды изданный в Петербурге [4]. Кроме преподавательской деятельности, В.Е. Попова непосредственно занималась экспериментальной химией, неоднократно проводя опыты в домашней лаборатории и

публикуя результаты своих исследований в журнале Русского химического общества. Таким образом, она не только способствовала развитию такого передового для рубежа XIX–XX вв. направления в науке как химия, но и обеспечивала преемственность знаний посредством преподавания и написания популярных учебных пособий. «Реэмигрантские судьбы» М.В. Безобразовой и В.Е. Поповой не являются исключением.

В литературе по истории отечественной медицины хорошо известен другой пример, касающийся швейцарского периода в жизни Надежды Прокофьевны Суловой (1843–1913). Считалось, что ее деятельность связана с борьбой женщин за право получать высшее образование наравне с мужчинами, а также с революционным движением второй половины XIX в. [14, с. 18]. Однако Н.П. Сулова стала первой русской женщиной-врачом в Швейцарии, защитившей в 1867 г. диссертацию в Цюрихском университете, а также подтвердившей докторскую степень в России, получив разрешение заниматься врачебной практикой на правах медиков, окончивших курс в иностранных медицинских университетах [23].

В конце 1860-х гг. она вернулась в Российскую империю вместе с первым мужем, известным швейцарским врачом, Фридрихом Эрисманом (1842–1915). Он также, как и его супруга, подтвердил в России полученную в Цюрихском университете степень доктора медицины, а затем стал преподавать в Московском университете, параллельно занимаясь написанием научных трудов. Ф. Эрисман внес весомый вклад в развитие в России такого раздела медицины как гигиена.

Так, в 1891 г. по его инициативе была создана городская санитарная станция для систематического изучения качества продуктов, потребляемых горожанами в Москве [5]. В Московском университете до 1896 г. ученый возглавлял кафедру гигиены, и именно с ним связано начало системного преподавания гигиены и эпидемиологии как самостоятельной дисциплины на медицинских факультетах [5, с. 11]. Ф. Эрисман не был единственным швейцарцем, внесшим существенный вклад в развитие научной дипломатии двух стран.

Среди русских эмигрантов в Швейцарии следует упомянуть имя геолога и гидрографа Степана Николаевича Жуковского (1869–1948). Он получил образование в Женевском университете и с 1897 г. работал в отделе минералогии тамошнего Музея естественной истории. В 1902 г. он защитил диссертацию, после чего начал активную научную деятельность, специализируясь на вопросах геологии не только Швейцарии, но и Урала, Сибири. Свои труды он публиковал под псевдонимом Этьен Жуковский (Étienne Joukovsky). С.Н. Жуковский – яркий представитель российской диаспоры в Швейцарии, деятельность которого способствовала не только распространению новых знаний в области географии России, но и развитию европейской геологической науки. Такие представителями российско-швейцарского мира науки как С.Н. Жуковский, М.В. Безобразова, В.Е. Попова, Н.П. Сулова, Ф. Эрисман активно способствовали институционализации новых и передовых отраслей наук в России во второй половине XIX – начала XX века.

Укреплению академических связей между российскими и швейцарскими институтами содействовал Порфирий Иванович Бахметьев (1860–1913) – автор трудов по проблемам ферромагнетизма, геофизики, биофизики, термоэлектричества. П.И. Бахметьев являлся выпускником Вольского реального училища, продолжить обучение в высших учебных заведениях в Российской империи он не смог и в 1879 г. поступил в Цюрихский университет, где за время обучения опубликовал в российских и швейцарских журналах статьи, посвященные анализу электромагнитных и термоэлектрических эффектов [1]. Одновременно был одним из участников политического общества “Slavia”, организованного студентами-выходцами из славянских стран, таким образом он поддерживал связи со своими соотечественниками в Швейцарии [25, с. 44].

В Цюрихском университете П.И. Бахметьев сумел закрепиться как исследователь и преподаватель: в 1884 г. он стал ассистентом на кафедре физики, а уже в 1885 г. занял должность приват-доцента. В 1890 г. он был вынужден уехать из Швейца-

рии в Болгарию, но продолжал в течение всей жизни поддерживать связи с Цюрихским университетом. В 1907 г. университет присудил ему ученую степень доктора философии за геофизические исследования.

Несмотря на то, что П.И. Бахметьев имел трудности с возвращением в Россию вследствие нарушения паспортных правил, он не переставал тесно сотрудничать с различными российскими научными центрами. Так, в 1902 г. Российская Академия наук (РАН) наградила его премией К.М. Бэра за осуществления анабиоза у бабочек, а в 1911 г. Общество содействия успехам опытных наук и их применений имени Х.С. Леденцова в Москве выделило субсидию для исследования анабиотического состояния у летучих мышей [3, с. 196-197]. Кроме этого, П.И. Бахметьев вел научную переписку с русскими учеными, о чем свидетельствуют сохранившиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) его письма к Борису Борисовичу Голицыну (1862–1916) [19], Андрею Петровичу Семенов-Тянь-Шанскому (1866–1942) [20], Николаю Яковлевичу Кузнецову (1873–1948) [21].

В 1913 г. П.И. Бахметьев получил разрешение вернуться в Россию, причем ради этого вел переписку с товарищем министра внутренних дел и командующим Отдельным корпусом жандармов Владимиром Федоровичем Джунковским (1865–1938) [8]. Прибыв в Россию, П.И. Бахметьев стал профессором биофизики Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского. В 1913 г. читал лекции в российских городах, где делился исследовательским опытом, накопленным за годы работы за рубежом. К сожалению, в России П.И. Бахметьев заразился малярией и скончался 11 (24) октября 1913 г., не успев реализовать все свои исследовательские проекты на родине [3, с. 197-198].

В научном мире Швейцарии наряду с П.И. Бахметевым хорошо известно имя другого русского эмигранта - Сергея Александровича Бутурлина (1872–1938). Будучи зоологом и орнитологом С.А. Бутурлин прожил в Швейцарии лишь первые годы жизни,

но в течение всей своей научной карьеры он сотрудничал с представителями швейцарского академического мира. За достижения в области орнитологии ученый получил признание на родине: в 1901 г. был награжден серебряной медалью Императорского Русского географического общества за книгу «По Северу России».

Затем его достижения были отмечены за рубежом: в 1904 г. он стал почетным членом Женевского зоологического и Британского орнитологического обществ. Обмен результатами исследований между С.А. Бутурлиным и его коллегами из других стран также проходил в ходе работы Международных орнитологических конгрессов [11, с. 30-33]. Труды С.А. Бутурлина были востребованы в Швейцарии: ученый поделился с швейцарским научным сообществом открытием гнездовой розовой чайки в ходе экспедиции на Колыму в 1905 г., опубликовав статью в швейцарском журнале “Bull. De la Société Zoologique de Geneve”, под названием “Sur la *Rhodosteria rosea* adulte en noces” в 1908 г. [11, с. 124]. Научное наследие С.А. Бутурлина и П.И. Бахметева содействовало развитию контактов между академическими сообществами России и Швейцарии.

Помимо исследовательской и преподавательской деятельности многие ученые российско-швейцарского мира науки второй половины XIX – начала XX вв. имели непосредственное отношение к собиранию и изучению материалов архивной «россики» в Швейцарии и «гельветики» в российских музейных и архивных собраниях. Василий Павлович Энгельгардт (1828–1915), более известный как астроном, создавший первую русскую частную обсерваторию в Дрездене [10, с. 38], оборудование которой позже позволило основать Казанскую обсерваторию [10, с. 41], также представляет интерес как собиратель реликвий. Его заслуги в области пополнения и формирования музейных коллекций не раз становились предметом исследований, в числе тех, кто первым обратился к данной теме был петербургский архивист и источниковед Н.Г. Рогулин [17].

В его работах приведены сведения о том, что после завершения своей научной деятельности В.П. Энгельгардт приступил к систематизации материала, собранного в ходе многочисленных путешествий по Швейцарии и связанного с фигурой А.В. Суворова и его Швейцарским походом 1799 года. По общему признанию В.П. Энгельгардт осуществил масштабный проект по фиксации основных мест суворовского пути в Швейцарии: по его заказу фотографы сняли виды и места, связанные с историей похода 1799 года [17, с. 160].

Работа В.П. Энгельгардта по собиранию реликвий была направлена на решение глобальной задачи мемориализации наследия генералиссимуса, о чем свидетельствуют слова коллекционера: «Я собирал и собираю не для себя, но для музея, устройству и процветанию которого желаю всяких успехов» [16, с. 125]. Так, свои материалы ученый передал в дар формирующемуся музею, созданием которого руководила особая комиссия, учрежденная в 1898 г. [17, с. 154].

Первые материалы В.П. Энгельгардта поступили в музей в апреле 1901 г.: это был «Суворовский альбом», состоящий из 116 фотографий и пополняющийся в дальнейшем. В феврале 1902 г. В.П. Энгельгардт передал музею «Суворовский сборник» – обширную коллекцию, которая заняла 13 ящиков общим весом 955 килограммов [17, с. 160]. В сентябре 1904 г. была отправлена часть библиотеки В.П. Энгельгардта: книги, посвященные истории Швейцарского похода; описания Швейцарии; ряд изданий XVIII в. [17, с. 161]. Коллекция Энгельгардта в настоящий момент хранится в Государственном мемориальном музее А.В. Суворова.

О другом важном аспекте «экстерриториальности» в жизни российской диаспоры свидетельствует опыт приглашения реэмигрантов на руководящие должности в академические институты и ассоциации. Известный академик-биохимик Алексей Николаевич Бах (1857–1948), с одной стороны, проявил себя как организатор российской и советской биохимии, а с другой стороны, с 1916 г. возглавлял Женевское общество физико-химических наук в Швей-

царии. Он контактировал со многими научными центрами и институтами, публикуя результаты исследований в журналах Женевского общества физических и естественных наук, Немецкого химического общества, Парижской Академии наук и Русского физико-химического общества при Санкт-Петербургском Императорском университете.

Как справедливо отмечают исследователи биографии ученого, «с переселением летом 1894 г. в Швейцарию начался исключительно плодотворный в научном плане период жизни А.Н. Баха». [13, с. 103]. Вершиной его научной карьеры в Швейцарии можно считать диплом почётного профессора Лозаннского университета, которого А.Н. Бах удостоился в 1917 г.

В июне того же года ученый реэмигрировал в Россию, где продолжил заниматься биохимией. Вместе со своим швейцарским учеником Б.И. Збарским А.Н. Бах организовал Центральную химическую лабораторию (позднее Физико-химический институт им. Л.Я. Карпова). Среди организаторских достижений А.Н. Баха также отметим следующие: открытие в 1935 г. совместно с А.И. Опариным Института биохимии (с 1944 г. институт носит имя А.Н. Баха); организация работы журнала «Биохимия» – первого научного периодического издания, связанного с исследованиями в области биохимии в СССР. В 1938 г. А.Н. Бах был назначен директором Института физиологии растений им. К.А. Тимирязева Академии наук СССР (АН СССР). Кроме науки, академик проявил себя в общественной жизни: был депутатом Верховного совета СССР, а также членом Комиссии содействия ученым при Совете народных комиссаров [9].

А.Н. Бах поддерживал многочисленные контакты с зарубежными исследователями, в том числе с российскими учеными, работающими за рубежом. Так в СССР была приглашена ученый-физиолог и биохимик – Лина Соломоновна Штерн (1878–1968). По окончании женской гимназии в г. Либава она предприняла несколько безуспешных попыток поступить в университет в Россий-

ской империи [6, с. 535]. После этого в 1898 г. уехала в Швейцарию и поступила на медицинский факультет Женевского университета [22, с. 173].

Успешно пройдя профессиональную адаптацию в Швейцарии, Л.С. Штерн добилась значительных результатов в академической карьере. В 1902 г. была опубликована ее первая самостоятельная работа о внутренней секреции почек, а в 1904 г. она защитила докторскую диссертацию по этой теме. В 1906 г. Л.С. Штерн было присвоено звание приват-доцента, после чего она начала читать курс физиологической химии [6, с. 536]. В 1917 г. Л.С. Штерн получила звание профессора, став первой женщиной-профессором Женевского университета, и возглавила созданную на его медицинском факультете кафедру физиологической химии [6, с. 536].

В 1925 г. по приглашению А.Н. Баха она приехала в СССР, где впоследствии осуществляла руководство целым рядом академических институтов. С 1925 по 1948 г. Л.С. Штерн заведовала кафедрой нормальной физиологии 2-го МГУ (с 1930 года – Московский государственный медицинский институт). Одновременно в 1926–1930 гг. она руководила созданным ею отделом физиологии и биохимии Медико-биологического института.

В 1929 г. возглавила организованный по ее инициативе НИИ физиологии Наркомпроса РСФСР (впоследствии – Институт физиологии АН СССР). В 1926 г. параллельно создала и возглавила биохимический отдел в Институте инфекционных болезней имени И.И. Мечникова. В 1930 г. Л.С. Штерн учредила отдел возрастной физиологии в Центральном НИИ охраны материнства и младенчества, которым управляла до 1935 г. С 1933 г. осуществляла управление отделом общей физиологии физиологического сектора Всесоюзного института экспериментальной медицины, впоследствии реорганизованным в отдел биологической химии, руководителем которого была до 1938 г. [22, с. 175].

В СССР Л.С. Штерн была представлена к высшим научным наградам и званиям и получила заслуженное признание на родине. В 1939 г. она стала первой женщиной – действительным членом АН СССР, а также членом Академии медицинских наук СССР с

момента образования (в 1944 г.) [24, с. 57]. Таким образом, после реэмиграции Л.С. Штерн смогла адаптироваться и в советской академической среде, а ее научные достижения официально признавались не только в Швейцарии, но и в Советской России.

Профессиональные судьбы наших зарубежных соотечественников как нельзя лучше свидетельствуют о том, что субъектами и носителями «экстерриториальности» российской научной диаспоры, как правило, выступали представители мира науки, сменившие статус с эмигрировавшего лица на реэмигранта. Им в большей мере было свойственно то, что можно рассматривать как двойную профессиональную адаптацию или, согласно терминологии социологов, трактуемую как «бикультурную ассимиляцию». Сам процесс «двойной аккультурации» позволял ученым-реэмигрантам перенимать достижения мировой науки, отстаивать и подтверждать приверженность к передовым научным идеям, как за рубежом, так и на исторической родине.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бахметьев Порфирий Иванович // Саратовцы – писатели и ученые. Материалы для библиографического словаря. (сост. Соколов С.Д.). Саратов: Типография Союза Печатного Дома, 1913. С. 22–24.

2. Безобразова М.В. Изречения св. Кирилла и послание митрополита Никифора: (Две гл. из приготовленного к печати труда под загл. «К истории просвещения в России») – СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1898.

3. Блох Ю.И. Земные токи Порфирия Бахметьева (к 100-летию со дня смерти учёного) // Вестник КРАУНЦ. Науки о Земле, 2013. Вып. 21. №1. С. 196–197.

4. Богдановская В.Е. Начальный учебник химии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897; Начальный учебник химии. СПб.: О-во для доставления средств Высш. женск. курсам в СПб., 1901.

-
5. Брико Н.И., Соколова Т.В., Клушкина В.В. Ф.Ф. Эрисман – выдающийся гигиенист, эпидемиолог. К столетию со дня смерти // Медицинский альманах. 2015. №4 (40). С. 10–13.
 6. Валькова О.А. Л.С. Штерн о женщинах-ученых СССР: неопубликованные материалы из архива РАН // Вопросы истории естествознания и техники. 2018. Т. 39. № 3. С. 533–547.
 7. Ванчугов В.В. Женщины в философии. Из истории философии в России конца XIX – нач. XX вв. М.: РИЦ «Пилигрим», 1996.
 8. ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 472.
 9. ГА РФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 733.
 10. Дубяго И.А. 180 лет со дня рождения Василия Павловича Энгельгардта // Земля и Вселенная. 2009. №1. С. 37–45.
 11. Козлова М.М. Сергей Александрович Бутурлин. 1872–1938. М.: Наука, 2001.
 12. Кравченко В.В. Творчество М.В. Безобразовой: из предыстории гендерных исследований в России // История философии. 2016. Т. 21. №1. С. 32–40.
 13. Крицкий М.С., Попов В.О. Алексей Николаевич Бах. Биографический портрет ученого на фоне исторических перемен // Прикладная биохимия и микробиология. 2018. Т. 54. № 2. С. 101–108.
 14. Павличенко Э.А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988.
 15. Петров Е.В., Дудченко Г.Б., Эльц Е.Э., Рябова Л.К. От науковедения к научной дипломатии: историографический обзор истории российско-швейцарских отношений //

Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов. Сборник статей по итогам международной научно-практической конференции 25 марта 2021. г. Брянск, БГУ, 2021. С. 198–211.

16. Правдин К.Г. «Я собирал и собираю не для себя, но для музея...». Фотоисточники в коллекции Государственного мемориального музея А. В. Суворова // Сборник докладов международной конференции «Фотография в музее». 2013. С. 125—130.

17. Рогулин Н.Г. Формирование собрания Суворовского музея в Санкт-Петербурге (по материалам «Суворовской комиссии» 1898—1904 гг.) // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. ст. и сообщений. 2002. Вып. 2. С. 154–181.

18. Смирнов А.А. Первая русская женщина-врач. М.: Медгиз, 1960.

19. СПбФ АРАН. Ф. 69. Оп. 3. Д. 29.

20. СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 59.

21. СПбФ АРАН. Ф. 793. Оп. 2. Д. 34.

22. Сточик А.А., Глянцев С.П. Профессор Женевского университета Лина Штерн (1878–1968) и реалии советской физиологической науки // Российские женщины-ученые: наследие: По материалам Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки – наследие». 2017. С. 173–178.

23. Сулова Н.П. Прибавления к физиологии лимфатических сердец: дисс. на степень д-ра мед., хирургии и акушерства, представленная на мед. фак. Цюрихского ун-та Надеждой Суловой. СПб.: тип. Мюллера, 1868.

24. Ульянкина Т.И. Российские ученые-эмигранты в Швейцарии. Участие в праздновании 400-летнего юбилея

Лозаннского университета и Дней русской культуры (Швейцария, 4–8 июня 1937 г.) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова: XXVII Годичная научная международная конференция Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. 2021. С. 57–64.

25. Чулков А.Г., Азанов В.И. Завещание Бахметьева. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1980.

26. Эндерлайн Э. Русские женщины в Швейцарии в XIX веке // Российские женщины и культура: материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения. Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб. С. 71–78.

27. Bezobrazova M.W. Handschriftlichen Materialien zur Geschichte der Philosophie in Russland. Bern, 1891.

«Extraterritoriality» phenomenon of the Russian scientific diaspora in Switzerland in the second half of the XIX to beginning of the XX century

Abstract: The article focuses on the phenomenon of the "extraterritoriality" of the Russian scientific diaspora in Switzerland. The contribution of emigrants and re-emigrants to the development of both domestic and world science and culture is shown by the example of the professional destinies of scientists of the Russian–Swiss world in the second half of the XIX to beginning of the XX century (philosophers, chemists, biologists, physicists, geologists, etc.). The article characterizes the institute of "scientific diplomacy" as a socio-cultural phenomenon that ensures effective interaction of national scientific schools. The conclusion is made about the extraterritorial nature of scientific life in the XIX – early XX century. The features and peculiarities of

this phenomenon, which contributed to the development of cultural ties between the two countries during this period, are revealed.

Keywords: history of science, extraterritoriality, scientific diplomacy, emigration, re-emigration, Russian-Swiss scientific world.

Богданова Т. В.
(Россия. РГИА, Санкт-Петербург)

**УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫБОРГСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА
В КОНТЕКСТЕ ГУБЕРНСКОЙ РЕФОРМЫ ЕКАТЕРИНЫ II И ПЕРВЫЕ ГОДЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕГО ГУБЕРНАТОРОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА)**

Аннотация: благодаря победам в Северной войне (1700–1721) и русско-шведской войне (1741–1743) к Российской империи отошли территории с центром в г. Выборге. После завоевания г. Выборга Петр I объявил о сохранении действующих тогда в Финляндии шведских законов, в результате чего возник симбиоз русского и шведского управления территорией в составе Российской империи. По повелению императрицы Елизаветы Петровны 14 января 1744 г. была образована Выборгская губерния. Из-за разного времени вхождения в состав России на территориях Выборгской губернии образовалось отличное друг от друга управление. Такое управление территориями сохранилось вплоть до проведения императрицей Екатериной II Губернской реформы. В статье анализируются архивные документы, сохранившиеся в РГИА, о создании Выборгского наместничества, об унифицировании административного управления, а также о деятельности Вильгельма фон Энгельгардта (1782–1785) и Александра Александровича фон Пеутлинга (1785) на посту выборгских губернаторов.

Ключевые слова: Выборгское наместничество, губернская реформа 1775 г., выборгские чиновники, Вильгельм фон Энгельгардт, Александр Александрович фон Пеутлинг.

Благодаря победам в Северной войне (1700–1721) и русско-шведской войне (1741–1743) к Российской империи отошли территории с центром в г. Выборге. По повелению императрицы Елизаветы Петровны 14 января 1744 г. была образована Выборгская губерния. В ее состав вошли новозавоеванные земли Финляндии с городами Вильманstrand, Нейшлот и Фридрихсгам, а также ранее присоединенные Выборгская и Кексгольмская провинции [2]. Внутри территориально губерния была поделена на три провинции: Выборгскую, Кексгольмскую и Кюменегородскую.

После завоевания г. Выборга Петр I объявил о сохранении действующих тогда в Финляндии шведских законов, в результате чего возник симбиоз русского и шведского управления территорией в составе Российской империи. Из-за разного времени вхождения в состав России на территориях Выборгской губернии образовалось отличное друг от друга управление. В Выборгской и Кексгольмской провинции действовали старые шведские законы, основанные на «Процессном уставе» 1695 г., в Кюменегородской – новые, основанные на «Фридрицианском кодексе» 1734 г. [1, с. 87]. Такое управление сохранилось вплоть до проведения императрицей Екатериной II Губернской реформы.

Императрица Екатерина II 7 ноября 1775 г. утвердила «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» [3]. Губернская реформа относится к важнейшим реформам Российской империи и связана с глубокой перестройкой всей системы управления на местах. Вместо исторического деления на уезды, был введен новый рациональный принцип равенства административных единиц по статусу. Реформа унифицировала систему органов местного управления, отделила административные учреждения от судебных. Во всех наместничествах был введен типовой административный аппарат. Созданный институт генерал-губернаторства стоял выше губернской администрации и гражданского губернатора губернии. Функции по «Учреждению» генерал-губернатора и губернатора четко разграничены не были, также вплоть до 30-гг XIX века не было издано инструкции, в которой бы были

четко регламентированы функции губернатора. Изучению Губернской реформы посвящено множество работ в отечественной историографии [23, с. 132-140].

Именным указом Правительствующему Сенату императрица Екатерина II 25 июля 1783 г. «О составлении Выборгского Наместничества» повелела: «нашему генерал-поручику, правящему должность генерал-губернатора Финляндского принцу Виртемберг-Штутгардскому, или в отсутствии его нашему генерал-поручику и Выборгскому губернатору фон Энгельгардту, в конце нынешнего или в начале будущего 1784 года, привести в исполнение учреждение об управлении губерний и в Выборгском наместничестве, составя оное из шести уездов, а именно: Выборгского, Сердобольского, Кексгольмского, Нейшлотского, Вильманстрандского и Фридрихсгамского: в следствие чего местечко Сердоболье переименовать городом; а в прочем, в каком числе душ вся губерния и каждой ее уезде состоять будут, подать в наш Сенат ведомости» [4]. Подлинный указ хранится в Российском государственном историческом архиве в фонде Коллекции именных указов и высочайших повелений Правительствующему Сенату [13, л. 64а]. Указ был составлен на основании проекта усовершенствования механизма управления, который составил действующий выборгский губернатор Вильгельм фон Энгельгардт [22, с. 165].

Вильгельм фон Энгельгардт был назначен на должность выборгского губернатора именным указом Правительствующему Сенату еще 26 февраля 1782 г. [9, л. 135]. Родился будущий губернатор в семье шведского офицера Карпа (Каспара) фон Энгельгардта в феврале 1726 г. Его отец с 1709 г. до конца Северной войны находился в русском плену [18, с. 250].

Юношей Вильгельм поступил на службу в звании корнета в Прусский кирасирский полк. Во время правления императрицы Елизаветы Петровны в конце 1749 г. он перешел на русскую службу и был зачислен поручиком в Выборгский пехотный полк. Отслужив верой и правдой шесть лет, 25 апреля 1755 г., был произведен в капитаны. Принял активное участие в сражениях Семилетней войны (1756–1763). Был пожалован в секунд-майоры, а

благодаря участию в прославленном сражении у деревни Гросс-Егерсдорф под командованием генерал-фельдмаршала Степана Апраксина, которое произошло 19 августа 1757 г., был произведен в премьер-майоры. 12 июля 1759 г. в составе войск генерал-аншефа П.С. Салтыкова Вильгельм Карпович участвовал в сражении при Пальциге, а также в кровопролитном бою у Кунерсдорфа 1 августа 1759 г.

В чин подполковника В.К. фон Энгельгардт был пожалован 1 июля 1760 г. В самом начале октября месяца русско-австрийскими войсками был занят Берлин. Во взятии Берлина участвовал и Вильгельм Карпович. После восшествия на престол императора Петра III был заключен мирный договор с Пруссией. По условиям договора Россия вышла из Семилетней войны и вернула все территории, занятые русскими войсками. Спустя год, 17 апреля 1763 г., фон Энгельгардт был произведен в полковники [18, с. 250-251].

Следующая кампания, в которой принял участие Вильгельм Карпович – русско-турецкая кампания (1768–1774). На тот момент он состоял уже в Астраханском пехотном полку и был назначен в действующую армию. Принял непосредственное участие в сражениях 2 июля 1769 г. при деревне Пашкивицы, а 29 августа под Хотинском. Впоследствии находился в молдавском корпусе генерал-поручика И.К. Эльмпта, приняв участие в походе к местечку Ботушаны. На следующий год он, командуя 2-й кавалерийской бригадой 1-й армии, сражался у Рябой Могилы, у реки Ларги и в Кагульской битве. Осенью был произведен в бригадиры, а в октябре 1770 г. принял участие в походе за Дунай и во взятии городов Тульчи, Бабадага и Исакчи. В генерал-майоры В.К. фон Энгельгардт был произведен 9 января 1771 г. и назначен состоять при Лифляндской дивизии [18, с. 250-251].

Следующий чин генерал-поручика, который соответствовал III классу Табеля о рангах Российской империи, Вильгельм Карпович получил 28 июня 1777 г., после чего возглавил командование Лифляндской дивизией [18, с. 250-251].

16 февраля 1782 г. В.П. фон Энгельгардт занял место выборгского губернатора. Резиденция губернатора находилась в городе Выборге. Какие поступали из Петербурга до учреждения Выборгского наместничества выборгскому губернатору распоряжения? Так, 3 мая 1782 г. по донесению князя Вяземского императрица Екатерина II повелела отпустить шестьдесят один рубль на изготовление двух лодок «для переезда в город Кексгольм чрез реку Воксу» [10, л. 2].

Спустя три дня, императрица подписала именной указ Правительствующему Сенату о винном курении и питейной продаже в Выборгской губернии. Императрица приказала следующее: во-первых – обывателям тамошней губернии пользоваться свободным винокурением, при этом начальство должно было следить за тем, чтобы не возник «недостаток в хлебе для пропитания народного». Во-вторых – «пользуясь таковым свободным винокурением, которое никогда точным образом до сего им дозволено не было: но разрешения и запрещения происходили по временам и усмотрению власти, должны платить в казну нашу по двадцать копеек с каждой ревизской души до будущего соизволения нашего; и сии деньги собирать в одно время с прочими уездными податями». В-третьих – «в городах Выборге, и прочих той губернии питейную продажу отдать на откуп на основании Устава о вине». В-четвертых – «которым городам по установлениям привилегиям их принадлежат из сего дохода части, оные им производить; а в употреблении сих городских доходов поступать по имеющимся на то законам». В-пятых – исполнении по сему начать с первого января 1783 г., в следствии чего Сенату нашему сделать все потребные по тому распоряжения» [10, л. 18а, 18а об.].

27 сентября 1782 г. императрица подписала очередной указ, регламентирующий общий тариф портовых и пограничных таможен⁷ в губерниях Рижской, Ревельской и Выборгской, и размер пошлины. До издания указа в губерниях пошлины с привозимых и отпускных товаров «заклучалась и городская пошлина», которая именовалась городской, портовой, акцизной или прибавочной, и употреблялась она на установленные общественные городские

надобности. Вместо нее императрица повелела назначить каждому городу, который имел подобные доходы «известную сумму из таможенных наших доходов по сложности из последних десяти лет ежегодно определяемую». Городу Выборгу было назначено три тысячи пятьсот рублей, а Фридрихсгаму шестьсот пятьдесят рублей. Остальные городские доходы должны были быть составлены на прежнем основании. Города обязались отчитываться о приходах и расходах сумм «по законам» [11, л. 195а, 195а об.].

Именной указ Правительствующему Сенату «О податях с купечества, мещан, крестьян и других обывателей Губерний Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Харьковской, Могилёвской, Полоцкой, Рижской, Ревельской и Выборгской; о сборе пошлин с дел и с продаваемых недвижимых имений в Губерниях Малороссийских и о распространении на оные Губернии право выкупать недвижимые имения ближайшим родственникам по общим Государственным узаконениям» был подписан 3 мая 1783 г. Касательно Выборгской губернии, в четвертом разделе указа, императрица повелела собирать подати следующим образом: с казенных и помещичьих мужского полу крестьян по семнадцать копеек в год; с купцов согласно указу от 17 марта 1775 г. «с капиталов по совести ими объявляемых по одному со ста»; с мещан «с каждой души мужского полу по рублю по двадцать копеек на год». С указанных подушных сборов было необходимо собирать с каждого рубля по две копейки [12, л. 319 об.-321].

Императрица дала 2 июня 1783 г. именной рескрипт князю Вяземскому, в котором ссылаясь на Манифест от 7 августа 1782 г. «О милостях, дарованных преступникам, по случаю открытия монумента Императору Петру 1-му» на седьмую статью, которая гласит: «По корчемным и соляным делам содержащихся до сего времени под стражей всех освободить, по учиненным об них септенциях ничего не делать, и все по сим делам начатые следствия отставить» [5], повелела, бывших Санкт-Петербургских коронных поверенных Познякова с товарищами «не долженствует воспользоваться по делу о провозе к Выборге не дозволенным образом водки

французской, и о делании ими спирта – оставления всякого дальнего взыскания, но как та французская водка при самом начале следствия, равно как с деланный ими спирт взяты в секвестр из ведомства казенное вступили до издания помянутого манифеста, для того повелеваем оные водку и спирт обратить в пользу Приказа общественного призрения здешней губернии, а они Позняков с товарищами должны довольствоваться тем, что милость нашу в манифесте изъясненное избавлены они от дальнейшего по сему делу наказания» [12, л. 432].

После учреждения наместничества в Выборге, разделения его на шесть уездов и дарования местечку Сердоболу статуса города, по примеру других наместничеств, в нем стали функционировать губернское правление, Казенная палата, Приказ общественного призрения, верхний и нижний земские суды. В результате реформы были упразднены провинциальная и губернская канцелярия, а также герадский и лагманский суды. Теперь нижний суд был уездным, который объединился с нижней расправой, и в его состав вошел один судья и два заседателя. Нижний земский суд, состоявший из одного заседателя, выполнял также некоторые полицейские обязанности. Количество заседателей Верхнего земского суда было сокращено до 5 человек, теперь на рассмотрение в него поступали и апелляционные дела не только по гражданским, но и по уголовным делам [22, л. 164].

В двух городах – Выборге и Фридрихсгаме были уродены губернские и городские магистраты. В Вильманстранде, Кексгольме, Нейшлоте и Сердоболе – городские магистраты.

Учредив наместничества, императрица реформировала цвета гражданских мундиров. Так, именным указом Правительствующему Сенату 9 апреля 1784 г. она повелела: «присвоить в каждом Наместничестве особые цветы для платья в пользу находящихся там у дел дворянства и гражданства и в сокращении роскоши... рассудили за благо назначить оные цвета по трем полосам Империи нашей с отменами и различиями для каждой губернии взаимствованными большею частью из гербов ими употребляе-

мых». Для Выборгской губернии был утвержден «кафтан светло-синий с черным бархатным воротничком и разрезными обшлагами с двумя по разрезу пуговицами, косыми карманами и желтыми по обеим пологам пуговицами. Кои поставлены гнездами, подбой и камзол палевые» [14, л. 365-366 об.].

В фонде именных указов и высочайших повелений Правительствующему Сенату хранится высочайше утвержденный рисунок формы мундира для дворянства и губернских чиновников Выборгской губернии, утвержденный 9 апреля 1784 г. [14, л. 597].

Именно введение губернского мундира считается одним из главных признаков унификации системы правления Выборгской губернии с остальной территорией России. Его носили не только чиновники, но и дворяне, если не обладали правом носить мундир другого образца [1, с. 89].

По проведенным исследованиям К.Б. Назаренко, реформа повлияла на численный состав администрации Выборгского наместничества, который к концу XVIII в. увеличился почти в три раза. Численность чиновников колебалась от 133 до 152 человек. Также поменялся национальный состав, теперь с русскими фамилиями чиновников становится в администрации намного больше [1, с. 91].

Какие еще поступали на рассмотрение вопросы из Петербурга в Выборг, после образования наместничества? Так, 11 декабря 1784 г. императрица именованным указом повелела для улучшения торговли между Русской Финляндией и Шведской Финляндией ссылаясь на именной указ, данный 27 сентября 1782 г. Правительствующему Сенату «Об издании общего Тарифа для всех портов и пограничных Таможен Российской империи, кроме Астрахани, Оренбурга и Сибири», статья двенадцатая, которая гласит: «Родящиеся около Малороссийских и Белорусских наместничеств в Польских местах товары, а именно: пеньку, лен, мед, воск, вошину, масло конопляное и льняное, воловьсы сырые кожи, всякий хлеб, щетину, семя льняное и конопляное, деготь, разную деревянную посуду, лес и прочие потребные деревенским жителям вещи и всяких зверей пропускать в Россию чрез пограничные таможи

без взятия пошлин» [6] распространить и на Выборгскую губернию. При этом далее в указе записано: «подтверждая нашим гражданским и земским начальникам, таможенным чинам и служителям прилежно наблюдать дабы под видом сего для выгоды тамошнего края сделанные установления не мог иметь место потаенный провоз товаров, кои подлежат платежу пошлин тарифом положенных» [15, л. 401а, 401а об.].

Императрица Екатерина II подписала именной указ Правительствующему Сенату 20 января 1785 г., который гласил: «По прошению нашего генерал-поручика Выборгского наместничества правителя Вилима Энгельгарда, всемилостивейше увольняем его от всех дел, и по уважению долговременной его службы повелеваем производить ему по смерти нынешнее его жалование» [16, л. 65].

Вновь поступил на службу фон Энгельгардт в 1789 г. на должность дежурного генерала в штабе главнокомандующего русской армией князя Потемкина, являлся непосредственным участником при сдаче крепости Бендеры 3 ноября 1789 г. [18, с. 250-251].

В РГИА в фонде Капитула российских орденов МИДв хранится подлинный указ императрица Екатерина II о награждении Вильгельма Карповича орденом Св. Владимира 2-й степени, указ гласил: «Во всемилостивейшем уважении на усердную службу...отменное содержание полку лейб-кирасирского во всех частях и труды, понесенные им как по дежурству при армии Нашей, так и в принятии двух завоеванных крепостей» [7, л. 53].

Что касалось личной жизни выборгского губернатора, то в 1754 г. он женился на Берте Келлер, уроженке Брауншвейг-Люнебурга, у них родилась дочь Ильза. Скончался Вильгельм Карпович фон Энгельгардт 27 апреля 1797 г. [18, с. 250-251].

Другим именованным указом 20 января 1785 г., уже после отставки В.К. фон Энгельгарда, Правительствующему Сенату императрица Екатерина II повелела: «нашему генерал-майору Александру Пеутлингу отправлять должность правителя Выборгского наместничества» [16, л. 66].

Александр Александрович фон Пеутлинг родился в 1739 г. В одиннадцатилетнем возрасте, по дворянским обычаям того времени, поступил на службу. Служил офицером Выборгского пехотного полка. Участник нескольких войн: Семилетней (1756–1763) и русско-турецкой (1768–1774). Быстро продвигался по служебной лестнице, за отличия в боях получил досрочно несколько чинов: премьер-майор (1770), подполковник (1771), полковник (1777), генерал-майор (1783), генерал-поручик (1791) [21, с. 86-87].

В 1785 г., как упомянуто выше, А.А. фон Пеутлинг был назначен руководителем Выборгского наместничества, по сути, гражданским губернатором.

В фонде Канцелярии Святейшего Синода сохранилась переписка о назначении А.А. фон Пеутлинга на должность правителя Выборгского наместничества. 5 февраля на заседании Св. Синода был зачитан текст высочайшего указа, после, 10 февраля, в Новгородскую, Московскую, Псковскую, Киевскую, Тверскую Смоленскую и другие епархии был разослан формуляр с текстом высочайшего указа о его назначении [8, л. 3, 3 об.].

Александр Александрович фон Пеутлинг исполнял должность правителя Выборгского наместничества всего 80 дней. 8 апреля 1785 г. именным указом императрица Екатерина II объявила Правительствующему Сенату следующее: «Всемилоостивейше повелеваем назначенному к отправлению должности выборгского губернатора генерал-майору Александру фон Пеутлингу, отправлять должность правителя Уфимского наместничества [16, л. 400].

Конечно, за такой короткий срок, он практически ничего реализовать не успел. Тем не менее, в фонде именных указов и высочайших повелений Пр. Сенату сохранились сведения о том, что во время руководства губернией он из Сената получает предписания и указы.

Императрица высочайше утвердила 8 февраля 1785 г. всеподданнейших доклад Правительствующего Сената об отдаче питейной продажи по городам Выборгской губернии на откуп [16, л. 135-138а]. 18 февраля для учреждения хлебных магазинов в Выборгской губернии было выделено 31 163 рублей 16 копеек из

остаточных сумм Казначейства, при этом из этих денег решено было возместить потраченные 13 236 рублей 34 копеек на жалование чиновникам из суммы, вырученной от продажи хлеба в прежних магазинах [16, л. 276].

Весь свой управленческий талант Александр Александрович фон Пеутлинг продемонстрировал уже в Уфимской губернии. С 7 декабря 1789 г. он фактически совмещал две должности, управляя губернией вместо генерал-губернатора барона О.А. Игельстрома, который был направлен на войну со шведами. В 1791 г. А.А. фон Пеутлинг организовал выборы хана Малой орды Ирали. С 7 ноября 1792 г. по 1 ноября 1794 г. А.А. фон Пеутлинг исполнял обязанности симбирского и уфимского генерал-губернатора. Возглавлял войска Оренбургского полевого корпуса. В полномочия А.А. фон Пеутлинга во время его губернаторства входило: забота об отношениях с киргизами, назначение нарядов на линейную службу в Оренбургском полевом корпусе, производство в зауряд-офицеры, в урядники, избрание атаманов станиц, увольнение их в отставку. После смерти хана Ирали в июне 1794 г. издал распоряжение о передаче управления Малой ордой ханскому совету вплоть до назначения императрицей нового хана. Однако ханский совет действовал неэффективно. Этот период служебной деятельности Александра Александровича фон Пеутлинга подробно изучен оренбургскими [20, с. 101-103] и башкирскими историками [19, с. 75].

7 ноября 1794 г. А.А. фон Пеутлинг был отправлен в отставку, умер через год.

Александр Александрович был женат на Анне Петровне, от которой имел семерых детей, в том числе Петра (1785–1825), будущего прокурора Оренбургской межевой контрольной комиссии. Один из самых поздних документов, которые сохранились в РГИА, о семье Александра Александровича. В 1804 г. его семья была утверждена в дворянстве, по заслугам их покойного отца и мужа [17, л. 14].

Александр Александрович хоть и пробыл на посту выборгского гражданского губернатора всего лишь 5 месяцев, и не успел осуществить каких-либо значительных преобразований, тем не

менее к исполнению своей должности относился ответственно, а его потомки продолжили служить на благо Отечества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Назаренко К.Б. Административная система Русской Финляндии в 1760–1810-е гг. // Вопросы истории. 2016. № 1.
2. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Т. 12 (1744–1748). № 8856. 14 января 1744 г.
3. ПСЗ РИ. Т. 20 (1775–1780). № 14392. 7 ноября 1775 г.
4. ПСЗ РИ. Т. 21 (1781–1783). № 15795. 25 июля 1783 г.
5. ПСЗ РИ. Том 21 (1781–1783). № 15488. 7 августа 1782 г.
6. ПСЗ РИ. Том 21 (1781–1783). № 15520. 27 сентября 1782 г.
7. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 496. Оп. 3. Д. 1411. – Именные указы по ордену Владимира. 1788–1792 гг.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 66. Д. 37. – По ведению Сената об увольнении правителя Выборгского наместничества Василия Энгельгардта с определением ему пенсии и о назначении на его место генерал-майора Александра Пеутлинга. 1 февраля – 14 апреля 1785 г.
9. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 148. – Именные указы Сенату за январь, февраль, март и апрель 1782 г.
10. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 149. – Именные указы Сенату за май, июнь и июль 1782 г.
11. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 150. – Именные указы Сенату до конца 1782 г.
12. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 153. – Именные указы Сенату первая половина 1783 г.
13. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 154. – Именные указы Сенату вторая половина 1783 г.
14. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 155. – Именные указы Сенату первая половина 1784 г.
15. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 156. – Именные указы Сенату вторая половина 1784 г.

16. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 157. – Именные указы Сенату за январскую треть 1785 г.

17. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 387. – Департамент герольдии Сената. Родословная книга дворян Оренбургской губернии. 1803–1805 гг.

18. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Санкт-Петербург : Имп. Рус. ист. о-во, Т. XXIV. Шапов – Юшневский.

19. Семенов В.Г. Пеутлинг Александр Александрович // Башкирская энциклопедия : В 7-ми томах / Научно-редакционный совет научного издательства “Башкирская энциклопедия” и редакционная коллегия Башкирской энциклопедии. Председатель научно-редакционного совета и главный редактор: М.А. Ильгамов. Том 5. Уфа : Башкирская энциклопедия, 2009.

20. Семенова Н.Л. Правители Уфимского наместничества // Интеграция наук. 2017. № 8(12).

21. Семенова Н.Л. Генерал-губернаторы Уфимского и симбирского наместничеств: персонально-биографический аспект // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2021. № 1(76).

22. Тимченко К.В. От Выборгской провинции до Финляндской губернии: первые шаги инкорпорации финляндских земель в состав России // Вестник Брянского государственного университета. 2015. №1.

23. Юферова С.В. Губернская реформа Екатерины II: освещение в отечественной историографии // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 19(141).

Богданова Т. В.,

заместитель начальника отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург).

Tatyana V. Bogdanova,

Deputy Head of the Department of Information and Scientific Use of Documents
of the Russian State Historical Archive (Russia),
E-mail: taitiana@yandex.ru

THE ESTABLISHMENT OF THE VYBORG VICEROYALTY IN THE CONTEXT OF THE PROVINCIAL REFORM OF CATHERINE II AND THE FIRST YEARS OF THE ACTIVITY OF ITS GOVERNORS (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE)

Thanks to the victories in the Northern War (1700-1721) and the Russo-Swedish War (1741-1743), territories centered in Vyborg were ceded to the Russian Empire. After the conquest of Vyborg, Peter I announced the preservation of Swedish laws in force in Finland at that time, as a result of which a symbiosis of Russian and Swedish administration of the territory within the Russian Empire arose. By order of Empress Elizabeth Petrovna, on January 14, 1744, the Vyborg province was established. Due to the different times of joining Russia, a different administration was formed in the territories of the Vyborg province. Such management of territories remained until the Provincial reform was carried out by Empress Catherine II. The article analyzes archival documents preserved in the Russian Academy of Sciences on the creation of the Vyborg viceroyalty, on the unification of administrative management, as well as on the activities of Wilhelm von Engelhardt (1782-1785) and Alexander Alexandrovich von Peutling (1785) as Vyborg governors.

Key words: Vyborg viceroyalty, provincial reform of 1775, Vyborg officials, Wilhelm von Engelhardt, Alexander Alexandrovich von Peutling.

REFERENCES

1. Nazarenko, K. B. The administrative system of Russian Finland in the 1760s- 1810s / K. B. Nazarenko // Questions of history. – 2016. – № 1.
2. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (hereinafter – PSZ RI). Vol. 12 (1744-1748). No. 8856. January 14, 1744
3. CCL RE. Vol. 20 (1775-1780). No. 14392. November 7, 1775
4. CCL RE. Vol. 21 (1781-1783). No. 15795. July 25, 1783
5. CCL RE. Volume 21 (1781-1783). No. 15488. August 7, 1782
6. CCL RE. Volume 21 (1781-1783). No. 15520. September 27, 1782
7. The Russian State Historical Archive (hereinafter – RSHA). F. 496. Op. 3. d. 1411 – Nominal decrees on the Order of Vladimir. 1788-1792
8. RSHA. F. 796. Op. 66. D. 37 – Under the guidance of the Senate on the dismissal of the ruler of the Vyborg viceroyalty Vasily Engelhardt with the determination of his pension and the appointment of Major General Alexander Peutling in his place. February 1 - April 14, 1785
9. RSHA. F. 1329. Op. 1. D. 148 – Nominal decrees to the Senate for January, February, March and April 1782
10. RSHA. F. 1329. Op. 1. D. 149 – Nominal decrees to the Senate for May, June and July 1782
11. RSHA. F. 1329. Op. 1. D. 150 – Nominal decrees to the Senate until the end of 1782
12. RSHA. F. 1329. Op. 1. D. 153 – Nominal decrees to the Senate the first half of 1783
13. RSHA. F. 1329. Op. 1. D. 154 – Nominal decrees to the Senate in the second half of 1783
14. RSHA. F. 1329. Op. 1. D. 155 – Nominal decrees to the Senate the first half of 1784
15. RSHA. F. 1329. Op. 1. D. 156 – Nominal decrees to the Senate in the second half of 1784
16. RSHA. F. 1329. Op. 1. D. 157 – Nominal decrees to the Senate for the January third of 1785

17. RSHA. F. 1343. Op. 51. D. 387 – Department of the Senate Heraldry. The genealogical book of the nobles of the Orenburg province. 1803-1805

18. Russian biographical dictionary / ed. under the supervision of the pre-*Imp. Rus. ist.* about A. A. Polovtsov. - St. Petersburg : *Imp. Rus. ist. Oh*, Vol. XXIV. Shchapov – Yushnevsky.

19. Semenov, V. G. Peutling Alexander Alexandrovich / V. G. Semenov, V. P. Semenova // *Bashkir Encyclopedia* : In 7 volumes / Scientific and editorial Board of the scientific publishing house “*Bashkir Encyclopedia*” and the editorial board of the *Bashkir Encyclopedia*. Chairman of the Scientific and Editorial Board and editor-in-chief: M. A. Ilgamov. Volume 5. Ufa : *Bashkir Encyclopedia*, 2009.

20. Semenova, N. L. Rulers of the Ufa governorate / N. L. Semenova // *Integration of sciences*. – 2017. – № 8(12).

21. Semenova, N. L. Governors-General of the Ufa and Simbirsk governorates: a personal and biographical aspect / N. L. Semenova // *Current problems of the humanities and socio-economic sciences*. – 2021. – № 1(76).

22. Timchenko, K.V. From Vyborg province to the Finnish province: the first steps of incorporation of the Finnish lands into Russia. – *Bulletin of the Bryansk State University*. 2015, №1.

23. Yuferova, S. V. The provincial reform of Catherine II: coverage in Russian historiography / S. V. Yuferova // *Bulletin of the Russian State University. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies*. – 2014. – № 19(141).

*Абдурманова К. Д.,
Булыга И. М.,
Петров Е. В.,
Рябова Л. К.*

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет. Институт истории)

**РОССИЙСКО-ФИНСКИЕ
«ОРИЕНТАЛИСТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»:
Й.Г. ГРАНЁ И Г.Й. РАМСТЕДТ
В СОСТАВЕ
ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация: в статье рассматриваются научные биографии финских ученых Й.Г. Гранё и Г.Й. Рамстедта, которые оказались сопричастными по роду своей профессиональной деятельности с научно-исследовательскими экспедициями Императорского Русского географического общества. Акцент делается на обобщении опыта их сотрудничества с представителями ИРГО и обмене результатами научных исследований в области алтаистики и монголистики. Делается вывод об экстерриториальном характере научных достижений Й. Гранё и Г. Рамстедта, их вкладе в развитие академических связей между научными сообществами России и Финляндии.

Ключевые слова: ориенталистские исследования, алтаистика, монголистика, Императорское Русское географическое общество, академический имбридинг, Й.Г. Гранё, Г.Й. Рамстедт.

Престиж национальных академий наук и университетов традиционно строится на высокой степени вовлечённости в их профессиональное поле деятельности зарубежных специалистов, способных своими исследованиями обеспечить местным академическим структурам научные открытия и достижения мирового

уровня. Практика приглашения зарубежных специалистов на замещение вакантных должностей в дореволюционной и советской академии наук считалась приемлемой нормой. Данный подход в организации научных исследований позволял выстраивать эффективную систему академического «имбридинга» – вовлечения лучших специалистов из числа высокопрофессиональных научных кадров мирового уровня. В истории мировой науки весьма показателен исторический опыт работы финских ученых, тех, кто успешно адаптировался к исследовательской работе в составе Петербургской Академии наук: А.М. Шегрен, М.А. Кастрен, А.Э. Альквист, Э.Г. Лаксман, А.И. Лексель, А.И. Гиппинг, Х.Х. Стевен, И.Ю. Миккола, Я.И. Седерхольм, Т. Рейн. Устойчивость двусторонних академических контактов и связей весьма постоянная величина в истории двусторонних взаимоотношений России и Финляндии. Когорта финских ученых в составе Петербургской Академии наук включала в себя широкий профиль специалистов от математиков, химиков и геологов до востоковедов, филологов и этнографов [10].

Стараниями большинства из них российско-финские академические связи обрели устойчивость и на протяжении XIX в. сохраняли традицию сотрудничества и общности научных интересов. В 1827 г. в Гельсингфорсе был открыт Императорский Александровский университет, в 1838 г. образовалось Финское общество наук и литературы, в 1908 г. появилась Финская академия наук и литературы, что подтверждает развитие научного знания в Финляндии на протяжении XIX – начала XX века. Близкое расположение Финляндии к столице Российской империи, к Императорскому Санкт-Петербургскому университету, а также особенность поликультурного, трансграничного региона Северо-Запада Российской империи обуславливала тесное взаимодействие российских и финских ученых в различных областях точных, естественных и гуманитарных наук. Сотрудничество ученых приводило к обмену научными знаниями и исследовательским опытом, содействовало развитию академических связей российских и финляндских научных институтов.

В современной отечественной и зарубежной историографии популярна тема российско-финляндских связей в различных областях науки и культуры. Изучаются литературные связи [15], анализируется финская бюрократическая корпорация на службе в Российской империи [11], исследуются связи отдельных российских и финских научных институтов [14, 15]. Финские ученые внесли особый вклад в изучение российско-финляндского соседства как области межкультурного обмена [1, с. 22]. Вместе с тем, многие вопросы организации и проведения российско-финляндских научных экспедиций не были охвачены специальными исследованиями.

Для нас было принципиально важным охарактеризовать опыт научных работ финских специалистов, чьи исследования можно соотнести с вовлеченностью в ориенталистские программы Императорского Русского географического общества. Классическим примером в данной области является деятельность финского востоковеда, арабиста и этнолога Георга Августа Валлина (Georg August Wallin, 1811–1852), обучавшегося в Санкт-Петербурге, в Институте восточных языков при Министерстве иностранных дел и сотрудничающего с Императорским Русским географическим обществом. Впоследствии за свои труды он был удостоен Золотой медали основателей Королевского географического общества в Великобритании (1850) и Серебряной медалью Географического общества Франции [19].

К числу финских специалистов, являвшихся действительными членами Императорского Русского географического общества, относятся имена Й.Г. Гранё и Г.Й. Рамстедта. В данной статье представлен обзор их научной деятельности в качестве действительных членов ИРГО, внесших значительный вклад в изучение географии, этнографии и лингвистики народов России и оставивших заметный след в мировой науке.

Вопросам изучения научного наследия Йоханнеса Габриэля Гранё (Johannes Gabriel Granö, 1882–1956) посвящено множество исследований в финской историографии [20, 22, 23, 27]. Отечественные специалисты обращались к биографии Гранё namного

реже [4, 5], хотя мировое признание и известность ученый обрел, благодаря экспедициям, проведенными на территории Сибири и Алтая.

В справочно-биографической литературе отмечается, что Йоханнес Г. Гранё родился в городе Лапуа, Великом княжестве Финляндском, в семье финского священника и археолога-любителя. Детские годы провел в Омске, был с отцом в служебных поездках по церковным приходам в деревнях с финно-угорским населением. В 1900–1905 гг. обучался в Императорском Александровском университете в Гельсингфорсе, в котором получил географическое образование, а позже состоял в должности ассистента с 1902 по 1912 гг.

В 1906 г. Й. Г. Гранё стал стипендиатом Финно-угорского общества и провел экспедиционные исследования в Западном Алтае, Урянхайском крае, Западной Монголии в 1906–1913 гг., где разрабатывал основы ландшафтоведения. В 1913–1916 гг. участвовал в экспедиции по Алтаю, организованной Императорским Александровским университетом. В зимний период находился в Омске, где сотрудничал с Западно-Сибирским отделением ИРГО.

Й.Г. Гранё был хорошо знаком с научными трудами Г.А. Гельмерсена, В.В. Радлова, С.А. Яковлева, П.Г. Игнатъева, на сочинения которых он постоянно ссылался в своих исследованиях [6, с. 157]. В 1914 г. Й.Г. Гранё стал действительным членом Западно-Сибирского отделения Русского географического общества [5, с. 86]. Сотрудничество с учеными ИРГО отразилось в публикации научных исследований в «Известиях Западно-Сибирского отделения Русского географического общества» под названиями «О ледниковом периоде в Русском Алтае» и «О значении ледникового периода для морфологии северо-восточного Алтая». Публикация данных работ вызвала обширную дискуссию среди российских ученых. Так, Й.Г. Гранё полемизировал с геологом С. А. Яковлевым относительно влияния ледникового периода на формирование озерной впадины Телецкого озера [6, с. 164]. Научная полемика возникла у Й.Г. Гранё с выдающимся русским и советским ученым

В. А. Обручевым, которая продолжалась спустя несколько десятилетий. В.А. Обручев в 1947 г. опубликовал рецензию на книгу финского исследователя 1945 г. по ледниковой истории Алтая [7].

Авторитет Й.Г. Гранё в академических кругах России был достаточно высок. Ему предлагали занять должность профессора Томского университета, однако ученый счел для себя необходимым вернуться в Финляндию [27, с. 126]. Дальнейшая научная деятельность Й.Г. Гранё была связана с Эстонией, где с 1919 по 1923 гг. он занимал должность профессора Тартуского университета, и с Финляндией, где с 1923 г. он преподавал в качестве профессора университета Хельсинки и с 1926 г. – в Турку. Он активно публиковался в это время, содействуя распространению научных знаний о географии России, обобщая данные и результаты исследований полученных в ходе проведенных им алтайских экспедиций. В 1919 г. издается его книга «*Altai, vaellusvuosina nähtyä ja elettyä*» («Алтай, увиденное и пережитое в годы странствий»), а в 1931 г. «*Altain kasvillisuus*» («Алтайская растительность»).

Деятельность Й. Г. Гранё, в ходе которой он сотрудничал с членами Западно-Сибирского отделения ИРГО, оказала значительное влияние на развитие представлений мировой науки о географии Алтая. Труды Й.Г. Гранё не утратили своей актуальности. Они до сих пор переиздаются – в 2012 г. вышло издание на русском языке его работы 1919 г. [2].

Вклад Й. Г. Гранё в отечественную ориенталистику заключается в выдвижении новых научных концепций, посвященных природе геологических процессов на Алтае. Его публикации в отечественных научных журналах стали причиной переоценки положений отечественной геологии, дискуссии с отечественными учеными, С.А. Яковлевым и В.А. Обручевым, позволили выдвинуть новые научные теории о геологических процессах на Алтае. Тем не менее, как отмечают современные исследователи, вопросы, поднятые Й. Г. Гранё по поводу рельефообразования и оледенения Алтая до сих пор не решены [5, с. 88], что делает работы финского исследователя актуальными и сегодня. Бесценный научный и исследовательский опыт работы, накопленный финскими учеными в

составе экспедиций ИРГО, сегодня продолжает изучаться и переосмысливаться с науковедческих позиций.

Значительный вклад в сотрудничество и развитие лингвистических и востоковедных знаний внес другой выпускник Императорского Александровского университета – Густав Йон Рамстедт (Gustaf John Ramstedt, 1873–1950). Изучению его биографии посвящено немало работ [3, 18, 21, 25], однако его сотрудничество с российскими научными институтами остается малоизученной темой. Из историографических источников известно, что Г. Й. Рамстедт родился в финском городе Таммисаари в семье механика Густава Адольфа Рамстедта. Позже семья жила в пригороде Турку, где преобладал финский язык, но в его среде также находились носители польского и русского языков [21, с. 3]. Таким образом, Г. Й. Рамстедт рос в полилингвальной среде, поэтому закономерно, что еще в школьные годы его заинтересовало изучение культурно-языковых особенностей народов.

Г. Й. Рамстедт обучался в Императорском Александровском университете, где изучал, наряду с латынью и греческим, иврит и санскрит [21, с. 4]. В университете его учителем по санскриту и наставником стал Отто Доннер (Otto Donner, 1835–1909), который впоследствии кардинальным образом повлиял на профессиональный путь будущего лингвиста.

О. Доннер, как один из основателей Финно-угорского общества, организовывал и субсидировал исследовательские экспедиции, к которым привлекал молодых ученых [14, с. 386]. В одну из таких экспедиций был приглашен Г. Й. Рамстедт: в 1898 г. он отправился в район среднего течения реки Волги, населенный горными черемисами. Там ученый поселился в окрестностях Козьмодемьянска, где в течение трех месяцев собирал материалы по особенностям местного языка [21, с. 5]. Полученные сведения легли в основу работы, опубликованной в 1902 г. под названием «Исследование горно-черемисских языков» («Bergtscheremissische Sprachstudien»).

В ходе первой экспедиции Г. Й. Рамстедт проявил свои выдающиеся способности, поэтому вскоре снова был привлечен

«Финно-угорским обществом», которое приняло решение о продолжении языковедческих исследований, начатых М.А. Кастреном (Matthias Alexander Castren, 1813–1852) [28, с. 219]. В том же 1898 г. Г.Й. Рамстедт впервые отправился в Монголию. Первые результаты его изысканий в области монголистики были отражены в двух работах – «Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха-ургинского говора» («Das schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch vergleichen») и «О спряжении в халха-монгольском языке» («Über die konjugation des Khalkhamongolischen»). В 1902 г. в Императорском Александровском университете в Гельсингфорсе прошла защита докторской диссертации Г.Й. Рамстедта, официальным оппонентом на которой выступил профессор Э.Н. Сетяля (Emil Nestor Setälä, 1864–1935) [12, с. 98]. Андрей Дмитриевич Руднев, докладывая о работах Г.Й. Рамстедта на общем собрании членов Троицкославско-Кяхтинского отделения ИРГО, подчеркивал их новаторский характер: его исследования – первые в ряду работ, посвященных фонетике монгольских наречий, грамматике разговорного языка [12, с. 106, 117, 122].

В 1903 г. Г.Й. Рамстедт отправился в экспедицию в Поволжье для изучения калмыцкого языка, где ему удалось собрать 20 сказок, около 100 загадок, 200 пословиц, 40 народных песен и 20 фонограмм калмыцких мелодий [8, с. 13]. В 1904 г. в рамках экспедиции, организованной Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, Г. Й. Рамстедт снова вернулся в районы Поволжья. Совместно с Андреем Дмитриевичем Рудневым (1878–1958), для которого эта поездка также оказалась повторной – впервые он побывал в Калмыцких степях в 1897 г. [13], Г.Й. Рамстедт продолжил свои исследования языка калмыков.

В том же 1904 г. Г.Й. Рамстедт был избран членом ИРГО [9, XI]. В дальнейшем ученый опубликовал в журналах ИРГО результаты своих многочисленных исследований. В 1909 г. вышла его работа «Этимология имени ойрат» в «Записках Русского географического общества по Отделению этнографии», а в 1914 г. – исследова-

ние «Как был найден "Селенгинский камень": перевод надписи «Селенгинского камня» в «Трудах Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отд. Русского географического общества».

Последующая научная деятельность Г.Й. Рамстедта проходила в Японии и Финляндии. На основе накопленного материала по изучению калмыцкого, монгольского, японского, корейского языков ученый опубликовал в Финляндии научные работы, в которых делился результатами исследований с мировым научным сообществом. Вышли его труды, посвященные сравнению алтайских и японского языков [26], а в 1935 г. в Финляндии был издан сравнительно-исторический калмыцкий словарь («Kalmückisches Wörterbuch»).

Таким образом, Г.Й. Рамстедт и Й.Г. Гранё своей научной деятельностью способствовали консолидации российско-финских ориенталистских исследований в начале XX века. Они внесли значительный вклад в изучение различных аспектов науки о Сибири и Алтае: лингвистики, ландшафтоведения, географии. Финские ученые в составе ИРГО подтвердил своей профессиональной деятельностью мировой уровень признания и высокую репутацию дореволюционной отечественной ориенталистской мысли. По возвращении в Финляндию результаты их исследований были опубликованы и стали достоянием мировой науки. Г.Й. Рамстедт и Й.Г. Гранё содействовали укреплению мировых позиций отечественной науки в деле изучения востоковедных знаний и по многим направлениям ориенталистики стали первопроходцами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вихавайнен Т. Восточная граница исчезает. Два столетия России и Финляндии. СПб.: Нестор-История, 2012.
2. Гранё Г. Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий. М.: Индрик, 2012.
3. Есенова Т.С. Рамстедт - лингвист и путешественник // ГЕ-ГЭРЛТ. 2006. № 1-2(28-29). С. 40-54.

4. Малолетко А.М. Алтайские пути-дороги Габриэля Гране (к 130-летию со дня рождения) // География и природопользование Сибири. Барнаул, 2012. С. 94-98.

5. Малотеко А.М. 135 лет со дня рождения Габриэля Гранё, финского ученого, исследователя Алтая // Геосферные исследования. 2017. № 2. С. 86-90.

6. Мукаева Л.Н. Экспедиционные исследования финского геоморфолога Й.Г. Гранё в Северо-Восточном Алтае в начале XX вв. // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): 2017 год: материалы XIII международной научно-практической конференции. Выпуск 13. 2018. С. 156-165.

7. Обручев В.А. [рецензия]. Геологическое строение северо-восточного Алтая. 1945. 353 с. // Известия АН СССР. Серия геологическая. 1947. №3. С. 142-144.

8. Отчет д-ра Г.Й. Рамстедта за 1903 год // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1904. № 2. С. 11-14.

9. Отчет Императорского Русского географического общества за 1904 год. СПб., 1905.

10. РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 106. Статистические сведения о числе финляндских уроженцев, проживающих в пределах России, и о роде их занятий. Ч. 1.

11. Рогулин Н.Г. Граждане Великого княжества Финляндского на государственной службе в России в начале XX в. Санкт-Петербург, 2012.

12. Руднев А.Д. Защита докторской диссертации Г. И. Рамстедта и два его труда в области монгольской грамматики // Труды Троицкославско-Кяхтинского отделения Русского географического общества. 1903. Т. 6. Вып. 2. С. 98–123.

13. Руднев А.Д. Из калмыцких впечатлений // Байкал. 1904. №19. С. 1-4.

14. Руднев А.Д. Памяти Отто Доннера (род. 15/3 XII 1835 г. – [ум.] 17/4 IX 1909 г.) // Финляндия. 1909. № 14. С. 386-389.

-
15. Сойни Е.Г. Русско-финские литературные связи 1890-1930-х годов. Дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 2004.
 16. Такала И.Р. О связях ученых Туркуского университета с Петербургской Академией наук в XVIII в. // Скандинавские чтения 2002 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: Кунсткамера, 2003. С. 236-244.
 17. Терюков А.И. Финно-угорская этнография в Петербурге–Ленинграде (XIX — 30-е гг. XX вв.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1989. С. 7-14.
 18. Bengelsdorff, Anna Lena. Gustaf John Ramstedt: En mongolsjäl i professorsrock. Ekenäs: Proclio, 2017.
 19. Dolce far niente in Arabia: Georg August Wallin and His Travels in the 1840s. um Tusculanum Press, University of Copenhagen, 2014.
 20. Granö O. Johannes Gabriel Granö och regionalgeografi. Svensk Geografisk Årsbok, 1992, № 68. 37-54.
 21. Gustaf John Ramstedt: discours commémoratif prononcé le 2. 12. 1950 à l'assemblée annuelle de la Société Finno-Ougrienne; Helsinki. 1951. 21 p.
 22. Kant E. Johannes Gabriel Granö 14.3.1882– 23.2.1956. Några minnesord. Svensk Geografisk Årsbok 1956, 163-172.
 23. Mereste U. Johannes Gabriel Granö ja teoreettinen maantiede. Terra 97/1985:3, 176– 183.
 24. Paasi A. Territories, boundaries and consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester, 1995.
 25. Poppe Nicholas «Obituary: Gustav John Ramstedt 1873–1950» Harvard Journal of Asiatic Studies 14, no. 1/2 (1951). p. 315-322.
 26. Ramstedt G. J. A comparison of the Altaic languages with Japanese (1924) // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 55, 1951.
 27. Tiitta A. Sinisten maisemien mies: J. G. Granön tutkijantie 1882–1956. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2011.

28. 100 suomalaista pienoiselämäkerta venäjäksi / Ред. Тимо Вихавайнен (Timo Vihavainen); пер. И. М. Соломеща. – Общество финской литературы (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura), 2004.

Russian-Finnish “orientalist studies”: J. G. Granö and G. J. Ramstedt as members of the Imperial Russian Geographical Society

Abstract: The article deals with the scientific biographies of Finnish scientists J. G. Granö and G. J. Ramstedt, who were involved in their professional activities with the research expeditions of the Imperial Russian Geographical Society. Emphasis is placed on their cooperation with representatives of the IRGO, exchange of scientific achievements in the field of Altaic and Mongolistics with the Russian, Finnish and world scientific community. The conclusion is made about the extraterritorial character of scientific achievements of the researchers, their contribution to the development of academic ties between the scientific communities of Russia and Finland.

Key words: Orientalist studies, Altaistics, Mongolistics, Imperial Russian Geographical Society, academic imbreeding.

Свиридова А. С.

(Россия. Брянский государственный университет)

**ЛОНДОНСКИЙ ПРОТОКОЛ 1885 г. ЧЕРЕЗ
ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
ВОПРОСОВ ДЕМАРКАЦИИ
РУССКО-АФГАНСКОЙ ГРАНИЦЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «НОВОЕ ВРЕМЯ»)**

Аннотация: в статье проанализированы материалы отечественной газеты «Новое время», посвященные Лондонскому договору 1885 г. о демаркации русско-афганской границы в Центральной Азии. На основе этих событий показаны особенности формирования общественного мнения на страницах одной из крупнейших российских газет. В центре внимания издания находился один из вопросов государственной внешней политики, рассмотренный с привлечением ведущих британских газет и позволивший составить необходимое, с точки зрения российского органа печати, представление о сложившейся политической ситуации в Центральной Азии. Позиция «Нового времени» ярко демонстрирует особенности продолжавшегося межгосударственного конфликта, вызванного итогами Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Ключевые слова: демаркация, русско-афганская граница, Российская империя, Великобритания (Англия), периодическая печать, газета «Новое время», общественное мнение.

Англо-русские противоречия в Средней Азии во второй половине XIX в. достигли своей кульминации в связи с событиями вокруг Мервского и Пендинского оазисов, ускорив тем самым развязку в переговорах двух империй относительно демаркации русско-афганской границы [8; с. 19].

Изучением особенностей взаимоотношений между Российской империей, Афганистаном и Великобританией в Средней Азии занимались многие исследователи. В большинстве своем они

оценивают 1880-е гг. как очередной этап англо-российского противостояния в среднеазиатском регионе. Вопрос демаркации русско-афганской границы, как один из ключевых в процессе взаимодействия обеих держав в этот период, довольно подробно освещен в исследовании О.А. Никонова, посвященном особенностям российской политики на Среднем Востоке на протяжении второй половины XIX в. [9]. Т.В. Рабуш в своей статье рассматривает процесс формирования границ Афганистана во второй половине XIX в., опираясь на анализ отечественной историографии [10]. Исследование с опорой на официальные документы по демаркации границ в Афганистане в 1885 г. проведено Н.Н. Лисицыной. Автор в своей работе уделяет внимание особенностям цензурной обработки этих материалов [8].

Однако при всех достоинствах приведенных здесь исследований, выделенных автором статьи в качестве ключевых для выработки собственной позиции, в них присутствует очевидный пробел, связанный с анализом отечественной периодической печати, отразившей на своих страницах вызванные с этими событиями общественные настроения в Российской империи. Предпринятый в статье анализ публикаций в газете «Новое время» ставит целью выявление особенностей восприятия российским обществом Лондонского протокола как документа, создавшего основу для демаркации русско-афганской границы в 1885 г., и отразившего общие настроения в отношении ситуации, связанной с межгосударственным кризисом, порожденным итогами Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Так называемый «Афганский кризис», наметившийся в рамках противостояния России и Англии в Центральной Азии, дипломатически был разрешен 10 сентября (29 августа) 1885 г. В результате переговоров российская и английская стороны утвердили соглашение о демаркации границы между Эмиратом Афганистан и Российской империей в Центральной Азии. Лондонский протокол с российской стороны был подписан чрезвычайным и полномоч-

ным послом бароном Е.Е. Стаалем, с британской стороны – премьер-министром и министром иностранных дел маркизом Р. Гаскойн-Сесилом, маркизом Солсбери [10; с. 44].

В документе описывалась граница от укрепления Зульфагар («Зульфагарская башня») на реке Гери-Руд (Теджен), по которой проходила граница Афганистана с Персией, на север и затем на северо-восток до реки Амударья. К протоколу прилагались карты, на которых «для большей ясности были обозначены главные пункты пограничной черты» [1; с. 264].

События и особенности англо-русского противостояния в Средней Азии широко обсуждались в прессе. Российская периодическая печать пространно освещала вопросы демаркации русско-афганской границы, понимая важность и необходимость формирования общественного мнения по данному вопросу, а «Новое время» являлось одной из крупнейших российских газет второй половины XIX века. С 1881 г. она выходила дважды в день: утренний выпуск и вечерний, повторявший содержание утреннего выпуска с включением последних новостей. Газета широко освещала события международных отношений. Важной особенностью этого печатного органа являлось стремление не только учитывать, но и формировать общественное мнение, апеллируя к самым разным слоям общества. Информационная насыщенность страниц издания достигалась в том числе и благодаря связям сотрудников в правительственных кругах [11].

Однако новость о подписании договора в Лондоне отечественная периодическая печать восприняла весьма сдержанно. Так, 10 сентября 1885 г. в «Новом времени» была опубликована лишь небольшая заметка со ссылкой на «Standard» о том, что «Англия формально приняла предложения России о Зюльфагарском проходе, и что результат этого соглашения будет немедленно занесен в протокол» [2]. Примечательно, что в выпуске «Нового времени» от 11 сентября 1885 г., в котором освещались события предшествующего дня, не только не упоминалось Лондонское соглашение, но и отсутствовали вообще сведения о событиях, послуживших основой для решения дипломатических проблем между

двумя государствами [3]. В газетном номере «Нового времени» от 12 сентября 1885 г. вопросу демаркации русско-афганской границы посвящена небольшая телеграмма от лондонских корреспондентов газеты, констатирующая факт подписания Лондонского договора: «Вчера подписан протокол соглашения между английским и русским правительствами по среднеазиатскому делу» [4].

Апеллировать к общественному мнению по вопросу демаркации русско-афганской границы в результате заключенного Лондонского договора «Новое время» начнет через неделю в статье «Лондонский договор»: «Русская печать отнеслась к этому "событию" с беспримерным равнодушием; многие газеты не обмолвились ни одним словом по поводу протокола» [6]. Прочитав эту газетную статью, читатель мог получить неоднозначное представление о Лондонском договоре. С одной стороны, признавалась необходимость и своевременность его подписания: «С неделю тому назад в Лондоне был подписан дипломатический документ не последней важности – протокол, в котором более или менее точно определена пограничная черта, в настоящее время отделяющая русские владения в Средней Азии от Афганистана» [6]. С другой стороны – осторожно оценивалась его значимость: договор именовался не иначе как «канцелярская отписка на запросы двух держав, ищущих постоянных и прочных границ в Средней Азии» [6]. Такое двойное отношение к договору было вызвано опасениями по вопросу непосредственной демаркации русско-афганской границы на местности.

Протокол предусматривал, что каждая сторона назначит по одному комиссару, которые начнут работу по демаркации через 2 месяца после подписания соглашения. Зульфагар был определен как место съезда комиссий и отправная точка в процессе разграничения границы. По мере определения границы разрешалось устанавливать на ней пограничные посты. В п. 3 договора разграничительным комиссиям рекомендовалось при определении границы учитывать «условия местностей, а также потребности и благосостояние местных населений» [1; с. 265]. Состав комиссии с каждой

стороны не должен был превышать 100 человек, и в договоре оговаривалось недопущение увеличения численности этих комиссий за счет каких-либо иных соглашений, заключенных непосредственно между комиссарами обеих сторон [1; с. 265].

Печать высказывала опасения на предмет демаркационных сроков: «проводить границу придется почти целый год, а может быть и более» [6], а также в связи с неизведанностью территории, по которой должна была проходить русско-афганская граница: «а граница проходит по таким мало исследованным местностям» [6]. Учитывая эти обстоятельства, «Новое время» транслировало озабоченность в вопросе договора: «Разграничение это или дипломатическая игра в жмурки?» [6]. В российском общественном мнении все еще не утихали опасения о возможном конфликте: «Если тянуть разграничительное дело еще год, то спор из-за Герата опять легко может обостриться помимо всякого нашего желания посягать на целостность и спокойствие Индии» [6].

Узнать о причинах подписания договора Лондоном в 1885 г. российский читатель также мог через печать. Английский корреспондент «Нового времени», анализируя международную обстановку с точки зрения английской внешнеполитической доктрины, констатировал, что на тот момент существовало три основных причины, побудившие подписать Англию договор 10 сентября 1885 г.: во-первых, «непорядки в Афганистане» [5], во-вторых, «возбуждение в Индии против проектов об увеличении армии и замене туземного офицерства британским» [5], в-третьих, невозможность в чем-либо договориться с турками насчет Египта [5].

Помимо внешнеполитических причин «Новое время» указывало на наличие у Англии и внутривнутриполитической необходимости для подписания договора – сокращение доверия английской общественности к политике министерства Солсбери: «Английская публика окончательно убедилась, что в нынешнем своем фазисе пресловутый афганский вопрос не дает решительно никаких материалов для "энергической политики", составляющей эффектный лозунг министерства покойного лорда Биконсфильда» [7]. В каче-

стве же причины подписания договора российской стороной указывалась в основном миролюбивая политика империи в этом регионе, «любезность русской дипломатии» [6] и ее стремление к скорейшему решению вопроса о территориальном разграничении российских и афганских владений: «Сказалось желание русского правительства жить в мире и дружить с Англией в Азии» [6]. Таким образом, у российской общественности формировалось восприятие Лондонского договора как взаимовыгодного соглашения не только для Российской империи и Афганистана, но и для Великобритании, которая его подписанием также решала ряд своих политических задач.

В «Новом времени» были также представлены для читателей неоднозначные оценки Лондонского договора 10 сентября 1885 г. со стороны британской печати. Консервативные газеты всецело поддерживали договор: «Главные органы консервативной партии в Англии празднуют победу по случаю подписания лондонского протокола о русско-афганской границе» [7].

Газета «Standard» подчеркивала, что этим документом надлежащим образом разъяснены все принципиальные пункты, и дело переходит теперь всецело в руки обеих разграничительных комиссий. Пограничная черта установлена договаривавшимися сторонами не только в принципе, но и в подробностях, так что на долю членов разграничительных комиссий выпадала лишь чисто исполнительная роль. Более того, издание утверждало, что исход продолжительных переговоров можно, пожалуй, считать «торжеством английской дипломатии» [7]. Аналогичные оценки содержались в «Daily Telegraph», зато «The Times» и «Daily News», определенные «Новым временем» как «обе руководящие лондонские газеты» [7], были более сдержаны в восприятии британских дипломатических успехов.

Среди лондонских периодических изданий были и недовольные результатом переговоров о русско-афганской границе. «Новое время» привело на своих страницах мнение газеты «Observer», в котором было обозначено удовлетворение по поводу того, что Англии удалось не только избежать войны, но и добиться лучших

условий, чем можно было ожидать. Однако при этом издание ссылалось на некоторое общественное разочарование тем обстоятельством, что «в конце концов Россия вышла победительницей из борьбы, так как она приблизилась на сто миль ближе к индийской границе» [7]. Значительная часть представителей английских правящих кругов весьма болезненно воспринимала возможность продвижения Российской империи к границам Индии, поэтому не удивительно, что сторонники джингоизма, ведущей на тот период внешнеполитической доктрины Великобритании, видели в Лондонском договоре некоторый ущерб имперскому авторитету «не только в Афганистане, но и во всей Азии» [7].

Таким образом, российская и английская стороны осознавали, что договор 1885 г. был необходим на тот момент, но в то же время не обеспечивал прочного мира в рамках проводимой ими среднеазиатской политики. В общественной среде обеих империй существовали опасения по вопросу непосредственного территориального разграничения русско-афганской границы, поскольку ни одна, ни другая сторона не были уверены, что в течение года, времени отведенного по договору для разграничительных комиссий, не возникнут новые или не возродятся прежние локальные конфликты, способные нарушить процесс демаркации русско-афганской границы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Соглашение между Россией и Великобританией о разграничении афганских владений. Лондон, 29 августа/10 сентября 1885 г. // Сборник договоров России с другими государствами (1856-1917). М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 264-266.
2. Внешние известия. Лондон, 30-го августа (1-го сентября). (Корреспонденция «Нового времени») // Новое время. 1885. № 3420. 17 сентября.
3. Лондонский протокол // Новое время. 1885. № 3420. 17 сентября.

4. Новое время. 1885. № 3414. 11 сентября.
5. Новое время. 1885. № 3422. 19 сентября.
6. Телеграммы 28-го августа (корреспондентов «Нового времени») // Новое время. 1885. № 3413. 10 сентября.
7. Телеграммы 30-го августа (корреспондентов «Нового времени») // Новое время. 1885. № 3415. 12 сентября.
8. Лисицына Н.Н. Цензурная обработка официальной публикации документов по демаркации границ в Афганистане в 1885 г // Восточный архив. 2015. № 1(31). С. 19-22.
9. Никонов О. А. Политика Российской империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. 144 с.
10. Рабуш Т. В. О формировании государственных границ Афганистана во второй половине XVIII в. – XIX в. // Genesis: исторические исследования. 2021. № 10. С. 44-51.
11. Теремов О.В. «Новое время» [Электронный ресурс] // URL:
https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2667599?ysclid=m3ajwe67y0725698339 (дата обращения: 11.10.2024).

Sviridiva A.S.

**LONDON PROTOCOL of 1885 THROUGH
REFLECTION IN THE PERIODICAL PRESS
ISSUES OF DEMARCATION
RUSSIAN-AFGHAN BORDER
(ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER
"NOVOYE VREMYA")**

***Abstract.** The article analyses the materials of the Russian newspaper "Novoe Vremya" devoted to the London Treaty of 1885 on the demarcation of the Russian-Afghan border in Central Asia. On the basis of these events the features of public opinion formation on the pages of one of the largest Russian newspapers are shown. The focus of the publication was on one of the issues of the state foreign policy, which was examined with the involvement of leading British newspapers and*

made it possible to form a necessary, from the point of view of the Russian press organ, idea of the current political situation in Central Asia. The position of Novoye Vremya vividly demonstrates the peculiarities of the ongoing interstate conflict caused by the results of the Russo-Turkish War of 1877-1878

Keywords: demarcation, Russian-Afghan border, Russian Empire, Great Britain (England), periodicals, «Novoe Vremya» newspaper, public opinion.

REFERENCES

1. Agreement between Russia and Great Britain on the delimitation of Afghan possessions. London, 29 August/10 September 1885 // Collection of treaties between Russia and other states (1856-1917). Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1952. P. 264-266.
2. External News. London, 30th August (1st September). (Correspondence of 'Novoe Vremya') // Novoe Vremya, 1885. № 3420. 17 September.
3. London Protocol // Novoe Vremya, 1885. № 3420. 17 September.
4. Novoe Vremya, 1885. № 3414. 11 September.
5. Novoe Vremya, 1885. № 3422. 19 September.
6. Telegrams of the 28th of August (correspondents of 'Novoe Vremya') // Novoe Vremya, 1885. № 3413. 10 September.
7. Telegrams of the 30th of August (correspondents of 'Novoe Vremya') // Novoe Vremya, 1885. № 3415. 12 September.
8. Lisitsyna N.N. Censorship processing of the official publication of documents on the demarcation of borders in Afghanistan in 1885 // Eastern Archive, 2015. № 1(31). P.19-22.
9. Nikonov O. A. Policy of the Russian Empire in the Middle East in the second half of the XIX century. Moscow: Prometheus, 2015. 144 p.

10. Rabush T. V. On the formation of the state borders of Afghanistan in the second half of the XVIII. - XIX century // Genesis: historical studies. 2021. № 10. P. 44-51.

11. Terebov O.V. «Novoe Vremya». [Electronic resource] // URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2667599?ysclid=m3ajwe67y0725698339 (date of address: 11.10.2024).

Сведения об авторе:

Свиридова Алина Сергеевна, соискатель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия). E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

Sviridova Alina Sergeevna, applicant, I.G. Petrovsky Bryansk State University (Russia). E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

*Гончаров Е. В.,
Тишина О. В.*

(Россия. Брянский государственный университет)

**РЕЙНСКАЯ ДЕМИЛИТАРИЗОВАННАЯ ЗОНА
В ПЕРИОД С 1919 – 1925 гг.
КАК ПРИМЕР ТРАНСГРАНИЧНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Аннотация: данная статья посвящена изучению Рейнской демилитаризованной зоны в период с 1919 по 1925 год как примера трансграничного взаимодействия. В рамках исследования рассматриваются аспекты, связанные с политическими и социокультурными контактами, возникшими в результате создания демилитаризованной зоны в Рейнской области. В статье проводится анализ международных соглашений и дипломатических процессов, инициировавших демилитаризацию, а также исследуется влияние этих процессов на трансграничное сотрудничество между Германией и странами Антанты.

Ключевые слова: Рейнская зона, демилитаризация, трансграничное взаимодействие, международные отношения, Германия, Франция.

Рейнская демилитаризованная зона, установленная по условиям Версальского договора 1919 г., длительное время была эпицентром военных конфликтов и политической напряженности. Её значение только возросло после окончания войны, когда мировые державы начали искать способы предотвратить повторение катастрофы мировой войны. Демилитаризация региона должна была стать гарантией мирного сосуществования европейских государств и стабильности на континенте. Однако время показало, что демилитаризация Рейнской зоны не только не снизила напряжённость, но и привела к новому витку политического противостояния. Французско-бельгийская оккупация в 1923–1925 годах, вы-

званная спорными толкованиями Версальского договора и экономическими трудностями, добавила новые вызовы в решении рейнского вопроса. Оккупация, рассчитанная усилить позиции Франции в регионе и обеспечить выполнение германских репарационных обязательств, вызвала глобальный резонанс и противодействие, усилившее внутреннее напряжение в Германии и привлекшее внимание международного сообщества.

В данной статье авторами делается попытка анализа процессов и событий, происходивших в Рейнской демилитаризованной зоне в период 1919–1925 гг. и как они отражались на гражданах и повседневной жизни в регионе. Изучение данных аспектов позволит более широко осветить трансграничные взаимодействия и их сложные последствия.

Лидеры Франции начали задумываться о военных целях Республики, когда стало очевидно, что Германия проиграет в войне [3, р. 155]. Если в отношении воссоединения Эльзас-Лотарингии сразу же был достигнут консенсус, то в отношении приграничных областей, расположенных к востоку от Франции, дело обстояло иначе [14, р. 18]. Большинство заинтересованных сторон согласились с тем, что эти территории должны попасть в сферу влияния французов [14, р. 177]. В конце концов, чтобы заручиться как можно более широкой поддержкой, в том числе со стороны американцев и британцев, «Меморандум французского правительства о закреплении на Рейне западных границ Германии», который был представлен в феврале 1919 года, официально предусматривал лишь временное военное присутствие союзников на данных территориях [21, р. 789]. Для французов общий итог, в целом, был положительным. Рейнская область в результате могла перейти в сферу влияния Франции.

Соглашение о перемирии приостанавливало военные действия на время переговоров и определяло условия оккупации левого берега Рейна, что было стратегической необходимостью. Маршал Ф. Фош, верховный главнокомандующий войсками союзников на рейнских территориях, руководил продвижением войск

и их размещением. С 1 по 17 декабря 1918 года бельгийцы, англичане, американцы и французы вступили в Германию и заняли позиции. Вместе они оккупировали 6,5 % общей площади Германии, то есть зону, где проживало около 7000000 человек. Французские части расположились на юге (Саар, Пфальц и Майнц), на 75 % оккупированной территории, а бельгийские войска - в долине нижнего Рейна (Аахенский сектор), что составляло около 10 % оккупированной территории.

Немецкое население с недоверием относилось к таким военным действиям. Постепенная аннексия немецкой территории происходила не случайным образом. По хорошо отрепетированному сценарию сменяли друг друга церемонии, планировались и расчетливо проводились марши, а важные общественные места украшались в цвета победителей. Все было сделано для того, чтобы показать, что страна и ее население покорены.

На местах власть оставалась исключительно в руках военных, а для защиты общественного порядка и безопасности оккупационной армии было объявлено осадное положение. Были приняты меры по ограничению свободы передвижения, собраний и т.д. Нарушившим эти правила грозили различные санкции, вплоть до расстрела. Население по-разному реагировало на эти меры, которые иногда строго соблюдались, а иногда попросту игнорировались. Со временем эти ограничения были несколько смягчены [16, р. 114].

Франция хотела определять политическую повестку и поэтому быстро приобрела инструменты, необходимые для контроля административных и экономических аспектов жизни на захваченных территориях. Однако ее союзники были весьма обеспокоены заметным усилением Франции в регионе и высказали свои опасения, после чего добились замены французского аппарата управления на межсоюзническую администрацию, предшественницу Высокой межсоюзнической Рейнской комиссии [1, р. 17].

Военные действия были приостановлены лишь на время мирных переговоров, и существовал серьезный риск возобновления конфликта. Поскольку на местах находилось более 220 000 французов и 20 000 бельгийцев, напряженность была ощутимой.

Когда весной 1919 года стали известны условия договора, население возмутилось. Люди митинговали и протестовали против суровости условий договора [11, р. 230]. Немецкая делегация не хотела его подписывать. На местах оккупационные войска начали перемещаться и собираться вокруг переправ на правый берег. В середине июня 1919 года напряженность достигла максимума, особенно когда сторонники рейнского отделения от Германии попытались использовать ситуацию для продвижения своих политических целей. Их поддерживали некоторые французские офицеры [8, р. 325]. Между союзниками по этому вопросу возникли разногласия. В конце концов, сепаратистское движение было подавлено.

После подписания мирного договора стало очевидно, что оккупация территории надолго. Режим, установленный Рейнским соглашением, которое было приложено к договору, передавал все полномочия гражданским властям. 10 января 1920 года Межсоюзническая Рейнская комиссия приступила к исполнению своих обязанностей. Из своей штаб-квартиры в Кобленце комиссия издавала постановления, которые должны были обеспечивать безопасность оккупационных войск и поддержание общественного порядка. Она имела право давать указания немецким властям на оккупированных территориях. Все немецкие законы и постановления должны были быть одобрены комиссией. Нарушения инструкций комиссии были наказуемы [22, р. 214]. Союзнические войска, численность которых была сокращена (94 000 французов и 16 000 бельгийцев в феврале 1920 года), представляли собой силу, в задачи которой входило поддержание порядка и безопасности на местах. Главенство гражданских властей над военными было источником разногласий между различными сторонами. В случае с бельгийцами ситуация периодически обострялась до такой степени, что Брюсселю приходилось вмешиваться [18, р. 141-143].

В попытке обойти подобные проблемы во французской зоне влияния был открыт Центр германских исследований, где французские полевые офицеры и представители Межсоюзнической Рейнской высшей комиссии проходили совместную подготовку по различным аспектам политики Франции в Рейнской области [5, р. 82].

Солдат размещали в казармах и покинутых рейхсвером военных лагерях. Для восполнения нехватки жилья были дополнительно реквизированы и благоустроены городские здания. Местные власти были вынуждены оплачивать строительство дополнительных мест для размещения солдат. Увеличилось и количество мест в частных домах (в основном для семей офицеров и чиновников, которые их сопровождали). Города быстро стали напоминать гарнизонные: в них было все для обеспечения жизнедеятельности войск, их снабжения, обучения и развлечений. Города, такие как Ахен, например, быстро стали перегруженными. Такое перенаселение нарушило повседневную жизнь жителей и привело к предсказуемым последствиям, которые еще больше усугубили напряженность в отношениях между французами, бельгийцами и немцами. Число столкновений между солдатами и местным населением возросло: от простых стычек до серьезных драк. Насилие пронизывало отношения между оккупационными силами и немецким населением, особенно в городских районах [7; 10].

Существовала условная граница между оккупационными войсками и местным населением, несмотря на меры, принятые для ограничения взаимодействия между ними. Бельгийские власти больше всего противились любому сближению [17, р. 1269]. До 1925 года они заставляли увольняться всех солдат, планировавших смешанный брак. По словам Верховного комиссара, французская армия была несколько более либеральна, давая согласие довольно легко после проведения нравственного расследования в отношении невесты и ее семьи [13, р. 270]. Учитывая все препятствия на своем пути, не все пары решали официально оформить свои отношения. Некоторые предпочитали сожительство, которое старались скрывать из-за чувства неодобрения в среде местного населения.

Немцы подвергались стигматизации в своей собственной среде, а иногда даже физическим нападкам (например, лица мазали воском, отрезали волосы) [4, р. 253]. Пытаясь решить проблему материального достатка, некоторые женщины занимались проституцией. Несмотря на все усилия (например, открытие публичных домов), военным властям так и не удалось положить конец

этой проблеме. Именно этот навязчивый страх стоял за «черным позором» («schwarze Schmach»), который был вызван из-за присутствия на оккупированных территориях французских колониальных войск [13; 15; 19].

С 1918 года в оккупации левого берега Рейна участвовали солдаты из Северной Африки, Мадагаскара и Сенегала. Их присутствие воспринималось как высшее унижение, своего рода обратный колониализм, позволявший цветным (считавшимся неполноценными) мужчинам присматривать за белыми (считавшимися цивилизованными). Если поначалу протесты против этого нарушения цивилизации были вялыми и разрозненными, то постепенно они распространились и набрали силу. Негодование сменилось искренним беспокойством, а затем и истерией, когда распространились слухи о том, что «негры» дают волю своим сексуальным желаниям и, не задумываясь, охотятся на молодых немецких девушек. Эта пропагандистская кампания была блестяще организована и в апреле 1920 года, когда иностранные СМИ подхватили эту тему, что привело к возмущению во всем западном мире и особенно в англоязычных странах. На национальном и международном уровне развернулась ожесточенная борьба за общественное мнение, которая продолжалась до 1923 года. В ней осуждалось зверство колониальных войск и выдвигались требования об их выводе с оккупированных территорий. Реакция Франции на эту бурю была неоднозначной: она отрицала претензии, но, тем не менее, выводила своих людей, тем самым укрепляя подозрения, связанные с этими возмутительными обвинениями. В конце концов «черный позор» сошел на нет после оккупации Рура, которая переключила внимание немецкой пропаганды на новую цель.

После провала Лондонской конференции Франция вновь стала угрожать оккупацией Рурского бассейна на основании невыплаты Германией репараций.

В 1921 году в Дюссельдорфе и Дуйсбург-Рурорте была проведена молниеносная операция, и под давлением союзников Германия уступила. Эта интервенция, упоминаемая в немецкой исто-

риографии под названием «Руркампф», стала апофеозом отношений между Францией, Бельгией и Германией и была воспринята как возврат к Великой войне. На международном уровне это событие также стало переломным моментом в послевоенных отношениях [12, р. 9].

11 января 1923 года французские и бельгийские войска вошли в Рур под предлогом защиты членов Межсоюзнической миссии по контролю над заводами и шахтами. В течение пяти дней они заняли Эссен, Бохум и Дортмунд. Население оставалось относительно спокойным, наблюдая за продвижением войск. Однако уже через несколько дней пассивное сопротивление превратилось из стихийного в методично и устойчиво организованное под руководством Берлина. К концу февраля оно полностью парализовало железнодорожные передвижения, а также сократило промышленную деятельность на всех оккупированных территориях. Реакция Германии застала французов врасплох. Опасаясь скомпрометировать свою рейнскую политику, они не решались принять серьезные меры. На французов также оказывали давление бельгийцы, которые рассчитывали на краткосрочную операцию и боялись ввязаться в эту политическую авантюру.

Оккупированное население дало отпор, и было объявлено осадное положение. Напряжение росло. Число стычек резко увеличилось и переросло в кровавое противостояние. В результате забастовки на заводах Круппа в Эссене 31 марта погибли тринадцать человек и несколько десятков рабочих получили ранения. Германия активно использовала мощную пропаганду, чтобы осудить «господство террора» («Schreckensherrschaft»), которое якобы распространяли французские и бельгийские войска [12, р. 233]. Изображая жертву, Германия надеялась мобилизовать местное население и вызвать сочувствие за рубежом, особенно со стороны нейтральных государств. В статьях в прессе, брошюрах, памфлетах и плакатах перечислялись, часто преувеличивались и критиковались акты насилия, совершенные солдатами союзников. Те, против кого была направлена такая пропаганда, отрицали обвинения

и, в свою очередь, возлагали всю вину за происходящее на забастовщиков. Действительно было совершено несколько сотен нападений и актов саботажа, в основном против железнодорожных линий и коммуникационных сетей. Самое кровавое из этих нападений произошло в ночь с 29 на 30 июня 1923 г., когда поезд с бельгийскими солдатами, находившимися в увольнении, отходил от станции в Хохфельде. В результате диверсии погибли двенадцать человек и десятки получили ранения. В качестве возмездия были применены индивидуальные и коллективные санкции, вызвавшие, однако, споры, поскольку они очень напоминали те, которые оккупанты применяли во время войны (например, использование живых щитов на борту конвоев) [18, р. 139-140]. К лету 1923 года ситуация начала успокаиваться.

Действительно, пассивное сопротивление не достигло своих целей и стало явно терять темп. Местные жители постепенно отстранялись от террористических актов, совершенных в основном военными и отрядами националистов из неоккупированной части Германии. К концу сентября власти Берлина также начали критиковать движение сопротивления и призывать к его прекращению. Оккупационные войска постепенно начали ослаблять давление на население. Депортации, которые за девять месяцев затронули около 140 000 человек как на правом, так и на левом берегах Рейна, были приостановлены [2, р. 114; 6, р. 361; 9, р. 204]. Амнистия постепенно позволила пострадавшим вернуться.

В 1924 и 1925 годах оккупация Рура продолжалась, но была все более незаметной. В то же время политика примирения, проводимая Англией, привела, при финансовой помощи США, к разработке плана Дауэса. Утвержденный в Лондоне в августе 1924 года, он предусматривал пересмотр сроков выплаты репараций и положил начало периоду разрядки в отношениях с Германией, который был подкреплён в следующем году Локарнскими договорами. Политика умиротворения пришла на смену политике сдерживания. 1 августа 1925 года последние французские и бельгийские солдаты покинули правый берег Рейна. С этого момента обеспечивалась только политика присутствия. И все же, несмотря на

дипломатическое затишье 1924–1925 годов, символическая борьба продолжалась. В 1930 году французские и бельгийские войска покинули территорию Рейнской области на пять лет раньше сроков, оговоренных в Версальском договоре. Это отступление привело к «праздникам освобождения» во всех городах [3, р. 180].

Таким образом, в общей сложности французское и бельгийское присутствие на берегах Рейна продолжалось двенадцать лет. В период с 1919 по 1924 год солдаты и правительственные чиновники оккупационных войск не очень-то стремились к компромиссу. Эпизоды, порой крайне жестокие, продолжали омрачать отношения с Германией. Война после войны, которая в действительности была лишь ее продолжением, закончилась только после провала вторжения в Рур в конце 1923 года. Инициирование плана Дауэса в 1924 году положило начало периоду умиротворения в международных отношениях. После подписание Локарнских договоров в 1925 году. Франция, Германия и Бельгия признали свою общую границу и согласились не изменять ее силой. Локарно действительно ознаменовал окончание Первой мировой войны и начало периода хрупкой стабилизации, который продолжался до начала 1930-х годов. Основные выводы, сделанные на основе проведенного исследования, позволяют утверждать, что Рейнская демилитаризованная зона в период 1919–1924 гг. служит важным примером сложных трансграничных социокультурных взаимодействий в истории Европы. Оккупационный режим способствовал многим изменениям в обществе региона, изменив его политические и экономические устои, а также оказав прямое влияние на повседневную жизнь населения. Конечно, нельзя отрицать факт, что оккупация способствовала экономическому развитию региона, привнося в него элементы модернизации и международного сотрудничества. В то же время, она стала причиной многочисленных социальных и культурных конфликтов, связанных с противопоставлением местного и французско-бельгийского влияния. Это столкновение, в конечном итоге, способствовало развитию уникального социокультурного ландшафта, который остается актуальным для современных исследований трансграничных явлений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Bariety J. La Haute Commission interalliée des Territoires Rhénans // Problèmes de la Rhénanie. 1919-1930. Metz, 1975. 131 p.
2. Bariety J. Les relations franco-allemandes après la première guerre mondiale. Paris, 1977. 797 p.
3. Beaupré N. Le traumatisme de la Grande Guerre. 1918-1933, Villeneuve d'Ascq. 2012, 304 p.
4. Cabanes B. La victoire endeuillée. La sortie de guerre des soldats français (1918-1920). Paris, 2004. 555 p.
5. Defrance C. Sentinelle ou pont sur le Rhin? Le Centre d'Etudes germaniques. Paris, 2008. 333 p.
6. Favez J.-C. Le Reich devant l'occupation franco-belge de la Ruhr en 1923. Geneva, 1969. 409 p.
7. Godfroid A. Occupation after the War (Belgium and France) // 1914-1918-online. International Encyclopedia of the First World War. [Электронный ресурс]. URL: <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/occupation-after-the-war-belgium-and-france/> (дата обращения: 26.10.2024)
8. Jardin P. L'occupation française en Rhénanie, 1918-1919. Fayolle et l'idée palatine // Revue d'histoire moderne et contemporaine, 33 (1986). P. 319-334.
9. Jeannesson S. Poincaré, la France et la Ruhr (1922-1924). Histoire d'une occupation. Strasbourg, 1998. 432 p.
10. Jeannesson S. Übergriffe der fanzösischen Besatzungsmacht und deutsche Beschwerden // Krumeich, Gerd/Schröder, Joachim (eds.): Der Schatten des Weltkriegs. Die Ruhrbesetzung 1923. Essen 2004, P. 207-224.
11. Krumeich G. Der verlorene Frieden. Politik und Kriegskultur nach 1918. Essen, 2002. 344 p.
12. Krumeich G., Schröder J. Der Schatten des Weltkriegs: die Ruhrbesetzung 1923. Essen, 2004. p. 363.
13. Le Naour J.-Y. La honte noire. L'Allemagne et les troupes coloniales françaises, 1914-1945. Paris, 2003. 277 p.

14. Lowczyk O. La fabrique de la paix. Du Comité d'Etudes à la Conférence de la paix, l'élaboration par la France des traités de la Première Guerre mondiale. Paris, 2010, 536 p.

15. Marks S. Black Watch on the Rhine. A Study in Propaganda, Prejudice and Prurience // *European Studies Review* 13/3 (1983). P. 297-334

16. Marks S. Innocent abroad. Belgium at the Paris peace conference of 1919, Chapel Hill. 1981, 461 p.

17. Mignon N. Boche, ex-ennemie ou simplement femme? Le point de vue des responsables politiques et militaires sur la question des mariages entre militaires belges et femmes allemandes pendant les occupations de la Rhénanie et de la Ruhr // *Revue belge de Philosophie et d'Histoire*, 91(2013). P. 1267-1277.

18. Mignon N. L'occupant au pluriel. Autorités civiles et militaires belges sur la rive droite du Rhin (1921-1925) // *Quand les canons se taisent*, ed. Patrick Nefors and Pierre-Alain Tallier. Brussels, 2010. P. 127-150.

19. Nelson K. The «Black Horror on the Rhine». Race as a Factor in PostWorld War I Diplomacy // *The Journal of Modern History* 42/4 (1970). P. 606-627.

20. Possehl I. Der Regierungsbezirk Aachen vom Kriegsende bis zum Dawes-Abkommen (1917-1924). Aachen, 1975. 319 p.

21. Soutou G.-H. L'or et le sang. Les buts de guerre économiques de la Première Guerre mondiale. Paris, 1989. 966 p.

22. Tirard P. La France sur le Rhin. Douze années d'occupation rhénane. Paris, 1930. 520 p.

The Rhineland Demilitarized Zone from 1919 to 1925 as an example of cross-border interaction

This article is devoted to the study of the Rhineland Demilitarized Zone during the period from 1919 to 1925 as an example of cross-border interaction. The research focuses on aspects related to political and sociocultural contacts that emerged as a result of the creation of the demilitarized zone in the Rhineland. The article analyzes international

agreements and diplomatic processes that initiated demilitarization, as well as examines the impact of these processes on cross-border cooperation between Germany and the Entente countries.

Keywords: Rhine Zone, demilitarization, cross-border interaction, international relations, Germany, France.

Сведения об авторах:

Гончаров Е.В.,

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, истории и политологии Брянского государственного университета имени акад. И.Г. Петровского (Россия)

Тишина О.В.,

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, истории и политологии Брянского государственного университета имени акад. И.Г. Петровского (Россия)

Evgeniy V. Goncharov,

candidate of Historical Sciences, History and Political Science,
Bryansk State University named after Acad. I.G. Petrovsky.

E-mail: evgeniy16.goncharov@yandex.ru

Olga V. Tishina

candidate of Historical Sciences, History and Political Science,
Bryansk State University named after Acad. I.G. Petrovsky.

E-mail: Tishina.ov@bk.ru

Тилабаев С. Б.
(Узбекистан. Ташкентский государственный
педагогический университет)

**РЕШЕНИЕ ВОПРОСОВ,
СВЯЗАННЫХ С ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ,
КАК ТРАНСГРАНИЧНАЯ ПРОБЛЕМА
НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Аннотация: сегодня вопросы, связанные с водой и ее дефицитом, приобретают не только региональное, но и глобальное значение. Вода, которая является источником жизни, становится все более дефицитной в глобальном масштабе, и в результате экологии и загрязнения окружающей среды ее качество может стать отрицательным в будущем. Поэтому страны Центральноазиатского региона должны решать эти проблемы вместе и с помощью международного сообщества.

Ключевые слова: Центральноазиатский регион; водная проблема; трансграничные проблемы.

На сегодняшний день изменение климата и таяние ледников, сокращение запасов питьевой воды и другие подобные негативные ситуации созданы из-за нерационального использования природных ресурсов человечеством. Поэтому тот факт, что данная проблема выходит с территории одной страны, принимает трансграничный характер и обостряется с каждым днем, приобретая глобальное значение в международной сфере. Кроме того, существующие водные ресурсы региона ограничены и если водопользование продолжит увеличиваться в результате демографического роста, масштаб проблемы, вероятно, увеличится.

Термин «трансграничные воды» означает поверхностные или подземные воды, пересекающие границы двух или более стран, или расположенные в пределах таких границ. Такое определение трансграничных вод содержится в Конвенции ООН по

охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (1992 г.). Реки с трансграничными водами относятся к территориям приграничных государств и составляют часть этих территорий. Суверенитет прибрежного государства распространяется на часть пограничной реки между берегом, принадлежащим конкретному государству, и линией государственной границы, которая обычно устанавливается посередине основного русла реки.

Сегодня вопросы обеспечения населения планеты чистой питьевой водой и эффективного использования существующих водных ресурсов становятся как никогда актуальными. Это, в свою очередь, требует использования вод Амударьи и Сырдарьи, крупнейших водных артерий, снабжающих регион основным водоснабжением, с учетом интересов стран бассейна в свете глобального изменения климата, происходящего в Центральной Азии.

На сегодняшний день высыхание Аральского моря является одной из крупнейших экологических трагедий в мире. Сырдарья и Амударья обеспечивают около 90 процентов водоснабжения Узбекистана. Страна зависит от течения этих двух рек во всем: от сельского хозяйства до сезонных поставок. Однако ни одна из них не находится полностью в Узбекистане. Сырдарья начинается в горах Киргизии, а верховья Амударьи идут в сторону Таджикистана.

Если проанализировать проблему в разрезе стран Центральной Азии, то мы можем стать свидетелями следующих ситуаций. Например, озеро Балхаш может повторить судьбу Аральского моря в Казахстане. Ученые говорят, что дельта рек, впадающих в озеро, быстро меняется. Некоторые из них пересекают территорию нескольких стран (Китая, Казахстана, России) и имеют трансграничную проблему. Например, китайская сторона использует воду реки Или, впадающей в Балхаш, только в сельскохозяйственных целях. В настоящее время в этом озере наблюдается резкое уменьшение количества воды и рыбы. Если потребление воды продолжится таким образом, Балхаш может полностью высохнуть и распасться на несколько мелких частей.

По оценкам экспертов, если ситуация не изменится, запасы воды в бассейне реки Иртыш к 2030 году уменьшатся на 8 кубических километров, к 2040 году – на 10 кубических километров, к 2050 году – на 11,4 кубических километра.

В Таджикистане ледники покрывают около 6% общей площади страны – более 9 тысяч квадратных километров. За последние годы площадь ледников в стране сократилась на треть. Эксперты связывают этот процесс с изменением климата и высыханием Аральского моря. Сильные ветры приносят соль из высохшего моря в ледники, что, в свою очередь, ускоряет процесс таяния.

Сотрудничество и взаимоотношения между странами играют важную роль в совместном использовании трансграничных водных ресурсов. Водные ресурсы играют решающую роль в поддержании жизни на планете и являются невозобновляемым и исчерпаемым ресурсом. Большинство первоклассных речных бассейнов, впадающих в океаны, моря или озера, принадлежат двум или более странам. Есть также несколько прудов, которые являются источником водных ресурсов для трех и более стран. Трансграничные водные ресурсы являются общими природными ресурсами, поскольку их компоненты расположены на территориях двух и более стран. Это создает множество проблем, которые требуют регулирования посредством правовых механизмов между соседними странами, где протекают реки или где озера пересекают государственные границы.

В целом использование международного права в сфере правового регулирования межгосударственных водных отношений не всегда приводит к желаемым результатам. Несмотря на отсутствие запретительных или ограничительных положений в международном праве, водные отношения регулируются преимущественно посредством взаимных соглашений.

Поскольку водный вопрос является важнейшей проблемой, связанной с жизнью людей, вопросы использования и сохранения воды находятся под постоянным вниманием руководства Узбекистана, учитывая ее жизненно важное значение для нашей страны. В условиях развития нового Узбекистана в стране принимаются и

реализуются нормативно-правовые документы, решаются вопросы повышения культуры использования водных ресурсов, их экономии, рационального использования.

Тилабаев Сайипжон Бакижанович,
(Узбекистан. Ташкентский государственный
педагогический университет)

Tilabaev Sayipjon Bakizhanovich,
(Uzbekistan. Tashkent State Pedagogical University)
sohibt@mail.ru

**ADDRESSING ISSUES,
RELATED TO WATER RESOURCES,
AS A TRANSBOUNDARY ISSUE
ON THE TERRITORY OF CENTRAL ASIA**

Abstract: today, the issues related to water and its scarcity are gaining not only regional but also global importance. Water, which is the source of life, is becoming increasingly scarce on a global scale, and as a result of environmentalism and pollution, its quality may become negative in the future. Therefore, the countries of the Central Asian region should solve these problems together and with the help of the international community.

Key words: Central Asian region; water problem; transboundary problems.

Кунаев А. Г.

Научный руководитель проекта «Цифровые исторические библиотеки»

Богданова Т. В.

(Российский государственный исторический архив)

Петров Е. В.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет. Институт истории)

**КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ
И КАМЕРАЛЬНЫЕ РАБОТЫ
ВОЕННОГО ТОПОГРАФА
Н.В. КАУЛЬБАРСА
(1842–1905)
ПО ДЕЛИМИТАЦИИ И ДЕМАРКАЦИИ
ЧЕРНОГОРСКОЙ ГРАНИЦЫ В 1879 г.**

Аннотация: в статье рассматриваются картографические работы военного топографа Николая Васильевича Каульбарса (1842–1905) по делимитации и демаркации черногорской границы в 1879 г. Приводится краткая справка об основных этапах жизни и профессиональной деятельности Н.В. Каульбарса как военного исследователя-картографа. Характеризуются его участие в военно-научных экспедициях по гипсонометрическому картографированию территорий. Дана оценка его работе в качестве действительного члена Императорского Русского Географического общества.

Ключевые слова: Николай Васильевич Каульбарс, Императорское русское географическое общество, картография, фронтирология.

В работах по истории международных отношений имеется много трудов и исследований, посвященных историческому опыту установления и определения межгосударственных границ. Вопросы международно-правового оформления границ являются

предметом исследований специального комплекса дисциплин, включая так называемую «фронтирологию» (от англ. «frontier studies») и «трансграничные исследования» (от англ. «transborder studies») [8]. В последние годы в рамках данных направлений сложилась своя методика исследований, где вопросы демаркации и делимитации носят ключевой характер. Не менее важным сегодня, представляется, заострить внимание на обобщении накопленного исторического опыта [1].

Тем более говорить о квалификации тех специалистов кто на практике реализовывал межгосударственные решения. Мировые политики принимают международные соглашения, но их реализация – это сложный комплекс работ в которых участвуют многие ведомства, начиная от представителей дипломатической службы, заканчивая военным министерством, в составе которого трудились профессиональные картографы и геодезисты. Исполнение подобных работ предполагает достаточно высокий уровень профессиональной подготовки и ответственности. Как нельзя лучшим примером в данном случае является судьба российского военного картографа, топографа и геодезиста, генерала от инфантерии Николая Васильевича Каульбарса (1842–1905).

Он сделал успешную карьеру, добившись высших чинов и званий, продвинувшись по служебной лестнице в военном ведомстве Российской империи и оставив после себя богатейшее научное и картографическое наследие, которое современниками было оценено по достоинству. Нам представлялось небезынтересным на примере его опыта осветить разрешение сложных дипломатических споров, затрагивающих такие конфликтные аспекты, как проведение границ по итогам военных действий в 1877–1878 гг.

Следует отметить, что в современной литературе устоялось мнение о том, что членами Русского Географического общества были, не только ученые-географы, путешественники и первооткрыватели, но и представители генералитета и высшего дворянского аристократического сословия Российской империи, к коим относился Николай Васильевич Каульбарс. Большая часть литера-

туры о нем опирается на послужные списки и основывается на материалах справочно-энциклопедических изданий. Сошлемся на данные В.Ф. Новицкого приведенные в Военной энциклопедии, где представлена биографическая справка и описываются вехи карьеры Н.В. Каульбарса как военного специалиста [7].

В отечественной историографии личность Н.В. Каульбарса традиционно рассматривается с точки зрения военной истории, где основным предметом изучения является его участие в военных кампаниях. Подобные сведения можно почерпнуть из работы Н.П. Глиноецкого о выпускниках «Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба» [2]. Имя Каульбарса можно найти в приведенных сведениях Г.А. Милорадовичем в списке лиц свиты их величеств с царствования императора Петра I по 1886 год [10] и данных В.И. Федорченко о свите российских императоров [15], что лишний раз подтверждает его принадлежность к высшим чинам генералитета Российской империи.

Таким образом, биографы Каульбарса свидетельствуют о его разнообразной и многогранной деятельности на различных этапах военной карьеры. В силу должностных и служебных обязанностей ему доводилось выполнять как особые военно-дипломатические поручения, так исполнять специфические миссии в военно-научных экспедициях в качестве картографа и топогеодезиста. Данные аспекты его работы требуют детальных исследований с точки зрения изучения истории отечественной картографической мысли. Стоит отметить определенные подвижки новейшего времени в популяризации изучаемой темы.

Так, в фондах Президентской библиотеки можно найти цифровую копию работы Н.В. Каульбарса «Краткое обозрение Великого княжества Финляндского» [11], которая была опубликована военной типографией в Санкт-Петербурге в 1900 г. [9]. На веб-ресурсе Государственной публичной исторической библиотеки России в открытом доступе размещена оцифрованная копия военно-энциклопедии, где о нем приведены биографические сведения [3], а в оцифрованной версии энциклопедического словаря Брокгауза

и Ефрона можно найти краткую биографическую справку о Н.В. Каульбарсе [6].

Весьма ценным подспорьем в изучении биографии Каульбарса является словарь-справочник Н.Г. Рогулина «Граждане Великого княжества Финляндского на государственной службе России в начале XX в.». В нем содержится обширный список лиц, составлявших окружение Н.В. Каульбарса, в бытность его нахождения на службе в должности начальника штаба Финляндского военного округа в 1891 г. [13]. Ценность издания видится в том, что оно полностью основано на документах и материалах, хранящихся в фондах Российского Государственного исторического архива. [9]. Среди источников РГИА имеется переписка барона, генерал-лейтенанта, начальника Финляндской местной бригады Николая Васильевича Каульбарса с Владимиром Гавриловичем Глазовым (1848–1920?) начальником Академии Генерального штаба и мн. др. [12].

Фамилия Каульбарс издавна известна в дворянских кругах Российской империи. Древний род Каульбарсов был вписан в дворянский матрикул Эстляндской губернии и прослеживался с начала XVI века. С переходом Эстляндии и Лифляндии к России ветвь рода, перешла в российское подданство. Многие из династии Каульбарсов честью и правдой служили Российскому престолу на высоких должностях. Среди них было много военных и географов.

Его отец и дед были генералами. Как и большинство его пращуров Н.В. Каульбарс с ранних лет посвятил себя воинскому делу, поступив в Николаевское училище гвардейских юнкеров. В 1861 г. был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Гатчинский полк. Здесь офицер получил свой первый боевой опыт, участвуя в подавлении Польского восстания в 1863 г. Далее по службе, он поступил в Николаевскую академию Генерального штаба и пройдя курс военных наук в 1867 г. получил назначение по должности офицера Генерального штаба. В 1875 г. Каульбарс был произведён в полковники. За это время, ему довелось участвовать в боях. За проявленную отвагу он был удостоен орденом св. Станислава 2-й

степени (в 1871 г., императорская корона к этому ордену пожалована в 1873 г.) и св. Анны 2-й степени (в 1876 г.).

В 1877 г. назначен начальником штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии, принимавшей участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. По окончании войны Каульбарс исполнял возложенные на него обязанности по участию в работе Черногорской комиссии по урегулированию пограничных споров и демаркации черногорской границы в 1879 г. В условиях походной жизни русских войск проводил картографические и камеральные работы. В круг его непосредственных обязанностей входила работа с топографическими планшетами, съёмка путей сообщения воинских частей, маршрутизация и определение высотных пунктов при переходах, географическое описание пройденных местностей. По представлению властей был русским военным агентом при австрийской оккупационной армии в Боснии; в 1879 г. и повторно был командирован русским делегатом в международную комиссию для проведения черногорской границы. По окончании трудов в этой комиссии был назначен 15 декабря 1879 г. флигель-адъютантом к императору Александру II. Через два года, в 1881 г. Каульбарс вынужден был вернуться в Австрию, будучи назначенным на должность военного атташе российского посольства в Вене.

Его авторитет и влияние в армейских и придворных кругах позволяли решать сложные и деликатные поручения. В 1883 г. он был отправлен в Софию для переговоров с князем Александром I Болгарским и для заключения военной конвенции о службе русских офицеров в Болгарском княжестве. До этого в 1882 г. его родной брат генерал-майор А.В. Каульбарс был назначен в комиссию для определения границ Сербии и Болгарии, а затем на пост военного министра в Болгарском княжестве, временно находящемся под русским управлением. В следующем году он уже исполнял обязанности председателя совета министров и регента княжества.

Н.В. Каульбарс был произведён в генерал-майоры (со старшинством от 30 августа 1885 г.) 4 апреля 1885 г., в 1886 г. переведен в распоряжение Главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. В сентябре-ноябре 1886 г.

вновь пребывал в Болгарии с особым дипломатическим поручением. После отречения князя Александра, Каульбарс получил приказ восстановить российское влияние в Болгарии. Он прибыл в Софию в октябре, но не добился поставленной задачи. После отъезда русских офицеров из Болгарии он командовал различными войсковыми соединениями. В 1889 г. был назначен начальником штаба 6-го армейского корпуса под Варшавой, в 1891 г. – начальником штаба Финляндского военного округа, в 1894 г. произведен в генерал-лейтенанты, в 1898 г. назначен членом Военно-ученого комитета Главного штаба, а по преобразовании его в Комитет Главного штаба – членом последнего. С 1899 года был членом ученой комиссии главного штаба в Петербурге. В 1905 г. Н.В. Каульбарс произведен в генералы от инфантерии, но по болезни он вынужден был выйти в отставку. Николай Васильевич Каульбарс скончался 20 ноября 1905 г. в Санкт-Петербурге и похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

Н.В. Каульбарс прославил себя не только на поприще воинской службы и в ратном деле. Он немало времени и сил своей жизни посвятил скрупулезной работе с картографическими документами и материалами. Подготовка и знания Каульбарса позволяли ему решать сложные вопросы по обследованию территорий, участвовать как геодезисту в составе военно-научных экспедиций по рекогносцировке на местности. Собранные в ходе многочисленных экспедиций материалы представляли огромную ценность для географических исследований. Им были проведены топографические съемки малоизвестных районов и территорий, составлены подробные описания посещенных местностей и собраны ценные картографические сведения. В результате этой самоотверженной работы основные черты географии получили своё отражение на военных картах.

Многие исследователи отмечают уникальную методику работы Каульбарса с топографическими картами как географическим документом. Каульбарс вводил в практику картографических исследований новые методы визуализации рельефа местности – гипсометрию. В 1888 г. он производил гипсометрическое

картографирование территории между Онежским озером и Белым морем с изображением отдельных типов и форм рельефа различного происхождения. Применял методы редактирования картографического документа при составлении рельефа на гипсометрических картах в малых масштабах 1 : 1 000 000 и меньше.

Н.В. Каульбарс являлся деятельным членом Императорского Русского географического общества. Его авторитет позволял отстаивать интересы отечественной географической науки на мировых конгрессах. Он являлся официальным представителем России на состоявшемся в 1889 г. международном географическом конгрессе в Париже, где проявил себя как талантливый картограф. Не менее важным направлением в исследовательской работе Каульбарса являлась подготовка и составление карт метеорологических станций, устроенных Императорским Русским Географическим Обществом. В литературе приводятся сведения о том, что Николай Васильевич Каульбарс содействовал организации географических экспедиций Николая Николаевича Миклухо-Маклая на острова Океании. Данные сведения приведены также в справочниках: в военной энциклопедии и энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона [6, 7].

Картографические работы Каульбарса получили высокую оценку в отзывах и рецензиях, опубликованных в Известиях Императорского русского географического общества. Им были доставлены в фонды ИРГО, систематизированы и изданы карты Генерального штаба: Австралии, Южной Америки, Африки и Аравии [5]. Сложная работа по подготовке к изданию обширных картографических материалов Нового Света ввелась Каульбарсом на основании критической разработки всех имеющихся новейших сведений. Для разработки карты Австралии Каульбарсу понадобилось 5 лет, а для Южной Америки 9 лет. Им было нанесено свыше 100 маршрутов из 400 источников, многие из которых доставлялись из Правительственных учреждений Южной Африки. Опубликованные Каульбарсом карты превосходили по справочному аппарату, приложениям и надписям известные аналоги, которые пе-

чатались в два с половиной раза меньше по масштабу. На фоне европейского картографического опыта современники отмечали его добросовестный труд, что позволяло на практике производить достоверное сличение территории [14]. Сохранились рукописные автографы карт, выполненных Каульбарсом, в свойственной ему манере картографического искусства. В данных работах, кроме обширности проведенных исследований, следует отметить русскоязычные названия географических мест, что было необходимо, так как эти карты были первыми самостоятельными трудами подобного рода на русском языке.

Обзор трудов Николая Васильевича Каульбарса позволяет говорить о нем не только как военном специалисте, но и талантливом ученом-исследователе. научная деятельность которого затрагивала сложные и обширные направления развития отечественной картографии. Его личный опыт, обширные знания и языковая подготовка позволяли на высоком профессиональном уровне производить топографические обследования территорий и выполнять картографические работы, которые уточняли представления современников о границах существующего мира.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов. Сборник статей по итогам научной конференции 17 октября 2023 г. / Под общ. ред. В.Ф.Блохина, Е.В.Петрова, И.В. Алферовой. Брянск, 2023.
2. Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб, 1882.
3. Государственная Публичная Историческая Библиотека России: Электронная библиотека ГПИБ / Военная энциклопедия. СПб. : Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915.
4. Каульбарс, Николай Васильевич «Краткое обозрение Великого княжества Финляндского». / Сост. Ген. штаба ген.-лейт. бар. Н. Каульбарс. Санкт-Петербург : Воен. тип., 1900. 208 с.

-
5. Карта Южной Америки составленная бароном Н.В. Каульбарсом Масштаб 1 : 6.300.000. Издание картографического заведения ген.-м. А. Ильина. СПб., 1885.
 6. Каульбарс Николай Васильевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
 7. Каульбарсы // Военная энциклопедия : [в 18 т.] / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. СПб. ; [М.] : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911–1915. URL: [ГПИБ \[Т. 12 : Кальяри - Кобелянка\]. – 1913. \(shpl.ru\)](#). С. 164-167. Том 12. С. 460-461.
 8. Косторниченко В.Н., Сирватко П.А. Фронтир: генезис, основные положения, развитие (историографический очерк) США & Канада ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА Научный и общественно-политический журнал. 2021. № 2 (614). Февраль. С. 72-90.
 9. Каульбарс Николай Васильевич «Краткое обозрение Великого княжества Финляндского» // Сост. Ген. штаба ген.-лейт. бар. Н. Каульбарс. Санкт-Петербург: Воен. тип., 1900. 208 с.
 10. Милорадович Г.А. Список лиц свиты их величеств с царствования императора Петра I по 1886 год. СПб., 1886.
 11. Каульбарс Николай Васильевич «Краткое обозрение Великого княжества Финляндского». // Сост. Ген. штаба ген.-лейт. бар. Н. Каульбарс. Санкт-Петербург : Воен. тип., 1900. 208 с.
 12. Российский Государственный исторический архив. Ф. 922. Оп. 1. Д. 786.
 13. Рогулин Н.Г. «Граждане Великого княжества Финляндского на государственной службе России в начале XX века». Словарь-справочник. СПб., 2012.
 14. Тилло А.А. Библиографическая заметка: Карта Южной Америки, составленная бароном Н.В. Каульбарсом // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1886. Т. 22. Вып. 1. С. 79-80.
 15. Федорченко В.И. Свита российских императоров. Книга 1. А–М. М., 2005.

*Кунаев Александр Геннадьевич,
Научный руководитель проекта «Цифровые исторические
библиотеки».*

*Богданова Татьяна Васильевна,
заместитель начальника отдела информации и научного ис-
пользования документов Российского государственного истори-
ческого архива.*

*Петров Евгений Вадимович,
Доктор исторических наук, профессор СПбГУ, Институт
истории.*

**CARTOGRAPHIC AND CHAMBER WORKS
MILITARY TOPOGRAPHER N.V. KAULBARS
(1842-1905)
DELIMITATION AND DEMARCATION
CHERNOGORSKY BORDER IN 1879**

Abstract: The article considers the cartographic work of military topographer Nikolay Vasilyevich Kaulbars (1842-1905) on delimitation and demarcation of the Montenegrin border in 1879. There is a brief biography about the main stages of life and activities of N.V. Kaulbars as a military cartographer. His participation in military-scientific expeditions on topographical survey of territories is characterized. His work as a member of the Imperial Russian Geographical Society is appreciated.

Keywords: N.V. Kaulbars, Imperial Russian Geographical Society, frontier studies, transborder studies.

Резепина А. А.,
(Россия. Российский государственный
гуманитарный университет)

Петров Е. В.,
Эльц Е. Э.,
Сердунь Ю.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет)

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СУДЬБЫ ШВЕЙЦАРСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ КАВКАЗА, УРАЛА, СИБИРИ, ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Аннотация: в статье представлена характеристика основных этапов истории изучения швейцарскими исследователями российских регионов: Кавказа, Урала, Сибири и Дальнего Востока в XIX в. Дана оценка научных трудов Ф. Дюбуа де Монперэ, О. Клера, А. Мозера, Н. Десулави, Ю. Бринера, Э. Вебера, Л. Дюпарка, С. Н. Жуковского, определивших основные направления исследовательских изысканий в ходе геоморфологических, палеонтологических, биогеографических экспедиций по Кавказу, Уралу, Сибири и Дальнему Востоку. Делается вывод о преемственности академического наследия швейцарских специалистов в системе мировых представлений и знаний о природно-климатических характеристиках, картографии и минералогии российских регионов.

Ключевые слова: швейцарские исследователи Урала и Дальнего Востока, изучение Кавказа и Крыма швейцарскими специалистами, Ф. Дюбуа де Монперэ, О.Клер, Н.А. Десулави, Л.Дюпарк, Ю.И. Бринер, Э.Вебер, С. Н. Жуковский, А.Мозер.

В историографии российско-швейцарских академических отношений достаточно много внимания уделяется вопросам изучения научного наследия выдающихся швейцарских ученых: братьев Бернулли, Эйлера, Гесса, Регеля, стоявших у истоков Петербургской Академии наук. Профессиональные судьбы швейцарских соотечественников, сложившиеся за пределами столичной

жизни при изучении отдаленных регионах Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока, до сих пор не утратили своей значимости для истории науки. Нам представлялось важным уточнить историко-научные и историографические аспекты изучения научной деятельности швейцарских специалистов, занимавшихся профессиональными исследованиями наиболее крупных регионов России в XIX в. История вовлечения швейцарских ученых в мировую регионалистику Кавказа, Урала, Дальнего Востока имеет свою давнюю традицию изучения. Она начинается с момента появления первых колонистов из Швейцарской конфедерации в регионе Северного Причерноморья, что стало поводом для всплеска общественных дискуссий и положило начало обстоятельному освещению темы в отечественных и зарубежных изданиях. В большинстве публикаций отмечалась особая роль первопроходцев, в том числе таких исторических личностей как Каспар Эшер и Иоанн Каподистрия.

Эшер Каспар (Hans Caspar Escher-Keller, 1755–1831) находился на военной службе в Российской империи в конце XVIII в. В 1803 г. Эшер выступил с инициативой переселения швейцарских колонистов в Северное Причерноморье и Крым, получившей одобрение российского императора. В июле 1803 г. он составляет список в Цюрихе из 240 колонистов, чтобы отправится с ними в Россию. Обещанные российским правительством привилегии для колонистов играли большое значение в освоении южных территорий Российской империи. Однако новые правила приглашения иностранцев, принятые в феврале 1804 г., привели к тому, что экспедиция К. Эшера не добилась поставленных целей. В этом же году он был отправлен в отставку [5, с. 143-152].

Инициативу К. Эшера поддержал И. Каподистрия. На международной выставке «Россия – Швейцария. 300 лет сотрудничества (из истории российско-швейцарских отношений в XVII–XX вв.)», подготовленной Федеральной архивной службой России и Швейцарским Федеральным архивом в сотрудничестве с Историко-документальным департаментом МИД России, были продемонстрированы материалы «Переписки российского посланника в

Швейцарии И.А. Каподистрии с Де Салоз об оказании поддержки швейцарским колонистам при их переезде из Швейцарии в Бессарабию для усовершенствования виноделия, датируемые 1821 г.»

Активное освоение швейцарскими колонистами юга России в начале XIX в. привлекло внимание и вызвало профессиональный интерес к изучению региона у представителей академических кругов. Швейцарский ученый-геолог, натуралист, путешественник Фредерик Дюбуа де Монперэ (Frederic DuBois de Montperreux, 1798–1850) инициировал в 1832–1833 гг. экспедицию по Новороссийскому краю, Крыму и Таманскому полуострову. В 1833 г. он путешествовал по Кавказу, посетил Осетию и Абхазию. В 1834 г. побывал в Имеретии, Мингрелии, Гурии, Кахетии, Сванетии и других областях Грузии вплоть до Тифлиса. В 1838 г. Дюбуа де Монперэ был удостоен премии Географического общества в Париже за путешествие по Кавказу и Крыму, а также награжден медалью Общества изящных искусств за гравюры и рисунки, составленные в ходе экспедиций.

Фредерик Дюбуа де Монперэ был родом из г. Невшатель (Швейцария). Свои первые экспедиции он предпринял в 1825 г., совершив поездку с геологическими целями на юг Польши и в Западную Украину в район Волыни. В июле 1829 г. он обследовал верхнее течение Днестра. В том же году он был зачислен в Берлинский университет, где его учителем был известный географ К. Риттер. В 1830 г. он был избран членом-корреспондентом Курляндского общества литературы и искусства, а в 1843 г. возглавил кафедру археологии в университете Невшателя. Дюбуа де Монперэ был одним из первых, кто заложил основу швейцарской традиции изучения южных районов Российской империи в первой половине XIX в. [17] Его классическими работами считаются труды: «Путешествии вокруг Кавказа, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым», «Путешествие в Крым», «Ископаемая конхиология и диагностический обзор формаций Волыньско-Подольского плато», «Курганы, крепости и валы западной России» и др. [22, 23, 24, 25, 26]

Вторая половина XIX в. характеризуется более интенсивным вовлечением швейцарских специалистов в освоении евразийской части Российской империи, территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока. Весомый вклад в изучении флоры, климата, археологических памятников Урала внес швейцарский ученый Онисим Егорович Клер (1845–1920). В советской историографии отмечаются лишь некоторые статьи и разделы монографий, словарей, посвященные жизни и деятельности ученого, его роли в изучении ботаники, метеорологии Урала [2, с. 16]. Отдельно необходимо отметить монографию Л.И. Зориной «Онисим Егорович Клер 1845–1920», в которой впервые комплексно и многосторонне рассматриваются вехи жизни О.Е. Клера, его роль в Уральском обществе любителей естествознания (УОЛЕ), научная и экспедиционная деятельность. [4]. В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) хранятся материалы биографического характера О.Е. Клера, рукописи ученого по краеведению, конспекты бесед по метеорологии, ботанике, переводы статей по металлургии, записные книжки, полевые дневники, переписка, личные, имущественно-хозяйственные документы [6] О.Е. Клер сыграл ключевую роль в становлении и развитии Уральской регионалистики как науки. В 1870 г. по его инициативе было создано Уральское общество любителей естествознания, одно из крупнейших краеведческих обществ в стране. О.Е. Клер исполнял обязанности ученого секретаря Общества. Важно заметить, что он обладал незаурядным талантом в организации как своей работы, так и деятельности УОЛЕ, поскольку искусно совмещал написание сочинений [7, 8] с участием в полевых экспедициях по Уралу. О.Е. Клер проводил полевые исследования на озере Шарташ и Шарташских Каменных Палатках, озере Балтым, изучал растительность горы Благодать. Важнейшее значение в жизни Общества имели «Записки Уральского общества любителей естествознания», которые регулярно издавались по предложению О.Е. Клера с 1873 г. Ученый взял на себя ответственность в деле перевода «Записок» на французский язык, поскольку искренне был убежден, что иностранцы имели неподдельный интерес к Уралу [4, с. 24–25]. О.Е. Клер, как никто

другой, сыграл значимую роль в развитии и популяризации научных знаний о “естественной истории” Урала, наставлении любителей-натуралистов Урала.

Научные традиции, заложенные О.Е. Клером в изучении Урала продолжил его соплеменник – геолог, палеонтолог Луи Дюпарк (1866–1932). Он состоял в качестве почетного члена во многих научных обществах, в том числе Императорской Академии наук в Петрограде с 1912 г. Л. Дюпарк возглавлял швейцарское «Общество минералогии и нефтеграфии», Женевское «Общество физики и естествознания», являлся адъюнкт-сотрудником отдела геологической карты Франции. Его творчество включает свыше 350 работ. Изначально исследовательская деятельность Л. Дюпарка была сосредоточена на изучении петрографии массива Монблан и поиске месторождений полезных ископаемых. В 1900 г. он организовал экспедицию на Северный Урал в поисках платины. Среди ученых российско-швейцарского мира науки, вовлеченных в изучение Уральских гор можно назвать имя эмигранта Степана Николаевича Жуковского (1869–1948) – геолога, гидрографа, гляциолога, палеонтолога, автора трудов по картографии, геологии и минералогии. Он получил образование в Женевском университете и с 1897 г. трудился в Отделе минералогии музея естественной истории Женевы и состоял в Швейцарском обществе естественных наук. В 1902 г. С.Н. Жуковский защитил диссертацию на соискание ученой степени, после чего профессионально занимался составлением карт минеральных ископаемых, исследуя геологию Швейцарии, Сибири, Урала и Южной Америки. С. Жуковский и Л. Дюпарк не только продолжили традицию изучения Урала, заложенную со времен О. Е. Клера, но и переключились с вопросов исследования флоры, климата, археологических памятников на открытие полезных ископаемых и минералогическую характеристику региона.

На рубеже XIX–XX вв. все больше внимания швейцарскими специалистами стало уделяться изучению Дальневосточного региона. Первостепенная роль в этих начинаниях принадлежала известному ботанику, собирателю и коллекционеру флоры Дальнего

Востока и Кавказа Нуме Августиновичу Десулави (1860–1933). В историографии в большей степени имя швейцарского исследователя упоминается в трудах, посвященных деятельности путешественника В.К. Арсеньева [12]. Дальневосточный энтомолог Е. В. Новомодный в своей книге «Дела и дни ботаника и педагога Нумы Августиновича Десулави (1860–1933): Материалы к научной библиографии друга и сподвижника В.К. Арсеньева» рассматривает становление Десулави как ученого, анализируя его работу в Приамурском отделе Русского географического общества, совместные экспедиции с В.К. Арсеньевым 1907–1908 гг. и 1911 г., взаимодействия с другими представителями научного сообщества [11].

Нам представляется важным обратить внимание на подвижническую деятельность Десулави в Приамурском отделе Императорского Русского географического общества (ПО ИРГО), в составе которого ученый значился с 1902 г. В 1906 г. члены правления ПО ИРГО на своем заседании, в связи с созданием хронологического и систематического каталогов Гербария музея, признали непреходящую ценность труда Десулави [12, с. 16]. С 1907 г. начинается совместная работа Десулави со знаменитым путешественником, этнографом и исследователем Дальнего Востока В. К. Арсеньевым. Их экспедиция лежала в области исследования горной области Сихотэ-Алинь, а также речных бассейнов Иман и Бикин, побережья Японского моря. В экспедиции 1911 г. исследователи первыми установили био-географическую границу, которая разделяла в Сихотэ-Алине охотскую и маньчжурскую флору. В.К. Арсеньев в своих отчетах высоко оценивал профессионализм Десулави, а также его личные качества [3, с. 215]. Собранные коллекции обширного гербария были доставлены в Хабаровский музей, Ботанический музей Академии Наук, Санкт-Петербургский Императорский ботанический сад, Лесной институт и Юрьевский университет. [20, с. 122]

Н. Десулави в своих исследованиях продолжал швейцарскую традицию изучения Главного Кавказского хребта, занимаясь более 10 лет изучением и собиранием альпийской флоры. Практически все экспедиции ученого были организованы на его личные

средства, а собранные коллекции гербарных листов Десулави представлял вниманию ученого сообщества (в частности, по этим материалам профессор Н.И. Кузнецов составил гербарный сборник «Критическая флора Кавказа») [14, с. 235]. По общему признанию, Десулави внес основополагающий вклад в изучение швейцарскими специалистами флоры Дальнего Востока и Кавказа, открыл и описал новые виды растений, собрал обширный гербарий, коллекции которого были направлены в ведущие музеи.

Среди швейцарских специалистов, проводивших исследования на Дальнем Востоке, были и те, кто впоследствии принял российское подданство. К их числу можно отнести имя швейцарского мецената Юлия Ивановича Бринера (1849–1920). Финансовая поддержка Бринера, оказанная Обществу изучения Амурского края, во многом способствовала улучшению его деятельности и обогащению коллекции музея Общества. В 1880 г. Бринер организовал компанию «Торговый дом Бринер и Ко», став одним из первых коммерсантов Дальнего Востока [1, с. 94]. Одной из важных заслуг швейцарца считается обнаружение Тетюхинских месторождений свинца и цинка. В честь швейцарского специалиста, принявшего российское подданство, был назван мыс именем Бринера, гора Бринеровка, улица Бринера (г. Дальнегорск) [10, с. 101].

Другой выходец из семьи известного швейцарского часовщика в Санкт-Петербурге. Анри Мозер (1844–1923) был одним из первых, кто предпринял в 1864 г. путешествие в Сибирь. Положение семьи Мозеров в России позволяло ему свободно путешествовать, в качестве сопровождающего лица дипломатических миссий. С 1868 по 1889 гг. он неоднократно побывал в Центральной Азии и Казахстане. А. Мозер вел дневниковые записи, в которых регулярно фиксировал происходившие с ним события. За свои труды он удостоился в 1914 г. звания почетного доктора Бернского Университета, пожертвовав Историческому музею Берна собранную им обширную «Восточную коллекцию».

Важная роль в истории изучения Восточной Сибири принадлежит швейцарскому картографу и астроному Эрнсту Веберу (1880–1973). Главной заслугой ученого считается его участие в

экспедиции на Чукотку под предводительством И.П. Толмачева в 1909–1910 гг. И.П. Толмачев в своем сочинении «По Чукотскому побережью Ледовитого океана» упоминает имя своего швейцарского коллеги «Э. Ф. Вебера» [13]. Их целью являлось исследование территории побережья от устья р. Колымы до Берингова пролива. В 1909 г. Вебер совместно с военным топографом и картографом М.Я. Кожевниковым выполнил глазомерную съемку береговой полосы от устья р. Колымы до мыса Сердце-Камень [9, с. 390] Результатом этого путешествия стало издание первой географической карты, описывающей побережье Восточной Сибири, что, в свою очередь, встретило положительную реакцию членов Академии Наук. Помимо этого, швейцарец углублял свои знания и в области геофизики, изучая магнитные аномалии земли.

Сфера профессиональных и научных интересов Эрнста Карла Вебера была довольно обширной, о чем свидетельствует объемный картографический труд ученого, обработка найденных в экспедиции материалов по этнографии, проведение геологических исследований изучаемой местности, исследования в области астрономии в рамках путешествия по Восточно-Сибирскому побережью. Говоря об увековечивании памяти о заслугах ученого, нельзя не отметить, что один из утесов, расположенный недалеко от мыса Шмидта, носит имя Вебера [21, с. 581-582]. Экспедиции по Восточной Сибири, в которых принимал участие Э. Вебер, способствовали развитию знаний и представлений о географии Восточно-Сибирского побережья. Материалы по этнографии, собранные А. Мозером и Э. Вебером, обогатили многие музейные коллекции и собрания.

Таким образом, вовлеченность швейцарских специалистов в исследования российских регионов началась с момента установления двусторонних дипломатических отношений между двумя государствами в 1814 г. На протяжении первой половины XIX в. можно говорить о складывании академической традиции в изучении южных районов Российской империи швейцарскими специалистами. В большей мере она ассоциируется с именем Де Монперэ и результатами его экспедиций по Кавказу, которые продолжил Н.

Десулави. Вторая половина XIX в. характеризуется более интенсивной вовлеченностью швейцарских исследователей в процессы изучения евразийской части Российской империи. Ценный вклад в исследования уральского региона внесли О. Клер, Л. Дюпарк и С.Н. Жуковский. Швейцарская история научных исследований Сибири во многом связана с результатами экспедиций А. Мозера и Э. Вебера. Большую организационную работу в деле изучения Дальнего Востока проводили Н. Десулави и Ю. Бринер. Будучи в России, многие из швейцарских исследователей приняли российское подданство. Их имена сегодня вписаны в историю российской науки. Они представляют собой когорту ученых российско-швейцарского мира науки. Среди них особенно важно отметить тех, кто учреждал и содействовал работе местных научных обществ (О.Е. Клер), исследовал и открывал новые виды растений (Н. Десулави), изучал магнитные аномалии земли и геофизику (Э. Вебер), открывал полезные ископаемые (Л. Дюпарк и С.Н. Жуковский), организовывал и финансировал научные экспедиции (Ю.Бринер). Роль швейцарских специалистов в исследовании Урала, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока сложно переоценить, поскольку каждый из них внес значительный вклад в развитие ботаники, географии, геологии, археологии, минералогии российских регионов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бринеры // Казань. 2020. № 7. С. 93-95.
2. Горчаковский П.Л. О.Е. Клер – исследователь флоры и фауны // Ботанический журн. 1960. Т. 45. № 9. С. 1386-1389.
3. Гуков Г.В. Чье имя ты носишь, растение? Сто пятьдесят кратких биографий (Из истории ботанических исследований на Дальнем Востоке). 2-е изд., испр. и доп. Владивосток: Дальнаука, 2001.
4. Зорина Л.И. Онисим Егорович Клер. 1845–1920. М.: «Наука», 1989.

5. Кащенко С.Г., Иванова И., Кащенко Е.С. Из истории швейцарской миграции в Северное Причерноморье в начале XIX века: Документы о группе переселенцев майора Каспара Эшера в Российском историческом архиве // Былые годы. Российский исторический журнал. 2018. Вып. 47 (1). С. 143-152.

6. Клер Онисим Егорович (1845–1920), учитель французского языка, секретарь и президент Уральского общества любителей естествознания; его сыновья: Клер Модест Онисимович (1879–1966), ученый-гидрогеолог, профессор Свердловского горного института; Клер Владимир Онисимович (1878–1958), ученый, профессор Свердловского медицинского института // ГАСО. Ф. 140. Ед. хр. 735, 1859–1970 гг. Оп. 3: 1-3.

7. Клер О.Е. Материалы к флоре Уральского края. Клер О.Е. О количестве дождя и снега, выпадающем в Долматове (Пермск.губ.) по 14-летним наблюдениям А.Н. Зырянова: Чит в заседании 11 июня 1876 г./ Разраб. О.Е. Клер. Екатеринбург, 1878.

8. Клер О.Е. Заметка о дождемерах. Екатеринбург, 1877.

9. Комиссии Академии Наук в XVIII–XX веках = Committees of the Russian Academy of sciences in the 18th-20th centuries [Текст] = Committees of the Russian Academy of sciences in the 18th-20th centuries : исторические очерки : [сборник статей] / Российская акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова, Санкт-Петербургский фил. ; ред.-сост.: Г.И. Смагина, Э.А. Тропп ; отв. ред. Ю.М. Батулин. СПб., 2013.

10. Никишина Е. Юл великолепный. Дальневосточные корни знаменитого голливудского актера // Словесница искусств. 2021. № 1(47).

11. Новомодный Е.В. Дела и дни ботаника и педагога Нумы Августиновича Десулави (1860–1933): Материалы к научной библиографии друга и сподвижника В.К. Арсеньева. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2008.

12. Новомодный Е.В. Постоянные сотрудники Владимира Арсеньева в период его работы директором Гродековского (Хабаровского краевого) музея (1910–1919, 1924–1926 гг.) // Культура и наука Дальнего Востока. 2017. № 1 (21). С. 14-20.

13. По Чукотскому побережью Ледовитого океана : = По Чукотскому побережью Ледовитого океана Предвар. отчет нач. Экспедиции по исслед. побережья Ледовитого океана от устья Колымы до Берингова пролива, снаряж. в 1909 г. / Отд. торг. мореплавания М-ва торг. и пром.; И.П. Толмачев. СПб., 1911

14. Рубан Н.И. История музейного строительства на советском Дальнем Востоке 20–30 гг. XX века: диссертация... кандидата исторических наук. Хабаровск, 2001.

15. Русские ботаники: Биогр.-библиогр. словарь / Сост. С.Ю. Липшиц. М., 1952.

16. Свердловская магнитная и метеорологическая обсерватория. 1836–1936. Свердловск, 1936.

17. Стогний В.В., Стогний Г.А. Фредерик Дюбуа де Монпере в географических исследованиях Кавказа и Крыма // Кубанский государственный университет. Краснодар, 2021. С. 252-256.

18. Хисамутдинов А.А. В.К. Арсеньев и близкие ему люди: Портрет эпохи (К 150-летию со дня рождения ученого и путешественника). Владивосток: Дальнаука, 2021.

19. Хрушкова Л.Г. Швейцарский ученый Фредерик Дюбуа де Монпере в Абхазии в 1833 году. Симферополь, 2022.

20. Федотова А. А. Швейцарский коллектор флоры Кавказа и Дальнего Востока // Историко-биологические исследования. 2010. № 2. С. 121-123.

21. Keller H., Kobold F., Schweizer Beitr. zur Erforschung der nordostsibir. Eismeerküste, in Schweizer Ingenieur und Architekt 102, 1984. P. 579-584.

22. Frederic DuBois de Montperreux. Conchiologie fossile et Aperçu Géognostique des Formations du Plateau Volhyni-Podolien (Berlin, 1831).

23. Frederic DuBois de Montperreux. Des tumulus, des forts et des remparts de la Russie occidentale (Ed. Lacroix. Paris, 1846. Annuaire des voyages et de la géographie).

24. Frederic DuBois de Montperreux. Lettre sur les principaux phénomènes géologiques du Caucase et de la Crimée, adressé à M. Élie

de Beaumont. Paris, 9 mai 1837 (Bulletin de la Société Géologique de France. 1837. T. 8. P. 371-394).

25. Frederic DuBois de Montperreux. Quelques Notices sur les Races Caucasiennes, et principalement sur les Circassiens. Lues à l'assemblée générale de la société de géographie, le 7 avril 1837 (Paris, 1837).

26. Frederic DuBois de Montperreux. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée (Vol. 1-6. Paris, 1839-1843).

Rezepina Anna Aleksandrovna,

Russian State University for the Humanities, Moscow

Petrov Evgenii Vadimovich, St. Petersburg State University, St. Petersburg

Elts Elena Eduardovna, St. Petersburg State University, St. Petersburg

Serdune Julia, St. Petersburg State University, St. Petersburg

Professional destinies of Swiss researchers in Caucasus, Urals, Siberia and Far East studies

Abstract: The article presents the characteristics of works in the history of Russian regional studies which were made by Swiss specialists during the XIX century. The authors of the article assess the Swiss scholars heritage, such as F. Dubois de Monperay, O. Clair, N.A. Desoulavi, Yu.I. Briner, E. Weber, S. N. Zhukovsky, A. Moser who determined the main directions of research during their geomorphological, paleontological, biogeographical expeditions to the Caucasus, the Urals, Siberia and the Far East. The authors conclude about the continuity of the works of Swiss specialists in the system of world knowledge about the natural and climatic characteristics, cartography and mineralogy of Russian regions.

Keywords: Swiss researchers of the Urals and the Far East, the study of the Caucasus and Crimea by Swiss specialists, F. Dubois de

Monperay, O. Clair, N.A. Desoulavi, Yu.I. Briner, E. Weber, S. N. Zhukovsky, A. Moser.

Прилагаемые фотоизображения:

1. Дюбуа де Монперэ Фредерик (1798–1850). Источник изображения: Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. Париж, 1843. Т. 5, 6.

2. Онисим Егорович Клер (1845–1920). Источник изображения: Свердловский областной краеведческий музей.

3. Степан Николаевич Жуковский (1869–1948). Источник изображения: Собрание Музея Пайерна.

4. Нума Августинович Десулави (1860–1933). Источник фотоизображения: Н. А. Десулави (1912 год). Фотография из архива Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова. (Опубликована в: Новомодный Е.В. Постоянные сотрудники Владимира Арсеньева в период его работы директором Гродековского (Хабаровского краевого) музея (1910–1919, 1924–1926 гг.) // Культура и наука Дальнего Востока. 2017. № 1 (21). С. 17.

РАЗДЕЛ II
ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В УСЛОВИЯХ
ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

*Алферова И. В.,
Сорокина Ж. А.*

(Россия. Брянский государственный университет)

КОНТРАБАНДА
НА ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Аннотация: в статье на основе материалов периодической печати, информации, поступающей в контрразведывательные подразделения штабов армий, выявляются случаи незаконного вывоза продовольственных товаров из Российской империи в Германию и Австро-Венгрию. Интерпретируются мероприятия правительства и военных властей, направленные на урегулирование товарообмена в трансграничных территориях, преследовавшие цель с одной стороны предотвратить контрабанду, с другой – сохранить дружественные отношения с нейтральными государствами, имеющими общую границу с Российской империей.

Ключевые слова: Первая мировая война; трансграничье; контрабанда; периодическая печать.

Вопрос о незаконном вывозе продукции различного назначения за границу Российской империи находился на повестке дня правительства с первых дней начала Первой мировой войны. Так, Совет министров по представлению министерства финансов уже 25 июля 1914 г. утвердил список товаров запрещенных к экспорту [6, с. 226, 226 об.].

Седьмого сентября 1914 г. императором был подписан указ, согласно которому с началом военных действий при организации торговых отношений следовало применять правила «морской войны», выработанные Лондонской морской конференцией 1908 – 1909 годов, с учетом внесенных изменений [13]. «Съестные припасы» по этим правилам считались контрабандой относительной или условной. Согласно же внесенным изменениям и предметы «относительной контрабанды (в том числе хлеб) подлежали задержанию и захвату даже в случае направления через нейтральную страну» [12, л. 8].

Ряд законов Российской империи (Собр. узаконений 1914 г. № 226 и 1915 г. №№ 132, 155, 166, 187, 196, 213), принятых с началом Первой мировой войны, запрещал вывоз товаров определенных наименований. Исключения делались по решению Министерства финансов только в пользу союзных и дружественных государств. Вывоз запрещенных товаров без соответствующего разрешения рассматривался как контрабанда и согласно ст. 1045 Уст. Тамож. влек за собой наказание в виде денежной пени. В условиях военного времени умышленный вывоз или покушение на вывоз товаров за границу в интересах неприятельской страны рассматривались как государственная измена. Виновные в этом случае подлежали судебной ответственности по 108 ст. Уголовного уложения и наказывались срочной каторгой [5].

В свою очередь военные власти на трансграничных территориях предпринимали всевозможные усилия в борьбе с контрабандой товаров. В Петроградском военном округе такая работа проводилась контрразведывательным отделением штаба 6-й армии. Она сводилась, преимущественно: «1) к собиранию сведений о самом факте вывоза товаров и их количестве и 2) к установлению по

возможности того обстоятельства, что значительная часть этих товаров направляется в неприятельские государства» [9, л. 3].

Тем не менее сообщения о поставке российских товаров во враждебные и недружественные страны через трансграничные территории регулярно появлялись в периодической печати. Причем частота их появления непосредственно коррелировалась с темпами нарастания кризиса продовольствия в самой Российской империи.

«День от дня жизнь в Петрограде дорожает, – сообщал автор одной из таких публикаций, пересланных в Штаб верховного главнокомандующего российской армии, указывая, что «причина вздорожания хлеба по словам торговцев, недостаток ржаной муки на складах и слабый подвоз ее к столице». «Между тем, – уверял автор, – громадные партии муки вывозятся в Финляндию, а оттуда через Раумо в Швецию». Коровье масло, по убеждению автора, также крупными партиями уходило за границу, причем «крупными покупателями масла выступали датские фирмы, которые поставляли его в Германию. Туда же вывозились «сотнями тысяч штук яйца и, судя по объявлениям в немецких газетах, цены на русский яичный товар был ниже, чем в Петрограде» [3, л. 3 об.].

Автор статьи в «Новом времени», ссылаясь на петроградского городского голову, сообщал, что в городе «появились комиссионеры шведы, покупающие для Германии продукты». «Что же касается Швеции, – заключал автор, – то она может получать продовольствие для Германии, главным образом, из России через Финляндию», а «Финляндия насыщена всевозможными продуктами сверх меры и, несмотря на это, продолжает делать закупки в центральных губерниях; везется мука, масло, яйца и даже мясо и овес» [8, л. 17 об.].

В финляндской газете «Dagens Press» от 13 ноября 1915 г. в № 279 была помещена статья «Опять обвинения против Финляндии». Некий господин, «доставляющий продовольствие русской армии» утверждал в беседе с корреспондентом русской газеты, будто бы «представители масляной биржи в Петрограде указывали

на то, что масло из Финляндии отправляется в Германию, где за него платят высокую цену» [10, л. 6].

Согласно агентурным сведениям, полученным весной 1915 г. генерал-квартирмейстером при верховном главнокомандующем гамбургская фирма «Hensel» «более десяти раз покупала русское зерно в Румынии, получая его из Одессы» [2, л. 41]. Начальник Штаба верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич сообщал председателю Совета министров в августе 1915 г., ссылаясь на статью в шведской газете «Svenska Dagbladet» «о массовом подвозе русского хлеба в Германию через Румынию» и просил «содействия к прекращению такого явления, равно как и вывоза вообще за границу необходимых враждебным нам странам продуктов, в том числе нефти и смазочных масел» [2, л. 85].

Информацию о «заметном увеличении вывоза из России в Румынию различных пищевых продуктов и сырых материалов» размещала на своих страницах всё та же газета «Новое время», предупреждая, что «при существовании особого соглашения между Румынией и Германией о взаимном пропуске товаров, несомненно, является опасным отпуск русских продуктов в Румынию, откуда эти продукты легко могут попасть во враждебную России Германию» [4].

На немалые объемы российского экспорта продовольствия в Румынию обращал автор публикации в «Биржевых ведомостях» [14].

Однако выявление незаконного вывоза товара чаще всего было чрезвычайно затруднительно как вследствие особой конспирации операций, так и благодаря сложности и запутанности правил соподчинения в военное время гражданских и военных властей на трансграничных территориях.

Показательным случаем такой несогласованности явился следующий инцидент. Командующий 6-й армии генерал Н.В. Рузский 3 октября 1915 г. запретил вывоз за границу белого мха, который использовался в производстве взрывчатых веществ, о чем было доведено для выполнения командующему 42-го армейского корпуса. Такое же запрещение было издано 23 октября 1915 г.

Финляндским сенатом. Тем не менее, тем же Сенатом было выдано разрешение купцу Бергелину на вывоз в Англию 3000 кг белого мха. Причем на запрос о причинах такого разрешения Финляндское таможенное управление уведомило, что «в силу предоставленной Финляндскому сенату власти все распоряжения как о запрещении, так и о разрешении вывоза за границу, должны исходить исключительно от Сената» [9, л. 23].

Одним из источников сведений о снабжении неприятеля российскими товарами являлись материалы, появлявшиеся в периодической печати. Не случайной в этой связи являлась просьба от генерал-квартирмейстера Штаба главнокомандующего Северного фронта Н.Э. Бредова начальнику жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог «разнообразные сведения о Финляндии – из местной печати о перевозке и вывозе товаров продуктов и т. п. препровождать и генерал-квартирмейстеру Штаба 6-й армии» [9, л. 119]. Зачастую такие публикации являлись определенным сигналом для контрразведки, после чего начинались следственные мероприятия.

Примером таких газетных материалов может быть заметка «Подозрительные закупки», пересланная начальнику контрразведывательного отделения Северного фронта. В ней речь шла о том, что по всему среднему Поволжью (в Саратове, Самаре, Симбирске и др. городах), «шныряют какие-то уполномоченные от Финляндии, делающие громадные закупки хлеба, предназначенные якобы, для продовольствия в Финляндии». Автор сообщал, что в 1915 г. «финляндцы только из района Среднего Поволжья вывезли больше 3 млн пудов хлеба. В настоящее время идут закупки в более крупных размерах. В Самаре, например, финляндцы, не считаясь с ценой, забирают всю попадающую на глаза пшеничную муку. В Симбирске этими господами из Финляндии скупается ржаная мука. Теперь ими скуплено 400 вагонов, 250 из которых уже вывезено. Закупки продолжают усиленными темпами» [7].

Заметка, которая появилась в одной из финляндских газет (*название неразборчиво*. – **Авт.**) от 17 декабря 1915 г. № 346 под

названием «Шведский экспорт оленины в Австрию» явилась подтверждением агентурных сведений, полученных ранее начальником контрразведывательного отделения Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта. В заметке шла речь о том, что 9 декабря со станции Доротея в шведской Лапландии были отправлены два первых транспорта вагонов с оленьими тушами для последующего вывоза в Австрию. «Убой продолжается и будет происходить также позже зимой», – сообщалось в статье. «В общем рассчитывают, – пояснял автор, – что половина этих оленьих стад, обнимающих собою около 100.000 голов, будет перебита зимой. Лапландцы, по слухам, получают от 75 эре до 1 кроны за килограмм нетто» [10, л. 28].

Поставка продовольствия во враждебные и недружественные страны с разной интенсивностью продолжалась на протяжении всей войны. Часть таких поставок, которые осуществлялись через трансграничные территории, действительно, являлись контрабандой, как, например, это обстоит с провозом в Швецию оленьего мяса через Рованиеми (в северной Финляндии). Предотвращение таких случаев в этом регионе осложнялось не только «проницаемостью» границы, когда пограничные пункты находились в нескольких десятках километров друг от друга, а «в Лапландской местности не имелось нашей охраны» вообще. Для определенной части местных жителей контрабанда товаров была единственным способом существования на протяжении столетий. С началом Первой мировой войны, когда спрос на производимую лопарями продукцию значительно повысился, и скупщики не считались с ценой, они стали продавать живых оленей и оленину немецким купцам «в огромном количестве», не считаясь с запретами.

С целью наблюдения за дорогами, «ведущими из Рованиеми и Саркеля на Муониониско», и служащими единственными доступными сообщениями внутренней Финляндии с приграничными районами Швеции и Норвегии, по распоряжению начальника Финляндской пограничной охраны был учрежден новый пост в селе Киттеля.

В свою очередь представители пограничной охраны, не полагаясь на охранительные предписания, высказывали предположения, что «одной из мер к воспрепятствованию вывоза в Швецию могла бы явиться налаженная в срок скупка в пограничном районе со Швецией и Норвегией района Лапландии оленины нашим правительством по цене несколько выше той, по которой означенный продукт продается за границу» [10, л. 47].

Сложная ситуация возникла на границе с Румынией, когда с началом войны была мобилизована пограничная стража. Вследствие этого часть российско-румынской границы продолжительное время не охранялась, как и не охранялась паромная переправа через реку Прут. «Весьма вероятно, – сообщал одесский таможенный инспектор в своем рапорте главному начальнику Одесского военного округа и генерал-губернатору, – за это время могло быть вывезено непосредственно в Румынию значительное количество зерна. Еще вероятнее, что вывоз этот и притом в значительно больших размерах производился и позже, уже не прямо из Румынии, а через ту часть Австрии, которая в сентября минувшего года до апреля нынешнего была занята нашими войсками» [8, л. 192].

Несмотря на вышеизложенные обстоятельства, необходимо отметить, что поставки продуктов в Швецию и Румынию в годы Первой мировой войны по большей части с формальной стороны носили законный характер.

Решая вопрос о возможности вывоза продуктов в Швецию, Российская империя оказывалась перед сложной дилеммой. С одной стороны, разрешение таких поставок могло способствовать развитию контрабандной торговли между Швецией и Германией, что отчасти и происходило. С другой – Россия была заинтересована в шведском нейтралитете в начавшейся войне, в том числе с учетом общей границы между государствами, через которую шли военные поставки от союзников. Запретительные меры в этом отношении, «ухудшив и без того тяжелое экономическое положение Швеции», могли вызвать, по мнению военно-морского агента в Швеции, которое он изложил в рапорте начальнику морского Генерального штаба, «крайне придирчивое отношение к вывозу и

провозу через Швецию в Россию военных материалов, возбудив даже самые умеренные круги общества против всего Тройственного соглашения и может заставить принять с отчаяния решение «...» рискнуть на войну (*т. е. вступить в войну на стороне Германии.* – Авт.) [12, л. 10 об.].

Вопрос о вывозе в Швецию пищевых продуктов, в том числе и яиц, обсуждался на заседаниях Совета министров 8 и 14 ноября 1914 г., когда было принято решение «установить определенные нормы для пищевых продуктов, а размере коих и мог быть допущен вывоз сих продуктов из Империи в Швецию». Когда же стало очевидным, что объем вывозимой продукции превышает установленные нормы, «верховный главнокомандующий не признал, однако, возможным закрыть совершенно в этих видах шведскую границу и препятствовать тем самым вывозу разрешенных к отпуску Советом министров товаров» и приказал «одновременно принять все меры к совершенному пресечению всякой возможности провоза через границу припасов контрабандным путем» [8, л. 169-169 об.].

Подобное же отношение сложилось в правительственных и военных кругах относительно поставок продовольствия в Румынию. Ссылаясь на поступившие в Военное министерство сведения о происходившем будто бы вывозе в значительном количестве из России в Румынию некоторых продовольственных товаров, в частности соленой астраханской рыбы, хлопкового масла, колбасных кишек, с последующей перепродажей в Германию и Австро-Венгрию, военный министр поднимал в обращенных к председателю Совета министров письмах вопрос о принятии соответствующих запретительных мер.

Совет министров рассмотрев 27 февраля 1915 г. указанное обращение «принял во внимание», что вывоз за границу «колбасных кишек уже запрещен распоряжением Министерства финансов», «что касается соленой астраханской рыбы, то выпуск последней из Империи в Россию разрешен, в видах поддержания добрососедских с названной страной отношений, «в ничтожном количестве, по удостоверению Министра финансов происходит и вывоз в

Румынию через перечисленные таможенные учреждения хлопкового масла». В результате Совет министров посчитал, что едва ли имеются «достаточные основания в принятии ныне каких-либо особых ограничительных в отношении вывоза из Империи в Румынию поименованных припасов мер, кроме разве установленного вящего со стороны подлежащих властей надзора за недопущением проникновения таковых припасов через нашу границу контрабандным путем, помимо наших таможенных учреждений» [11, л. 14 об.].

В то же время при рассмотрении в апреле 1915 г. вопроса о разрешении румынскому правительству вывоза из Российской империи зерна и ряда других продуктов большинство министров, не взирая на соображения «политического свойства», выступили за введение соответствующих запретов [8, л. 112]. Помимо этого, рассматривалась возможность введения более строгих правил в отношении товарного движения на румынской границе. Как следствие принятых мер, произошло почти полное закрытие пассажирского движения, а также производились многочисленные аресты румынских купцов, занимавшихся закупкой товаров в Одессе [1, л. 170].

Формат статьи не представляет возможность восстановить полную картину контрабандной торговли, которая развернулась в трансграничных территориях Российской Империи в годы Первой мировой войны. Однако разобранные в статье кейсы достаточно наглядно демонстрируют, что такая проблема существовала, причем зачастую информация о незаконном вывозе продовольствия сначала появлялась в периодической печати, а потом службы контрразведки начинали соответствующие расследования, доводя сведения до соответствующих правительственных и военных структур.

В свою очередь, правительственные круги Российской империи, а также военная власть, принимая решения запретительного характера на вывоз продовольствия через трансграничные территории, исходили не только из необходимости предотвратить контрабанду товаров. Не в последнюю очередь они руководство-

вались военно-политическими соображениями, стараясь сохранить добрососедские отношения с граничащими государствами, через территорию которых происходили поставки от союзников товаров военного назначения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 140. Оп. 477. Д. 386.
2. АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 7.
3. Жизнь дорожает // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 74.
4. Новое время. 1916. № 14413. 23 апреля.
5. Новое уголовное уложение. 1903 г. Ст. 108. О государственной измене.
6. Особый журнал Совета министров. 25 июля 1914 г. По представлению Министерства финансов от 20 июля 1914 г., за № 381 (по Департаменту таможенных сборов, о воспреещении вывоза за границу некоторых товаров, необходимых для успешного ведения войны) // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 – 1917 гг. / 1914. М., 2006.
7. Подозрительные закупки // Новое время. 1916. № 14404. 14 апреля.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2005. Оп. 1. Д. 74.
9. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 870.
10. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 576.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1244.
12. Российский Государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 4659.
13. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате... 1914. Отд. 1-е. 2-е полугодие. № 249. Ст. 2352. Применение правил морской войны, выработанных Лондонской конвенции 1908 – 1909 годов, с некоторыми в них изменениями и дополнениями.

14. Экспорт товаров из России в Румынию // Биржевые ведомости. 1916. № 15533. 2 мая.

*Alferova I.V.,
Sorokina J.A.*

**CROSS-BORDER SMUGGLING
DURING THE FIRST WORLD WAR
(BASED ON THE MATERIALS OF PERIODICALS)**

Abstract: The article reveals cases of illegal export of foodstuffs from the Russian Empire to Germany and Austria-Hungary on the basis of periodicals and information received by the counterintelligence departments of army headquarters. Government and military authorities' measures aimed at the settlement of commodity exchange in cross-border territories are interpreted, pursuing the aim to prevent smuggling on the one hand, and to preserve friendly relations with neutral states having a common border with the Russian Empire on the other hand.

Keywords: World War I; transboundary; smuggling; periodicals.

REFERENCES

1. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. F. 140. Op. 477. D. 386.
2. AVP RI. F. 323. Op. 617. D. 7.
3. Life becomes more expensive // RGVIA. F. 2005. Op. 1. D. 74.
4. Novoe Vremya. 1916. № 14413. April 23.
5. New Criminal Statute. 1903 Art. 108. On high treason.
6. Special Journal of the Council of Ministers. July 25, 1914. On the submission of the Ministry of Finance from July 20, 1914, for № 381 (on the Department of Customs duties, on the prohibition of export abroad of certain goods necessary for the successful conduct of the war)

// Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909 – 1917 / 1914. М., 2006.

7. Suspicious purchases // *Novoe Vremya*. 1916. № 14404. April 14.

8. Russian State Military History Archive (RGVIA). Ф. 2005. Оп. 1. Д. 74.

9. RGVIA. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 870.

10. RGVIA. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 576.

11. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1276. Op. 11. D. 1244.

12. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). F. 418. Op. 1. D. 4659.

13. Collection of decrees and orders of the Government, published under the Governing Senate.... 1914. Od. 1st. 2nd half-year. № 249. Art. 2352. Application of the rules of naval warfare developed by the London Convention of 1908 – 1909, with some amendments and additions.

14. Export of goods from Russia to Romania // *Birzhevye vedomosti*. 1916. № 15533. May 2.

Сведения об авторах:

Алферова Ирина Викторовна,

доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории
Брянского государственного университета.

Сорокина Жанна Александровна,

соискатель кафедры отечественной истории
Брянского государственного университета.

Блохин В. Ф.

(Россия. Брянский государственный университет)

**ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧНОСТИ
(эпизод начального этапа Первой мировой войны)**

Аннотация: на фоне трансграничных изменений, вызванных набравшей темпы мировой войной, наметилась реализация давно назревших планов, усугублялись накопившиеся за длительный период времени проблемы. Статья отражает один из эпизодов начального этапа войны, получивший публичное освещение в периодической печати и вызвавший действия военных властей.

Ключевые слова: Первая мировая война; Царство Польское; периодическая печать; «Neue Lodser Zeitung».

Первая мировая война принесла заметные изменения как в систему государственных отношений Российской империи в целом, так и в жизнь ее отдельных территорий. Прекращалось существование старых социальных институтов, происходило возникновение новых, наметилась и осуществлялась трансформация прежней, адаптированной к военным условиям экономической системы. На иных основаниях обозначился процесс складывания обновленного общественного сознания. В сентябре 1914 г. газета «Речь» уже выработавшая свое понимание происходивших современных для нее событий, отмечала: «Настоящая война – война народов. Смертельная борьба не только армий, но также экономическая и моральная. И эта последняя борьба, с её поражениями и победами значительнее той войны, которая ведется с оружием в руках» [7].

Граница между Россией и Германией проходила недалеко от польского города Лодзи, и в случае начала войны и возможного наступления немцев эти территории оказались бы на пути движения немецких войск, продвигавшихся к Варшаве. С момента объ-

явления в России мобилизации в Петроковской губернии, в которую входила Лодзь, было объявлено военное положение. Остановилось большинство производств, произошли перебои в работе почты и телеграфа, для предупреждения возможных беспорядков были запрещены все собрания. С началом военных действий началась эвакуация из Лодзи русской администрации.

Немцы 22 августа приняли решение занять город, но уже на следующий день в 12 часов дня немецкие войска его покинули [2, с. 28], а 26 августа сюда вернулась российская армия, о чем на следующий день поместила короткое сообщение газета «Новое время»: «Русские войска очистили Лодзь от неприятеля и заняли город» [3]. В другой заметке отмечалось: «Во время недолгого пребывания в Лодзи прусских отрядов местные немцы-фабриканты, уверовавшие в силу своих соплеменников, проявляли в отношении их предупредительность и гостеприимство. Преждевременная радость вылилась в наглость: ходили по улицам с портретами Вильгельма» [3].

Начало сентября принесло известия о поражении русской армии под Танненбергом, после чего началась «тихая эвакуация» теперь уже не учреждений, а имущества и стратегического сырья. В дальнейшем в городе поочередно появлялись немецкие и русские разъезды, а в четверг 29 октября сюда вошли первые части сибирских казаков. Германские войска предприняли в свою очередь наступательные действия на лодзинском направлении и оборонительные действия России против армий восточногерманского фронта длились до 6 (19) декабря. Русские войска оставили Лодзь на 31 год (до событий, связанных с освобождением польских территорий в годы Второй мировой войны) [2, с. 48].

Неразбериха, сопутствовавшая этим военным событиям, привела к тому, что город попеременно сталкивался с многочисленными проблемами, связанными с отсутствием стабильной власти. Например, последнее официальное разрешение военной цензуры на выпуск лодзинских газет было выдано еще 16 (30) сентября 1914 г., а 25 сентября (8 октября) в Лодзь вошли немцы. Это произошло около часу дня, а уже в три часа в газете

«Neue Lodser Zeitung», выходявшей на немецком языке, появилась заметка под заглавием: «Самые длинные ноги». Она была посвящена уходу англичан от Сен-Кантена, являвшемуся частью Великого отступления войск Антанты. Местная пресса в целом была настроена по отношению к Германии и немцам негативно, публиковало много материалов об их действиях в других польских землях [8, с. 91], поэтому публикация «Neue Lodser Zeitung» вызвала особую реакцию.

Автор статьи сетовал на то, что сражение, в котором англичане были сразу разбиты, «закончилось не так, как мы этого ожидали». Ожидания газеты были связаны с возможностью полного окружения британских войск, однако англичане сделали всё возможное для сохранения своей армии, игнорируя даже интересы французских союзников. В «Neue Lodser Zeitung» утверждалось, что «немецкое военное начальство придерживалось того мнения, что наемные английские войска, осмелившиеся вступить на континент, должны быть взяты в плен. Генерал фон Клуцк, один из выдающихся полководцев, предпринял для этой цели ряд чрезвычайно удачных мер» [9].

Разделяя этот взгляд, автор публикации не пытался сохранить нейтральную позицию в описании военных событий, всячески подчеркивая свою симпатию к одной из сторон: «Но они (англичане. – Авт.) после первого столкновения стали удирать с такой резвостью, которая в спортивном отношении выше всякой похвалы. Это был рекорд бегства массы; никогда не видано, чтобы армия исчезала с такой быстротой. Англичане имеют длинные ноги, и энергия, с которой они пользуются этим преимуществом, не поддается описанию. Даже немецкой кавалерии на правом фланге с трудом удалось на полном ходу только несколько настичь удирающих длинноногих, чтобы их оттеснить от линии к морю» [9].

Neue Lodzer Zeitung.

Abend-Ausgabe.

Nr. 458. Donnerstag, den (25. September) 8. Oktober 1914. 13. Jahrgang.

Die längsten Beine. Die Schlacht bei Saint Quentin, in der die Engländer auf den ersten Anhieb vollständig geschlagen wurden, verlief nicht ganz so, wie sie von unserer Seite geplant war. Die deutsche Herresleitung stand nämlich ganz auf dem Standpunkt, daß sie ein englisches Söldnerheer, wenn es die Dreistigkeit hat, auf dem Festland aufzutreten, unter allen Umständen „arretieren“ sollten. Um sie prompt einzufangen, hat der General von Kluck, ehver der fähigsten Heerführer, auch alles trefflich vorbereitet. Er hielt auf seinem rechten Flügel einen starken Truppenverband gestaffelt in Reserve, der die Engländer, sobald sie im Feuer waren, in der Flanke umfassen und einkreisen sollte, außerdem hatte er auch auf dem äußersten rechten Flügel starke Kavalleriemassen bereit, die die Umarmung vollenden, die deutschen Vettern von hinten fassen und ganz an Brust drücken sollten. Der Plan wäre auch geglückt, — wenn die Engländer nur ein Weilchen standgehalten hätten. Aber wider alle Berechnung nahmen sie schon nach dem ersten Anprall mit einer Heftigkeit Reißaus, die als Sportleistung höchste Bewunderung verdient. Als Massenreford im Schnellauf steht die englische Flucht bei St. Quentin einzig da. Niemand hat mar ein Heer mit so verblüffender Geschwindigkeit sich entfernen sehen. Die Engländer hatten die weitaus längeren Beine, und die Energie, mit der sie von diesem Vorzug Gebrauch machten, spottet jede Beschreibung. Selbst die deutsche Kanallerie auf der rechten Flanke hatte Mühe, in schärfster Gangart den davonwirbelnden Langbeinern wenigstens soweit an die Hacken zu kommen, daß sie sie von ihrer Rückzugslinie nach dem Meer abdrängten.

Заметка лодзинской газеты не осталась незамеченной в петроградском «Новом времени». Автором публикации под названием «С войны. По пути отступления немцев» являлся известный в то время журналист Алексей Ксюнин. Он, судя по всему, внимательно следил за содержанием немецкой газеты, поскольку в пет-

роградском издании уже отмечались ее симпатии к армии противника России в войне: «...местная газета "Neue Lodser Zeitung", выходящая на немецком языке, сообщала, что город осчастливили своим посещением: великий герцог Саксен-Мейнингентский, великий герцог Саксен-Веймарнский, принц Вюртембергский, князь Рейс с сыном, личный адъютант Вильгельма генерал фон Плесков, граф Путкаммер, граф Ейнгаузен, граф Вартерлебен, граф Мольтке второй и генералы: фон Гильзен, фон Герке и фон Урко» [4].

По поводу публикации в лодзинской газете статьи под названием «Самые длинные ноги» А.И. Ксюнин отмечал: «Слишком очевидной была цель этой наглой заметки, сфабрикованной издателями "Neue Lodser Zeitung" господами **Древингом и Мильером**. Увидев первые прусские каски, они нечаянно спутали Лодзь с Берлином и, почувствовав себя в фатерлянде, поспешили поцеловать сапог прусского унтер-офицера. К чести лодзинцев надо сказать, что большинство населения не разделило радости издателей немецкой газеты и отнеслось к появлению пруссаков с большим спокойствием и сдержанностью» [4].

До начала войны в отношении периодической печати действовал закон 24 ноября 1905 г., созданный в результате принятия Манифеста 17 октября 1905 г. На его основании нарушения редакциями газет и журналов намеченной для них линии поведения предполагали судебные разбирательства. Однако результаты практической реализации избранных мер воздействия, которые опирались на закон, оказались, с точки зрения властей, недостаточно эффективными. После некоторой паузы, последовавшей за принятием этих правил, была задействована возможность использования административного ресурса в виде обязательных постановлений губернаторов, которые должны были предупреждать и пресекать различного рода нарушения законов, характерных для конкретной местности.

Командование российской армии не оставило без внимания публикацию в «Новом времени». Речь шла об эффективности формирования средствами печати массового сознания в условиях, в

которых оказался город Лодзь. Со всей очевидностью, выходящая на немецком языке газета, пыталась удовлетворить потребности части населения, которая в состоянии возникшей неопределенности являлась носителем ярко выраженных антирусских настроений. Речь шла о выявлении и контроле любых факторов, препятствовавших эффективной борьбе за общие настроения жителей этой территории.

Начальник штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта через военно-цензурное отделение 26 октября 1914 г., которое анализировало публикации газет, затрагивавших проблемы приграничных территорий, сообщил начальнику штаба 2-й армии, сформированной из частей Варшавского военного округа, что 25 сентября в местный лодзинской газете «*Neue Lodser Zeitung*» «появилась гнусная заметка под заглавием "Самые длинные ноги" с извращённым описанием отступления наших союзников – англичан от Сен-Кантена. Главнокомандующий приказал, если вышеизложенное действительно было напечатано, издание газеты "*Neue Lodser Zeitung*" немедленно приостановить, а издателей г.г. Древинга и Мильера вместе с ответственным редактором газеты немедленно выслать в восточные губернии Российской империи» [6, л. 244-244 об.].

В 1907 г. был издан Именной высочайший указ, данный Сенату о предоставлении архангельскому, вологодскому, новгородскому, олонецкому, псковскому, рязанскому, смоленскому, тверскому и ярославскому губернаторам права «издавать для жителей вверенных им губерний обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения государственного порядка и общественной безопасности» [5, с. 336]. Важной частью обязательных постановлений являлся пункт, который предусматривал в случае нарушения одного из возможных запрещений подвергать виновного в административном порядке штрафу до 500 руб. (а в местах с чрезвычайной охраной – до 3000 руб.) или аресту до 3 месяцев. Действие закона изначально было определено сроком на один год, однако в дальнейшем он не только

не был аннулирован, но и получил распространение в других губерниях.

С введением 20 июля 1914 г. военной цензуры правила были ужесточены и в местах, находившихся на границе военных действий за проступки в печати стали наказывать запретом на проживание в этих районах или даже ссылкой. Так, Главное тюремное управление составило отчет о прибытии и размещении в Енисейском уезде и в городе Тюмени на поселение партии ссыльных в 300 человек, среди которых несколько журналистов и в том числе редактор польской газеты «Гонец киевский» С. Соколовский [1]. Судьбу этих ссыльных, вероятно, разделили авторы и издатели лодзинской газеты «Neue Lodser Zeitung».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Донесения прокурорского надзора судебных палат и окружных судов РГИА. Ф. 1405. Оп. 530.
2. Марчиняк Петр. Лодзь накануне и в первые месяцы Великой войны (28 июня – 6 декабря 1914 года) // Незабывтое сражение 1914 года. Лодзь – прифронтовой город. М., 2014. С. 6-49.
3. Новое время. 1914. № 13801. 14 (27) августа.
4. Новое время» 1914. № 13871. 23 октября (5 ноября).
5. Полное собрание законов Российской империи. Т. 27. (1907). № 29244.
6. Российский государственный исторический архив (РГВИА). Ф. 2019. Д. 716.
7. Речь. 1914. № 259. 26 сентября.
8. Ставишиньская Анета. Лодзинцы в начале Великой войны // Незабывтое сражение 1914 года. Лодзь – прифронтовой город. М., 2014. С. 81-107.
9. Neue Lodser Zeitung. 1914. № 458. 25 сентября (8 октября).

**PERIODICALS
ACROSS BORDERS
(episode of the initial phase of the First World War)**

Abstract: against the backdrop of cross-border changes caused by the growing pace of the world war, the realisation of long-overdue plans began, and the problems accumulated over a long period of time were aggravated. The article reflects one of the episodes of the initial stage of the war, which received public coverage in the periodical press and caused the military authorities to take action.

Keywords: World War I; Kingdom of Poland; periodicals; "Neue Lodser Zeitung".

REFERENCES

1. Reports of prosecutor's supervision of judicial chambers and district courts. RGIA. F. 1405. Op. 530.
2. Marciniak Piotr. Lodz on the eve and in the first months of the Great War (28 June - 6 December 1914) // Unforgotten Battle of 1914. Łódź - a front-line city. M., 2014. P. 6-49.
3. Novoe Vremya. 1914. № 13801. 14 (27) August.
4. Novoe Vremya. 1914. № 13871. 23 October (5 November).
5. Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. T. 27. (1907). № 29244.
6. Russian State Historical Archive (RGVIA). F. 2019. D. 716.
7. Rech. 1914. № 259. 26 September.
8. Aneta Stawiszynska. Lodzians at the beginning of the Great War // The Unforgotten Battle of 1914. Łódź - a front-line city. M., 2014. P. 81-107.
9. Neue Lodser Zeitung. 1914. № 458. 25 September (8 October).

Сведения об авторе:

Блохин Валерий Федорович, доктор исторических наук,
профессор, зав. кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского,
E-mail: blohin.val@yandex.ru

Blokhin Valery Fedorovich, Doctor of History, Professor,
Head of the Department of Russian History, Bryansk State University
named after Acad. I.G. Petrovsky.

Воронин Г. Г.

(Россия. Брянский государственный университет)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые особенности существования в начале XX в. паспортной системы в России. На примере одной из проблем, связанных с особенностями выезда жителей империи за границу, показана специфика изменений, принесенных новыми военными условиями. В статье также приводятся выдержки из секретной инструкции паспортистам, подготовленной в Департаменте полиции в начале Первой мировой войны.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел Российской империи; Первая мировая война; паспортная система; Департамент полиции.

С началом войны в приграничной системе Российской империи произошли изменения, несмотря на то, что статья 638 основополагающего военного документа под названием «Положение о полевом управлении войск в военное время» гласила: «Границы военных округов на театре военных действий остаются те же, что и в мирное время» [7, с. 86].

Преобразования в структуре военных округов привели к серьезным переменам в местном управлении прифронтовых губерний. Незамедлительно это сказалось и на деятельности Департамента полиции Министерства внутренних дел, в задачи которого вошло решение новых проблем, связанных с активным контролем за лицами «удаляемыми из какой-либо местности в порядке исключительных положений», проверкой и удостоверением личностей, включившихся в миграционный процесс, военнопленными и

беженцами, пополнившими население российских городов и т. д. В этих условиях новое значение приобрела и прошедшая ряд этапов становления в России, паспортная система. Некоторым эпизодам, связанным с ней в канун войны и в первые месяцы, с момента начала военных действий, посвящена эта статья.

В Российской империи ключевая функция паспорта состояла в разрешении на выезд с места постоянного проживания. Этот документ был введен еще Петром I для определения личности человека, его социального положения, вероисповедания. С появлением фотографии описание внешности было заменено на фото владельца паспорта.

Паспорта были бессрочные и срочные. «Бессрочные выдавались на свободное проживание, где пожелают, чиновникам, уволенным со службы, и их вдовам, и дочерям, также казённым воспитанникам училища торгового мореплавания. Срочные паспорта учреждались для всех прочих лиц, куда-либо решивших временно уехать с постоянного места жительства» [5, с. 78].

В Положении о видах на жительство в статье 66 определялось, что «при выдаче паспортных книжек, с лиц, получающих оные, взыскивается единовременно в доход казны: с получающего бессрочную книжку – пятьдесят, а с получающего срочную книжку – двадцать пять копеек» [6, л. 22 об.]. Статья 67 определяла, что сверх единовременного взноса (статья 66), паспортные книжки облагались сбором в доход казны в размере одного рубля. «Сбор сей взыскивается посредством наклейки на книжке особой паспортной марки, не более одного раза в год, при предъявлении книжки владельцем её как для удостоверения личности, так равно и для удостоверения права на отлучку» [6, л. 22 об.].

Статья 70 определяла, что сборы, определенные в статьях 67 и 69, взыскивались независимо от установленных для некоторых местностей сборов за прописку «видов на жительство».

Положение о видах на жительство явилось основой для введения единых паспортных документов на всей территории империи с 1 января 1895 г. Документ не распространялся только на Царство Польское, также входившее в состав Российской империи. В

1903 г. был также принят «Устав и паспортах». В паспорте, помимо фамилии, имени и отчества, даты рождения, обозначалось служебное положение его владельца, документ, на основании которого был выдан паспорт, вероисповедание и отношение к воинской службе.

Для того чтобы покинуть территорию страны, гражданам было необходимо получить в полиции свидетельство об отсутствии законных препятствий к отъезду, первоначально оформить прошение на имя губернатора, а непосредственный контроль и учёт за пересечением границы осуществлялся на таможене.

О степени свободы пользования паспортом для посещения зарубежных стран можно судить по заметке, опубликованной накануне начала мировой войны в газете «Вечернее время». В номере от 30 июня 1914 г., т. е. за двадцать дней до начала военных событий, появилась публикация, на которую обратило внимание Главное управление по делам печати. Критическая по своему смыслу, газетная статья под названием «Квартирный налог и заграничный паспорт» [2] вызвала необходимость подготовки специального доклада министру внутренних дел.

Автор публикации критиковал петроградскую полицию, считавшую неуплату существовавшего тогда квартирного налога поводом к запрещению заграничных поездок в летние месяцы. Эта мера вызывала недовольство со стороны его неисправных плательщиков, они получали в марте квитанцию о необходимости уплаты налога и затем, до октября, а то и до ноября их не беспокоили. Только осенью приходило напоминание о существовавшем долге, который к тому же за это время обрастал пеней. «Многие рассеянные, неаккуратные и просто занятые люди таким образом переплачивают казне, и она, матушка, не брезгует. Следовало бы завести специальных рассыльных, которые в определённые сроки являлись бы на квартиру и получали налог. Но это будет слишком просто и уменьшит число недоимщиков. Без пени – вы должны сами ехать и платить налог; с пеней – к вам на дом придёт околоточный и взыщет» [2].

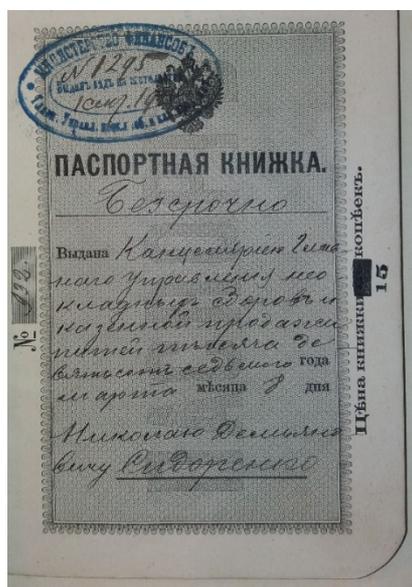
Автор газетной заметки также пытался объяснить «забывчивость» неплательщиков тем, что весна приносила для жителей крупных российских городов множество хлопот – «экзамены, поиски квартир и дач, переезд и т. п.», а летом, обычно, недоимщиков вообще не беспокоили. Однако в случае желания отправиться за пределы государства неуплаченный налог выросал в серьезное препятствие. «По России можно болтаться в любом звании (конечно, политически благонамеренном), ну а за границу – потрудитесь принарядиться» [2].

Полиция обвинялась «в исконном недоверии к обывателю» и боязни, как бы он не сбежал от выполнения налоговой повинности. «Нет человека более подозрительного, как человек с заграничным паспортом вообще. Но без квитанции о внесении квартирного налога он вдвойне подозрителен. Помилуйте, прямой расчёт бросить дом, имение, дачу, лошадей, экипажи, обстановку и экспатрироваться, зажививая таким путём 72 руб. квартирного налога, с соответствующей пенёй. Надо быть форменным идиотом, чтобы не воспользоваться столь счастливым стечением обстоятельств и не провести начальство. Но начальство не глупее нас с вами, оно принимает меры» [2].

Как уже отмечалось, критический настрой газеты вызвал реакцию в Министерстве внутренних дел и в Департаменте полиции 21 августа 1914 г. была подготовлена специальная справка к докладу министру. В справке со ссылкой на статью 167 Устава о паспортах 1903 г., говорилось, что «каждое лицо, желающее получить заграничный паспорт, обязано представить при прошении о выдаче такового свидетельство от местной полиции, удостоверяющее, что никаких законных препятствий к отъезду его нет (статья 165), места же и лица, от коих зависит выдача отъезжающим за границу лицам свидетельств о неимении к тому препятствий, обязаны таковые выдавать, если на отбывающих за границу не поступили в установленном порядке в сии места или к сим лицам по день выдачи означенных свидетельств законные требования со стороны правительственных мест и лиц» [3, л. 5 об.].

В справке также утверждалось, что в делах Департамента полиции не имелось никаких сведений о случаях невыдачи в Петрограде заграничных паспортов недоимщикам квартирного налога. В документе содержалось и заключение о том, что «по смыслу существовавших законоположений, лицам, не уплатившим в установленный срок квартирного налога и оказавшимся в списках недоимщиков, не могут быть выдаваемы свидетельства о неимении законных препятствий к отъезду их за границу, а, следовательно, и заграничные паспорта» [3, л. 6].

Однако затянувшееся разбирательство по существу предъявленных «Вечерним временем» в адрес Департамента полиции претензий, к моменту составления справки для министра внутренних дел утратило свой смысл, поскольку российским правительством в связи с переходом государства на военный режим было решено ограничить выдачу документов, удостоверяющих личность.

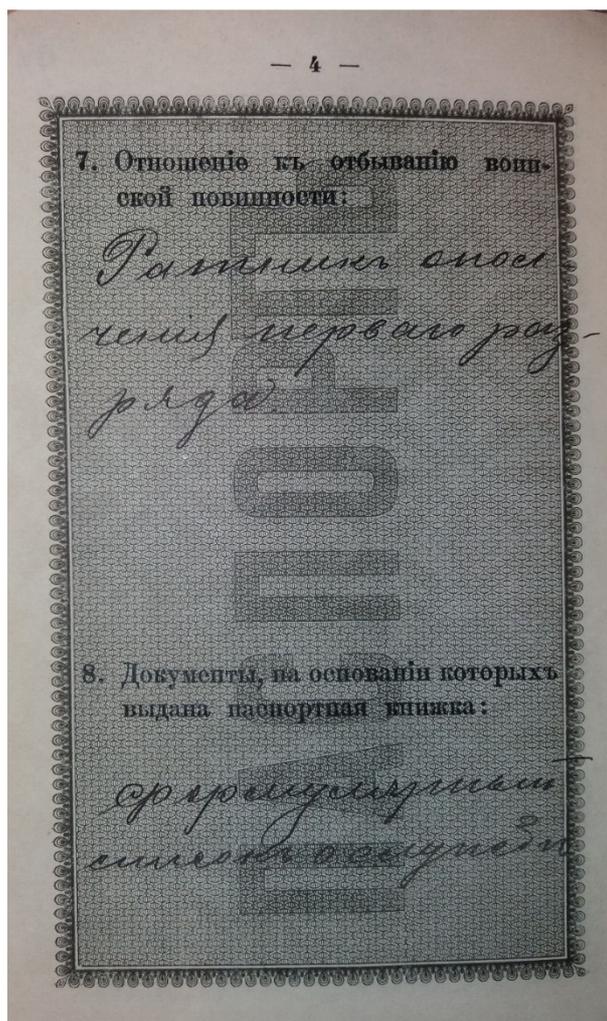
В секретной инструкции для участковых паспортистов петроградской полиции, утверждённой 7 декабря 1914 г. петроградским градоначальником генерал-майором князем Оболенским, в параграфе первом отмечалось, что участковый паспортист, принимая от дворника паспорт в прописку, должен был обращать особое внимание на срочные и бессрочные книжки и тщательно проверять, правильно ли дворником составлен явочный листок, точно ли и ясно сделаны записи, каким учреждением выдан паспорт (указывая волость, уезд, губернию, номер, год, месяц и число выдачи). Необходимо было сличить почерк писавшего паспорт с почерком владельца (не имеет ли он сходство), смотреть, не имеет ли паспорт каких-либо подчисток, обращать внимание на печать, так как часто встречается, что печать переведена с другого паспорта, обратить внимание на подписи должностных лиц, так как при подделке подписи почерк часто является «деланным», т. е. «обведённым с настоящей подписи».

Во втором параграфе содержалось требование в отношении паспортов, в которых паспортистом усмотрен какой-либо недостаток или вообще который вызывал сомнения в его легальности, требовалось составление «явочного листка» с указанием на обороте о замеченных недостатках. Этот листок следовало представить через местного участкового пристава в регистрационный стол Петроградского охранного отделения.

В третьем параграфе отмечалось, что при составлении адресного листка на заподозренное лицо, участковый паспортист должен был твёрдо помнить, что по данным листка регистрационный стол будет делать запросы по месту выдачи документа и постоянного жительства, проверяя таким способом личность прибывшего. Поэтому малейшая неточность в сведениях адресного листка могла повести не только к напрасному вызову в охранное отделение подозреваемого лица, но даже и его аресту.

В параграфе четвёртом заявлялось, что в случае обнаружения нелегальных лиц по листкам, препровожденным в регистрационный стол охранного отделения, паспортисту будет выдаваться

вознаграждение в размере двух рублей за каждое обнаруженное нелегальное лицо [4].

Проблемы, связанные с контролем за передвижением населения в условиях начавшейся войны, «существовали не только на

начальном этапе становления и при неразберихе, возникавшей в период формирования или во время отступления и наступления армии, делавших фронт подвижным» [1, с. 38]. К концу 1915 г., с переходом на позиционную войну, когда наметилась стабилизация фронта, «проблемы первых месяцев войны проявились практически в том же объеме» [1, с. 38].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Блохин В.Ф. Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2019. № 3(61). С. 29-43.
2. Вечернее время. 1914. № 134491. 30 июня.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Д. 2. Оп. 71. 1914. Д. 73. Л. 5 об. По мобилизации. О разных вопросах.
4. Инструкция участковым паспортистам Петроградской полиции. Петроград: типография Штаба отдельного корпуса жандармов, 1914. 5 с.
5. Лучинин А.В. Паспортная система дореволюционной России (исторический обзор) // Вестник Уральского института экономики, управление и права. 2009. Т. 8. № 3. С. 78-81.
6. Российский государственный архив (РГИА). Ф. 575. Оп. 4. Д. 982.
7. Положение о полевом управлении в военное время. СПб.: Воен. тип., 1914. 154 с.

CERTAIN FEATURES PASSPORT SYSTEM IN THE RUSSIAN EMPIRE ON THE EVE AND AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR

Abstract: the article deals with some peculiarities of the passport system in Russia at the beginning of the 20th century. On the example of

one of the problems related to the peculiarities of traveling of the Empire's residents abroad, the specifics of changes brought by the new military conditions are shown. The article also contains excerpts from the secret instruction to passport holders, prepared in the Police Department at the beginning of the First World War.

Keywords: Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire; World War I; passport system; Police Department.

REFERENCES

1. Blokhin V.F. Military censorship of the Minsk Military District and the beginning of the First World War // *New Historical Vestnik*. 2019. № 3(61). P. 29-43.
2. *Vechernye vremya*. 1914. № 134491. June 30.
3. State Archive of the Russian Federation (GA RF). F. 102. D. 2. Op. 71. 1914. D. 73. L. 5 ob. On mobilization. On various issues.
4. Instruction to the district passport holders Petrograd police. Petrograd: Printing Office of the separate corps of gendarmes, 1914. 5 p.
5. Luchinin A.V. Passport system of pre-revolutionary Russia (historical review) // *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*. 2009. T. 8. № 3. P. 78-81.
6. Russian State Archive (RGIA). F. 575. Op. 4. D. 982.
7. Regulations on field management in wartime. St. Petersburg: *Voenn. tip.*, 1914. 154 p.

Сведения об авторе:

Воронин Григорий Григорьевич,
аспирант кафедры отечественной истории Брянского
государственного университета
Grigory Grigorievich Voronin,
Postgraduate student of the Department of Russian History of
Bryansk
state university

УДК 94(47).084.3

Цумарева Е. П.

(Республика Беларусь, Белорусско-Российский университет,
Могилев)

**ИЗ ОТЧЕТОВ ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ
ПО ВОПРОСУ ОБСУЖДЕНИЯ СОЗЫВА
УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ¹**

Аннотация: созыв Учредительного собрания был одной из первоочередных задач как Временного правительства, так и политических элит в период до большевизации власти. Этот политический вопрос в ноябре – декабре 1917 г. стал первостепенным для всех партий, солдат и гражданского населения. С идеей созыва Учредительного собрания многие политические силы связывали возможность обновления для всей России, определения лучшего государственного устройства. Военная цензура, которая продолжала функционировать после закрытия гражданской цензуры, проявила пристальное внимание к данной теме, анализировала мнение солдат, давала оценки широкому обсуждению в прессе данной проблематики. Статья посвящена анализу материалов цензуры о полезных и вредных для общества и государства тенденциях в обсуждении и понимании тематики выборов в Учредительное собрание. В исследовании вопроса ярко прослеживается контекст трансграничья в понимании территорий фронтов в Первой мировой войне и в обсуждении солдатами и офицерами темы Учредительного собрания.

Ключевые слова: Учредительное собрание, военная цензура, трансграничье, армейская газета

¹ Статья написана в рамках НИР «Политические партии и трансформация институтов государственной власти на территории Беларуси в первой трети XX в.» ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (2021–2025), № госрегистрации 20211117.

К теме выборов во Всероссийское Учредительное собрание обращались многие отечественные и зарубежные исследователи. Практически все исследователи обращают внимание, что позиции солдатских масс фронтов отличались, и Северный, Западный фронты, а также Балтийский флот в большей степени поддерживали большевиков и их кандидатов [1, с. 162-163; 2, с. 356-358].

А.А. Воробьев посвятил ряд статей истории изучения выборов во Всероссийское Учредительное собрание на территории Беларуси, рассмотрев аспект трансграничья Беларуси и российских губерний. Историк оценил процесс как первый опыт демократических выборов [3, с. 32].

Н.М. Якупов, в контексте подходов советской историографии, исследовал борьбу большевиков за солдат-избирателей. Полезным является изучение методов и подходов большевиков к революционизированию солдат в Двинском и Минском военных округах, также в других военных округах на территории современных Беларуси, Украины, России, Латвии [4, с. 196-210].

Отметим, однако, что с нашей точки зрения, в исследованиях историков редко анализировались оценки военной цензуры событий и значения подготовки выборов в Учредительное собрание.

В данной статье под Всероссийским Учредительным собранием понимается представительный орган, избранный в ноябре 1917 г. для определения государственного устройства России, попытка реализации идеи народоправства [1, с. 162].

Выборы в Учредительное собрание должны были состояться в назначенный срок, 12 ноября 1917 г., но во многих избирательных участках прошли позже [5, с. 25-26].

Для подготовки к Учредительному собранию в армии были созданы специальные ротные комиссии. Они собирали официальные собрания и поясняли сущность и функции Учредительного собрания, отвечали на вопросы – что такое всеобщее равное прямое и тайное избирательное право? Какое государственное устройство лучше «завести» в России? [6, л. 59]. Отметим, что в процессе подготовки к выборам в Учредительное собрание, в армии усилилась роль прессы и в частности «Армейской газеты».

В исследовании отчетов военной цензуры, нами выявлены основные направления дискуссий в прессе и среди солдат.

Первоначально, по оценкам военной цензуры от 8 ноября 1917 г., вопросам выборов в Учредительное собрание армейская пресса посвящала сравнительно мало материала. Большинство газет ограничились перепечаткой Положения о выборах, небольшими заметками о сроках выборов, разъяснениями выборного механизма. Военные цензоры считали, что качество статей низкое, потому что они не были направлены на «углубление сознательного отношения» избирателя-читателя к «делу выборов» [6, л. 59]. Со временем, военная цензура отметила позитивные изменения – размещение в газетах на «видных местах» призывов к избирателям участвовать в выборах, описание участия в выборах как обязанности гражданина. Эти заметки содействовали успеху избирательной кампании. Только недавно, отмечала цензура к концу ноября 1917 г., начали встречаться в печати ясные вопросы, например, в чем заключается задача Учредительного собрания и той власти, которая им будет организована? Среди наиболее полезных материалов, военная цензура отметила статью в газете «Воин-гражданин» (№ 165). В ней высказано пожелание, чтобы Учредительное собрание решило вопрос об обороне страны. В статье звучал призыв к обществу вести войну «всеми средствами», разложив на всех равномерно ее бремя и окружив заботой армию. Далее газета писала о следующей задаче Учредительного собрания – установить прочный правопорядок, законодательно закрепить «добытые в революции» народные права. От Учредительного собрания ожидали решение вопроса о земле, рабочего вопроса [6, л. 50-52].

Военная цензура дала позитивную оценку просветительской деятельности газеты «Исполкома ополчения Юго-Западного фронта». Она освещала организацию и проведение курсов инструкторов по выборам, где читались лекции по вопросам государственного права и экономики, о политических партиях, о самом Учредительном собрании. Была опубликована статья-лекция А. Легких «О местном самоуправлении». В ней были «доступно и

научно» изложены формы местного устройства, разъяснены взаимоотношения местных и центральных властей. Проведено исследование исторических условий процесса централизации. В результате, для простых солдат стала понятна разница между политической и административной централизацией. После лекций солдат начинал понимать круг «чуждых, но необходимых» понятий о власти [6, л. 50-51].

С точки зрения военной цензуры, в общественном мнении обозначилась также опасная и отрицательная тенденция – от Учредительного собрания утомлённые «войной и внутренней разрухой» солдатские массы ждали «скорого демократического мира». В формировании этого мнения цензура частично обвиняла газеты, которые «слишком много» говорили о мире. По мнению военной цензуры, особенно вредно воздействовал на армию «часто повторявшийся» в печати призыв к «самому активному» влиянию на демократии воюющих стран [6, л. 50-51].

Отдельно цензура исследовала появлявшиеся в печати угрозы сорвать Учредительное собрание в случае, если оно не удовлетворит требований правых и левых партий. Цензура поддерживала призывы в армейских газетах к тем, кто «окажется в меньшинстве», отказаться от срыва Учредительного собрания. Газета «Особой армии» напоминала им, что «воля Учредительного собрания – это воля всего народа». Описан процесс взаимообусловленных событий: кто идет против воли Учредительного собрания, тот «готовит гражданскую войну», в потоках крови которой может «захлебнуться наша свобода» и может создаться господство тех, которые на своих знаменах несут «гнет и произвол одних над другими». Цензура поддерживала мнение, что такие действия противоречили достижениям революции [6, л. 61-63].

Военная цензура отмечала развитие партийной жизни в армии накануне выборов. Опасность виделась в агрессивной тактике левых газет. Например, социалистическая газета «Солдатский вестник» убеждала солдат, что есть только две партии, защищающие «интересы неимущего класса» – партия Социал-демократов и Социал-ре-

волюционеров. Газета агитировала за вступление в эти партии и призывала провести в Учредительное собрание социалистов, голосовать за их списки. По оценке цензуры, ряд армейских газет проводил в статьях «жесткое нападение» на буржуазный класс.

В отчетах цензуры периодически просматривается беспокойство о развитии равнодушного отношения к Учредительному собранию. Это особенно проявлялось в крестьянской массе и характеризовалось недоверием к самому Учредительному собранию как к «подвоху для надувательства темноты народной». Констатировалось, что крестьяне часто разгоняли сельские избирательные комиссии, также армейская печать писала о расширении упадка народного духа [6, л. 61-63].

Отдельную проблему, по мнению армейской прессы, составило выделение отдельных групп общества во время выборов и наделение их особыми правами и возможностями. Например, организация казачьих частей фронта была выделена в отдельную курию. В избирательной кампании в Учредительное собрание они голосовали по кандидатским спискам своих войск. Некоторые газеты писали, что в результате этого среди солдат проявлялось враждебное отношение к высшим казачьим организациям. По мнению газеты «Голос фронта», это распоряжение нарушало работу армейских избирательных комиссий. Также высказано мнение, что казачья верхушка не выражала «интересы остального казачества». Проблема состояла в том, что создание казакам привилегий могло стать прецедентом для других групп в армии и спровоцировать требования от поляков, украинцев, мусульман и др. о выделении в особую избирательную курию. Эти статьи в газетах вызвали критику военной цензуры и высшего воинского начальства, которые посчитали, что таким «откровенным рассмотрением» вопроса газеты «сами наводят тень» [6, л. 61-64].

Обобщенно, ожидания в среде солдат от выборов и деятельности Учредительного собрания можно сформулировать в тезисе: с достоинством выйти из войны, прекратить голод, спасти государственность. Общее настроение было тревожным и выражалось

в тезисе: чем ближе день выборов, тем больше «сжималось сердце» в опасении за него [6, л. 59].

Таким образом, в ноябре-декабре 1917 г. основной темой политической жизни в освещении прессы являлся созыв и функционирование Учредительного собрания.

Военная цензура поддерживала работу лекторов, разъяснявших важную роль Учредительного собрания, статьи о необходимости участия в выборах, ожидания, что Учредительное собрание сконцентрирует ресурсы общества на поддержке армии, защите завоеваний февральской революции.

Анализ отчетов показал, что с выборами в данный представительный орган власти, солдатские массы всех фронтов связывали надежды на стабилизацию политической жизни, решение вызовов, связанных с войной и трудностями положения армии, рабочего и крестьянского вопросов. Достаточно реальной и осознанной была угроза срыва выборов и функционирования Учредительного собрания, опасность развязывания гражданской войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Всероссийское учредительное собрание // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1977. Т. 27. 624 с.

2. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М. : РОССПЭН, 1997. 368 с.

3. Воробьев А.А. Историография выборов в Учредительное собрание на территории Беларуси и соседних российских губерний // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2009. № 2(23). С. 30-34.

4. Якупов Н.М. Борьба за армию в 1917 г. (Деятельность большевиков в прифронтовых округах). М. : Мысль. 1975. 294 с.

5. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. М. : Политиздат, 1957. 640 с.

6. Переписка с комиссарами фронтов и армий о закрытии минской газеты «Звезда» и газеты «Голос X армии» за распространение революционной пропаганды; обзор армейской печати // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 2015. Оп. 1. Д. 40.

Tsumareva E. П.

(Republic of Belarus, Belarusian-Russian University. Mogilev)

**FROM THE REPORTS
OF THE MILITARY CENSOR
ON THE MATTER OF DISCUSSING THE CONVENING
CONSTITUENT ASSEMBLY**

Abstract: Convening the Constituent Assembly was one of the top priorities of both the Provisional Government and political elites in the period before the Bolshevisation of power. This political issue in November-December 1917 became a top priority for all parties, soldiers and civilians. Many political forces associated with the idea of calling a Constituent Assembly the possibility of renewal for the whole of Russia, of defining a better state structure. The military censorship, which continued to function after the closure of the civil censorship, paid close attention to this topic, analysed the opinion of soldiers, and assessed the wide discussion of this issue in the press. The article is devoted to the analysis of censorship materials about useful and harmful for society and the state tendencies in the discussion and understanding of the subject of elections to the Constituent Assembly. The study of the issue vividly traces the context of cross-borderism in the understanding of the territories of the fronts in the First World War and in the discussion of the topic of the Constituent Assembly by soldiers and officers.

Keywords: Constituent Assembly, military censorship, cross-border, army newspaper.

REFERENCES

1. All-Russian Constituent Assembly // The Big Soviet Encyclopaedia: [in 30 vol.] / ed. by A. M. Prokhorov. 3rd ed. M. : Soviet Encyclopaedia, 1977. T. 27. 624 p.
2. Protasov L.G. All-Russian Constituent Assembly: The History of Birth and Death. M. : ROSSPEN, 1997. 368 p.
3. Vorobyev A.A. Historiography of the elections to the Constituent Assembly in Belarus and neighbouring Russian provinces // Spring of Mazyrsk State Pedagogical University in the name of I.P. Shamyakin. 2009. № 2(23). P. 30-34.
4. Yakupov N.M. Struggle for the army in 1917 (Bolshevik activity in the front-line districts). M : Mysl. 1975. 294 p.
5. Decrees of Soviet power. VOL. I. 25 October 1917.- 16 March 1918 / Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee, Institute of History of the Acad. of Sciences of the USSR. M. Politizdat, 1957. 640 p.
6. Correspondence with the commissars of the fronts and armies on the closure of the Minsk newspaper "Zvezda" and the newspaper "Golos X Army" for spreading revolutionary propaganda; review of the army press // Russian State Historical Archive (RGIA). F. 2015. Op.1. D. 40.

Сведения об авторе:

Цумарева Е. П., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины». «Белорусско-Российский университет». Могилев (Республика Беларусь).

Tsumareva E. P., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair "Humanities". "Belarusian-Russian University". Mogilev (Republic of Belarus).

РАЗДЕЛ III
ТРАНСГРАНИЧЬЕ В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВА-
НИЯХ, В ЖИВОПИСИ И АРХИТЕКТУРЕ

Петров П. Е.

(Россия. Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова. Физический факультет)

Пономарёв И. И.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет.
Институт истории)

«КВАНТОВЫЕ МЕТОДЫ»
ИССЛЕДОВАНИЯ РИТМА И ВРЕМЕНИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Аннотация: в статье рассматривается междисциплинарный опыт и практика использования «квантовых методов» исследования в социальных науках. Обозначаются методологические принципы изучения искусства, сочетающие в себе общность подходов квантовой теории в физике с нормами и стандартами современного цифрового искусствознания. Авторы статьи обращают внимание на теоретические аспекты применения «квантовых методов» для понимания и трактовки категорий ритма и времени в художественном произведении

Ключевые слова: квантовые методы в социальных исследованиях, теория многосложности, цифровая гуманитаристика, цифровое искусствознание.

С момента зарождения иконологического метода (А. Варбург, Э. Панофский) – искусствоведение трактует художественные решения как символические формы, заданные манерой автора и художественным характером периода [3, с. 23-25]. Но иконология как подход не всегда действенна при допущениях следующего рода: изменись один элемент в произведении искусства, как бы оно изменилось целиком? Для попытки ответа на подобные вопросы целесообразно рассматривать произведение как «complex system» (в переводе с англ. яз. – сложная, запутанная система) с потенциально непредсказуемым поведением [10, с. 7]. «Complexity theory» (пер. теория многосложности) в междисциплинарных исследованиях рассматривает системы, где элементы одновременно свободны и соподчинены [11, с. 1]. Высшая степень complexity – состояние «между тотальным порядком и полным беспорядком» [11, с. 11]. Из этого состояния выделяются «regularities» (пер. закономерности) – статические эпизоды с закономерной предсказуемой структурой.

Подспорье для применения «complexity theory» – область соотношений мнимых времени и пространства, репрезентуемых в произведении. Если время (как среда развития форм) предстаёт «complex system», то наименьшие отрезки времени обретают смысл «regularities». В свою очередь, повторяющиеся группы «regularities» могут группироваться по простейшим мотивам. В пространственных же искусствах повторяющиеся формальные решения могут выражать как репрезентацию хода времени, так и ритм в пространстве. Поэтому применение вычислительных методов уместно для выделения ритмических областей, но не для оценки того, временной или пространственный характер области имеют.

Для реализации подобного подхода перспективны квантовые методы и математический аппарат, сложившиеся в течении XX века как попытка осмыслить социологические и культурные явления на языке физики. Изначально, аппарат квантовой механики возник в период неклассической физики, который включает в себя первые 85 лет XX века. На рубеже XIX и XX вв. в физике возник кризис, связанный с рядом крупных неразрешенных проблем.

Первая из таких – проблема теплового излучения, которую также принято называть ультрафиолетовой катастрофой. Тепловое излучение было открыто ещё в период классической физики вместе с законом Стефана-Больцмана, законом Вина и законом Рэлея-Джинса, описывающими спектр теплового излучения в разных частотных областях. Но при взятии интеграла по спектру получалась расходимость. Она возникала из-за того, что спектральная плотность неправильно себя ведет в ультрафиолетовой области, поэтому такая расходимость получила название ультрафиолетовой катастрофы в качестве некоей аллегории. В 1900 г. Макс Планк выводит формулу и постоянную, впоследствии получившие его имя. При этом М. Планк ввел и гипотезу, которая никоим образом не укладывалась в рамки классической физики. Она заключалась в том, что при тепловом излучении энергия испускается и поглощается не непрерывно, а отдельными квантами (порциями энергии). Каждая такая порция-квант-имеет энергию, пропорциональную частоте излучения: $E = hf = \hbar\omega$, где f - линейная частота излучения, ω - циклическая частота излучения и $\hbar = h/2\pi$ - постоянная Планка.

Вторая проблема связана с открытием рентгеновского излучения или X-лучей Вильгельмом Рентгеном в 1895 г. Проблема заключалась в том, что открытые им лучи являлись очень необычными с точки зрения классической физики и вызвали массу гипотез относительно их природы. Стоит отметить, что в тот период у ученых было достаточно смутное представление о том, что такое электрон и существует ли он как частица. Однако, в 1897 г. было совершено открытие электрона Джозефом Джоном Томсоном, после которого начинаются исследования поведения электрона. К 1901 г. в ходе исследований Вальтер Кауфман обнаружил, что масса электрона зависит от скорости, что также являлось необычным явлением. Все это повлекло за собой активное обсуждение и привело к возникновению изречения «материя исчезла», которое подразумевает, что материя исчезла как категория.

Следующая проблема, сложившаяся ещё в период классической физики – открытие радиоактивности Антуаном Беккерелем

(1896 г.). Для радиоактивности на тот момент оставался не разрешенным вопрос о происхождении такого значительного количества энергии, так как очень малое количество вещества испускало невообразимое для своих размеров количество энергии. Вышеперечисленные проблемы привели к возникновению понимания, что физика должна измениться, но делать это она начинает постепенно. Этот процесс начинается с создания Альбертом Эйнштейном специальной теорией относительности (СТО). Возникшая теория относительности меняла представления людей, которые жили в тот исторический период, о пространстве и времени, вводя четырехмерное пространство, изменение длины и массы.

В 1909 г. А. Эйнштейн доказывает, что свет одновременно обладает и волновыми и корпускулярными свойствами. Для этого он изучает флуктуацию давления на пластинку, помещенную в полость с излучением, в результате получает два слагаемых, которые являются слагаемыми в том случае, когда свет является непрерывной средой, а с другой стороны, есть часть, когда свет определяется свойствами, показывающими, что он явно состоит из частиц. В 1925 г. Вернер Гейзенберг создает первый вариант квантовой механики. Гейзенберг писал, что при создании матричного варианта квантовой механики он исходил из изучения двух закономерностей: исследования спектральных закономерностей и теорий дисперсии, которых к тому моменту было известно две: теория дисперсии Рудольфа Ланденбурга и теория дисперсии Хендрика Крамерса. Поль Дирак в 1928 г. создает релятивистскую квантовую механику, в этом году предложено было и уравнение Дирака. До 1930 г. появляются элементы квантовой электродинамики. Реально квантовая динамика связана с Ричардом Фейнманом, Джулианом Швингером и другими учеными, возникает в конце 40-х годов XX века. А в 30-е годы на основе квантовой механики возникает квантовая теория твердого тела.

Существует две основные интерпретации квантовой механики. Первым человеком, который создал интерпретацию квантовой механики был Де Бройль. Им было предложено считать, что ре-

альны и волны, и частицы. Другой подход – это копенгагенская интерпретация квантовой механики. В ней утверждается, что физический мир состоит из квантовых (малых) объектов и классических измерительных приборов, а волновая функция описывает изменение квантового состояния объектов, изменение состояния классических измерительных приборов описывается необратимым статистическим процессом измерения характеристик квантовых микрообъектов. Отличия квантовой механики от классической:

1) Измерения осуществляются с некоторой вероятностью. То есть представляется невозможным точно предсказать однозначное появление, например, результата **V** из возможного набора состояний $\{B, C\}$. Можно лишь говорить о том, что результатом измерений системы с состояниями $\{B, C\}$ будет результат **V** лишь с определенной вероятностью, например, 60%. Более того, это значение вероятности будет определяться квадратом амплитуды вероятности: $p_B = |A_B|^2 = (ReA_B)^2 + (ImA_B)^2 = A_B^* A_B$. Здесь p_B – вероятность получить при измерениях системы результат **V**, A_B – амплитуда вероятности при измерениях системы результат **V**, ReA_B – вещественная часть амплитуды вероятности A_B , ImA_B – мнимая часть амплитуды вероятности A_B , A_B^* – комплексно сопряженная A_B величина.

2) Некоторые величины дают при измерении дискретный набор значений.

3) Квантовая система «не собирается» из своих частей (зная всё о первой и о второй подсистемах, мы не обладаем полной информацией о конечной квантовой системе).

Можно предположить, что невозможность предсказать результаты измерений связана с недостатками имеющейся информации, существует доказанная теорема, показывающая, что это не так. Недетерминированность квантовой механики является принципиальным её свойством.

Понятие волновой функции сводится к понятию амплитуды вероятности. Волновая функция дает максимально полное описание квантовой системы, но она задает только лишь амплитуды вероятностей для всевозможных результатов измерений. Мы можем

считать, что аргументами волновой функции являются всевозможные результаты измерений некоторого набора величин (полного набора независимых наблюдаемых), а значения функции задают соответствующие амплитуды. Причем нет необходимости помещать в аргументы функции все возможные величины, надо ограничиться лишь теми, которые одновременно измерены.

Пусть классическая система находится в одном из состояний, нумеруемых параметром x , и нам задано распределение вероятностей, т. е. если x дискретно, то мы знаем вероятность p_x каждого значения от x , а если x непрерывно, то мы знаем плотность вероятности $\rho(x)$, как функцию от x . При этом суммарная вероятность, получаемая суммированием для дискретного x (интегрированием для непрерывного x) вероятности для дискретного x (плотности вероятности для непрерывного x) по всем значениям x равняется единице (помимо промежутка $[-\infty, +\infty]$ для непрерывного x есть некоторый дискретный набор W значений x , для которых вероятности конечны, то к соответствующим интегралам придется добавлять сумму по всему этому дискретному набору W):

$$\int_{-\infty}^{+\infty} \rho(x) dx + \sum_{x \in W} p_x = 1.$$

Разработанный и сложившийся ко второй половине XX в. математический аппарат квантовой физики привел к ряду значимых технологических достижений, изменивших жизнь человека. Первая квантовая революция, как её принято называть, произошла во второй половине XX века и привела к изобретения лазеров, транзисторов, ядерного оружия, мобильной телефонной связи и интернета. Эти изобретения и технологии кардинально подтолкнули развитие технологического прогресса и экспериментальной науки. Технологии первой квантовой революции применяются в компьютерах, мобильных телефонах, планшетах, цифровых камерах, системах связи, светодиодных лампах, МРТ-сканерах и других устройствах. С конца XX в. мир находится на пороге второй квантовой революции. В первой квантовой революции технологии и приборы строились на управлении коллективными квантовыми

явлениями. Во второй квантовой революции технологии будут строиться на способности управлять сложными квантовыми системами на уровне отдельных частиц, например, атомов и фотонов. Технологии, основанные именно на таком высоком уровне контроля над индивидуальными квантовыми объектами, принято объединять термином квантовые технологии. Такие технологии позволят создавать информационные системы с защищенными каналами связи, которые будут устойчивы к взлому и считыванию зашифрованной информации.

Подобный качественный переход математический аппарат и подходы квантовой физики могут помочь совершить и в других областях наук. Как уже упоминалось ранее, недетерминированность квантовой механики является принципиальным её свойством, что позволяет переформулировать её аппарат для создания квантовых методов, которые смогут описывать эволюцию принципиально других более сложных, чем классические, систем. Попытки имплементации аппарата квантовой теории, с практической точки зрения, и выбора используемой «интерпретации квантовой механики» [12], уже с философской точки зрения, приводят к образованию различных, как правило междисциплинарных, групп ученых и центров квантовой философии [9]. Объединяет же подобные организации и группы такой методологический подход, в основе которого для философских систем предполагается, что мир управляется невидимыми, в смысле измерение детектором физической величины, нематериальными фундаментальными природными квантовыми законами, которые могут быть использованы при решении таких антропологических вопросов, как «свобода воли и сознание человека», «идентичность личности», «определение смерти», «начало человеческого бытия», «происхождение человечества» и т. д.

Квантовая теория обозначается как «универсальный аппарат» для преодоления парадоксов, подобно социофизике в XX в. [5]. Но если в «quantum social science» в качестве условного кванта принято рассматривать человека в обществе, то роль кванта при исследовании искусства отво-

дится наименьшему элементу, повторяющемуся в произведении (как объекту). Однозначное существование такого элемента-кванта-несомненно лишь в момент наблюдения за ним (концентрации зрителя на нём).

Для потенциальной связи такого подхода и психологии искусства - важны материалы, где исследуется связь квантовых принципов и функций самоосознания [2, 6]. По аналогии с обратной зависимостью между концентрацией и адаптацией сознания – появляется повод взглянуть на один элемент произведения одновременно как на частицу (самозамкнутое значение) и волну (часть паттерна). Особенности оптики глаза также дают квантовому подходу опору: в зависимости от внимания зрителя элемент либо выделен из прочих, либо лишь гарантирует полноту произведения. При обращении к квантовому методу удаётся трактовать пространственную глубину в работе как меру времени (например, в живописи кубистов обнаруживаются перспективы для подобного анализа, поскольку пространство специально деконструируется художниками; в работах В.М. Диффинэ-Кристи (1918 – 2010), советской художницы-импрессиониста, в зависимости от динамики мазка предмет угадывается постепенно, концентрация на одном образе ослабляет образы другие).

Полезным для подхода представляется принцип «pairwise distance correlation» [13]: если некоторой цели (элементу) отвечает свойство - то между парами свойств и парами целей на постоянной основе существует связь, независимо от расстояний. Если пространственную среду в произведении трактовать как набор (вне)временных позиций - появляется шанс представить произведение как систему ритмических паттернов. Недостатком квантового подхода ко времени-ритму видится неизбежное допущение, будто частота ритма в произведении непременно сгущает время или усложняет структуру пространства: так, исследование простого декоративного узора грозит породить побочные смыслы.

Подход к ритму как к единому возмущению среды, завязанному на повторяющихся отношениях каждого элемента и его свойств, применим в анализе синкретических произведений. Подтверждение тому - опыт сопоставления стихотворных и иллюстративных фрагментов

книг эпохи модерна, когда многими авторами ритм осознанно принимался как стилевое упорядочивающее начало [7, с. 251; 8, с. 318-336]. Сопоставления могут быть нестрогими и неосознанными, но выявляющими целостность авторского замысла.

Заявленный подход примечательно коррелирует и с постмодернистскими дискурсами – в данном случае выявляется и игровой, даже (парадоксально) несколько эмоциональный аспект произведения: так, вспоминается предложенная Ж. Делезом категория «складки», а также определение им юмора – как «соразмерности смысла и нон-сенса», «искусства поверхностей и двойников» [4, с. 189].

Кроме того, принцип «pairwise distance correlation» может целенаправленно использоваться не только в исследовательских, но и в кураторских практиках, особенно если речь заходит о так называемом «большом выставочном проекте» с характерной для подобных проектов мимикрией кураторского под постмодернистский дискурс [1, с. 46].

Так, в ходе выставки «От времени к цвету. Диалог» в Сочинском художественном музее им. Д.Д. Жилинского (16 ноября – 10 декабря 2023 года), куратором которой выступил один из авторов настоящей статьи, предпринималась попытка сопоставить художественные решения поэтических текстов (преимущественно петербургских и московских авторов) и живописных работ Д.А. Вагановой, студентки МГАХИ им. В.И. Сурикова. Нередко и апелляция к зрителю включалась в сложные пространственные комплексы. Конкретным примером могут предстать картина «К сумеркам» и строки к ней С.А. Пачковского, вместе с окружавшим их пространством. Работа находилась в углу зала, у выхода, и ориентирована была перпендикулярно к занавешенному окну поблизости от неё: так что на плоскость холста в солнечные дни падали полосы света, повторяя, имитируя и усиливая изображённые в пейзаже тени на траве. Небо, отсутствовавшее на картине, участвовало в восприятии живописи, пребывая вне живописи – «за гранью»: этот образ являлся и в тексте: «Дым мешает палитру, // небо вводит за грань». Однако над картиной располагалась музейная табличка, ссообщавшая о том, что нельзя прислоняться к стенам, и повешенная по исключительно технической необходимости.

Мнимое пространство в пейзаже, хотя и уходило в глубину, тоже предполагало тему стены – в виде стены деревьев на заднем плане; «даже дружеским фразам не пробить этих стен» – говорилось в стихотворении. При помощи текста и внешней обстановки акцентировалась тема границы-стены, невозможности подлинного мимезиса в живописи, тема неизбежных рисков того, что любое изобразительное произведение рискует быть запертым внутри утилитарных (как плоскости-стены со знаками на ней) или же сугубо миметических, фигуративных трактовок. Собственно, внутренние эффекты живописи дополнялись и раскрывались внешним нарративом, существовавшим за счёт периодических апелляций к образности картины.

В схожем ракурсе уместно рассматривать и иммерсивность во временных искусствах (к примеру, в театральных постановках) – как способ вовлечь зрителя в «*rairwise distance correlation*» произведения. Художественное обращение к данному методу наблюдается и в некоторых современных постановках: в перформансе петербургского музыкально-поэтического «Театра-под-Холмом» «Розенкранц и Гильденстерн в условиях квантовой неопределенности» (реж. А.А. Ринк, по «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Т. Стоппарда) – зрителю непосредственно предлагается определить, какой гранью выпала монета, влияющая на дальнейшую судьбу главных героев. Вместо того, чтобы обращаться к зрителю за тем или иным моральным суждением, актёры предлагают сделать суждение визуальное: предположить, орел или решка выпали на гладко шлифованной и едва заметной монете.

Сама категория наблюдателя, вокруг которой нередко строятся положения теории относительности, также, как и рассмотрение художественного произведения в качестве определённой (скрытой, невыявленной) ритмической последовательности – допускают включение фактора зрителя в изучение-интерпретацию искусства. Здесь предложенный метод обнаруживает связь с семиотическими подходами и научной традицией после «лингвистического поворота» (Р. Барт, К. Леви-Стросс, в отечественной науке Ю.М. Лотман и др.), предполагающими теснейшую связь знака со зрительской рецепцией.

Квантовая интерпретация времени-ритма представляется перспективной для искусствоведческих исследований. Она не исключает личного участия исследователя в разработке материала и, допуская вычислительные методы, не превращает их в единственно приемлемые.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова М.В. *Философия кураторства*. СПб., 2018.
2. Буданов В.Г., Герасимова И.А. Квантовая теория и проблема сознания // *Epistemology & Philosophy of Science*. Т. VI. Вып. 4. М., 2005. С. 204-214.
3. Дажина В.Д. Эрвин Панофский и его книга «Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада» // Панофский Э. *Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада*. СПб., 2006. С. 7-44.
4. Делёз Ж. *Логика смысла* / Пер. Фуко М.Д. Екатеринбург., 1998.
5. Петров П.Е., Лаптев А.Ю., Петров Е.В. Методы квантовой теории в общественных науках (Quantum Social Science) // И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. (Отв. ред.). *Материалы Международного молодёжного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021»*. М., 2021.
6. Плохова М. Квантовая механика, творчество и внутренний опыт // *Epistemology & Philosophy of Science*. Т. VI. Вып. 4. М., 2005. С. 214-222.
7. Сарабьянов Д.В. *Стиль Модерн*. М., 2001.
8. Сахно И.М. *Livre d'artist* как изовербальный текст символистской культуры // Сост. Ариас-Вихиль М.А., Лукичева К.Л., Светлов И.Е. *Эпоха символизма. Встреча литературы и искусства*. М., 2016.
9. Center for Quantum Philosophy of Institute for Interdisciplinary Studies. URL: <https://iis-edu.org/center-for-quantum-philosophy/>
10. Galanter Ph. *What is Generative Art? Complexity Theory as a Context for Art Theory*. New York., 2003.
11. Gell-Mann M. *What Is Complexity?* // Curzio A.Q., Fortis

M. (eds). Complexity and Industrial Clusters. Contributions to Economics. 2002.

12. Myrvold W. Philosophical Issues in Quantum Theory // Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2022.

13. Yazdani M., Chow J., Manovich L. Quantifying the development of user-generated art during 2001–2010 // PLoS One. Iss. 12 (8). 2017.

*Petrov P. E.,
Ponomarev I. I.*

**"QUANTUM METHODS"
RHYTHM AND TIME STUDIES
IN A WORK OF FICTION**

Abstract: The article discusses the interdisciplinary experience and practice of using quantum research methods in the social sciences. The methodological principles of art study are indicated, combining the commonality of approaches of quantum theory in physics with the digital art history norms and standards. The authors of the article pay attention to the theoretical aspects of the application of quantum methods for understanding and interpreting the categories of rhythm and time in a art work.

Keywords: quantum social science, complexity theory, digital art history, regularities.

Сведения об авторах:***Петров П. Е.,***Аспирант Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова. Физический факультет***Пономарёв И. И.***Студент Санкт-Петербургского государственного
университета. Институт истории.E-mail: ilypon@mail.ru**Petrov P.E.,**Postgraduate student of the Lomonosov Moscow State Univer-
sity. Department of Physics**Ponomarev I. I.**Student of St. Petersburg State
St. Petersburg State University. Institute of History.E-mail: ilypon@mail.ru

Вотинцева П. Д.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет.
Институт истории. Факультет истории искусств)

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОСОВ
В ИСКУССТВЕ ФРАНЦИИ XIX ВЕКА
НА ПРИМЕРЕ ЯВЛЕНИЯ LA TÊTE D'EXPRESSION**

Аннотация: в статье рассматривается репрезентация этносов в искусстве Франции XIX века на примере феномена la tête d'expression. Освещаются портретные этюды иностранцев. Выделяется проблема отсутствия распространённой информации об иностранных моделях, позировавших французским художникам. Рассматривается проблема укрепления расистских паттернов изображения африканских натурщиков.

Ключевые слова: искусство, Франция, XIX век, ориентализм, этюды.

В XIX веке французские художники все чаще приглашают в качестве моделей людей различных национальностей: итальянцев, бельгийцев, евреев, цыган, африканцев [1, с. 79]. Это связано прежде всего с запретом рабства во Франции в 1848 году, так как после этого освобожденные рабы нуждались в заработке и часто шли в модели. К тому же в это время такое течение, как ориентализм набирает популярность в искусстве. Поэтому иностранные модели были довольно востребованы, ведь после походов Наполеона Бонапарта в Египет еще с конца XVIII, интерес европейцев к востоку заметно возрос. До этого в европейском искусстве изображались в основном, непосредственно, сами европейцы. Впоследствии французским правительством был даже учрежден специальный грант для художников, выдававшийся на год работы вне страны, что подталкивало живописцев и скульпторов отправляться на Восток и черпать там новые идеи для своих произведений [2]. Те же, кто не имели возможности отправиться в путешествие, активно пользовались услугами моделей. Ориенталисты

стремились передать традиции восточных стран, однако в их работах было мало достоверности. Совершенно не передавались физиологические особенности героев другой национальности. Можно сказать, что тематика Востока использовалась больше в качестве декорации. Этим объясняются такие яркие и в основном праздничные образы восточных людей, представленные на полотнах ориенталистов. В то же время, многие художники обращались к теме Востока, лишь чтобы изобразить обнаженные натуры и поработать с пестрыми красками, так как с обычными европейскими героями такой сюжет мог вызвать большое количество осуждения.

Вместе с тем, в начале XIX века в Европе произошел промышленный переворот, поэтому в столицы и крупные центры более развитых стран, таких как Франция, люди мигрировали из разных государств, что также вызвало увеличение интереса к иностранцам.

Сохранилось множество учебных работ, так называемых *la tête d'expression*, или *la tête d'étude*, – этюды портретов [3]. Казалось бы, факт увеличения репрезентации моделей различных национальностей в искусстве показывает прогресс и развитие общества, но, к сожалению, эта ситуация неоднозначна. Во многих случаях не сохранилось даже имен тех, кто позировал, в то время как есть информация об авторе произведения и мастерской, где оно было сделано. В каком-то смысле это неудивительно: имена моделей обычно опускались в публичных или официальных записях в XIX веке. В Школе изящных искусств хранятся многочисленные рисунки, созданные для ежегодных конкурсов, включая *Prix de Rome*. Имена студентов, выполнивших работы, записаны вместе с личностями профессоров, у которых они учились, однако имена моделей отсутствуют. Работая в своих собственных студиях, художники могли записывать имена моделей, которые им позировали на полях рисунков, на стенах их ателье или в списках, которыми они делились с другими художниками, но они редко называли имена своих моделей, когда писали мемуары [4, с. 65-71].

Таким образом, портреты африканских моделей были работами, передававшими не личность и характер изображаемого, а

лишь его экзотический образ «другого», или имели чисто на этнографический характер. В первом случае закрепляется структурный расизм во французском обществе из-за вырабатываемых художественных паттернов изображения африканцев. При втором же варианте возникает вопрос, насколько подобный этюд можно считать произведением искусства или это все же научная работа, не имеющая собственной художественной ценности.

Многие исследователи сейчас занимаются изучением личностей африканских моделей XIX века и их роли в искусстве Франции того времени. В последние годы предпринимаются усилия по деколонизации и децентрализации дисциплины истории искусств и к тому, чтобы сместить внимание с традиционного акцента в основном на художниках-европейцах и меценатах, что способствует росту числа ученых, стремящихся назвать имена лиц чернокожих моделей в рамках представлений девятнадцатого века [5]. Целью исследования является освещение явления *la tête d'expression* на примере работ с африканскими моделями и анализ их художественного значения.

Проследить историю моделей любого происхождения не просто, но имя Салема появляется регулярно в анналах парижских студий с конца второй четверти XIX века, указывая на то, что он позировал в различных ателье, в том числе в высших учебных заведениях и частных училищах, а также в мастерских отдельных художников. Салем выступал в качестве модели для Густава Буланже (1824–1888), так что он вполне мог позировать для знаменитого рисунка красным карандашом, известного как «Этюд человека в тюрбане и набедренной повязке», хранящемся сейчас в коллекции Музея изобразительных искусств в Бостоне [6]. Работа послужила подготовительным исследованием для картины «Аппиева дорога во времена Августа», выставленной на Салоне 1874 года.

Салем ассоциировался с особым местом в Африке – Томбукту. Будучи солдатом Африканской армии, он, скорее всего, происходил из Северной Африки, а не из региона современного Мали, где расположен Томбукту. Но как псевдоним титул «Принц

Томбукту» служил для того, чтобы отличать его от других чернокожих моделей [1]. Подобные псевдонимы не были чем-то необычным в парижском модельном сообществе. Во времена Июльской монархии модель Кадамур (дата рождения неизвестна – 1846 год) называл себя «королем моделей» и напечатал открытку с этим названием для распространения среди художников. Томас Боковски (годы жизни неизвестны) был широко известен в студиях как Томас л'Оурс, потому что, когда он не работал моделью, он дрался с медведями в интермедии (l'ours в переводе с французского означает медведь). Вымышленное имя натурщика Бамбула (на сегодняшний день годы жизни модели неизвестны), вероятно, появилось из-за его выступлений на ринге, где это имя использовалось несколькими борцами, хотя оно вызывало уничижительные расистские ассоциации [7].

Некоторые модели были известны своим происхождением: Бржозомовский (годы жизни неизвестны), который позировал Жаку-Уоллеру (1748-1825 годы), выпускнику Школы изящных искусств, был известен как Полоне (polonais в переводе с французского означает поляк), поскольку французам было очень трудно произносить его имя [8]. Был ли псевдоним Салема придуман им самим или его присвоило ему художественное сообщество точно неизвестно. Утверждение Салема о том, что он родом из Томбукту, казалось бы, правдоподобным, поскольку колониальная империя Франции распространялась на Западную Африку, хотя в то время город не находился под французским контролем. Не менее важно и то, что Томбукту вызвал резонанс у французов. Рассказы об этом городе, как о месте сказочного богатства и исламской учености появились после публикации в 1550 году книги Лео Африкана «Описание Африки» и сделали его центром последующих исследований европейцев на континенте. Миссия Рене Кайе наконец добралась до этого города в 1828–1830 годах, но стало известно, что это был всего лишь заброшенный форпост. Пока французская армия не взяла его под свой контроль в 1894 году, Томбукту был известен в основном своей удаленностью [1].

Как уже было сказано ранее, интерес к Востоку и его коренному населению начался благодаря походам Наполеона Бонапарта 1798–1801 годов. Поэтому можно сделать вывод, что сюжеты ориенталистов не ограничивались лишь изображениями восточных людей в их традиционном костюме в обычной обстановке. Конечно же, тема военных баталий была очень актуальна в это время. В связи с этим часто выполнялись этюды иностранцев в военной форме. Одним из специализирующихся на этой тематике в живописи был художник Исидор Пилс. В прежние десятилетия художники подчеркивали героизм офицеров, в изображениях сражений проявлялись романтические черты, а солдаты выступали на полотнах скорее общей массой. Во время же Второй империи живописцы все больше стремились обратиться к реалиям современных им баталий, показать бой более детализировано.

Солдаты по-прежнему не были главным смысловым центром произведения, ярче изображались командующие войсками, но они занимали более заметное место в композициях. Воюющие были представлены как отдельные личности и активные участники битвы, и детальная передача художниками их телосложения и лиц наглядно продемонстрировала парижским зрителям реалии боевых действий. Как выразился Теофиль Готье (1811–1872 года), рецензируя работы Пилса: «Он вкладывает душу в их форму и наделяет каждого из них характером. Его головы не являются, как принято говорить, *tête de chic* (шаблонными или стереотипными головами); они отражают человеческую индивидуальность, сохраняя при этом военный стиль» [9]. Для художников присутствие африканских солдат, которые были готовы позировать, должно быть, было важным ресурсом, который придавал аутентичность сценам боя на Востоке, ведь в состав военных сил впервые вошли французские колониальные подданные. Для моделей же, чьи лица были изображены на картинах, позирование дало бы возможность заработать.

Стоит также подчеркнуть, что африканские персонажи часто участвуют в произведениях с определенной иконографией – нагой образ с набедренной повязкой. Художники часто обращались к этому образу, так как для них это была возможность поработать с

обнаженной натурой. На подобных этюдах живописцы учились правильно писать анатомию человеческого тела, что позже помогло им при создании любых изображений людей, как одетых, так и нагих. Это, в свою очередь, укрепляло в обществе представление об африканцах, как о порабощенных слугах [10].

Подводя итог, можно сказать, что феномен *la tête d'expression* наглядно демонстрирует отношение общества во Франции XIX века к различным национальностям. Это явление не имеет однозначного характера. С одной стороны, благодаря нему в искусстве появляется большее разнообразие образов людей, что способствует развитию общества и постепенному приходу к мысли о равенстве людей независимо от их национальности. С другой стороны, эти этюды, наоборот, закрепляли стереотип о порабощенных и приниженных людях других национальностей в сознании общества, что, в свою очередь, укрепляло расовое неравенство.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Waller S. Salem, the Prince of Tombouctou: A North African Model in Nineteenth-Century Paris // *Nineteenth-Century Art Worldwide* 21, no. 3. 2022. P. 79-113.
2. Roger B. *Orientalist Aesthetics: Art, Colonialism, and French North Africa, 1880–1930*. University of California Press, 2003. P.11.
3. Honour H. *Studies // The Image of the Black in Western Art*, vol. 4. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012. P. 11-16.
4. Erica C. Hirshler, *John Singer Sargent: Academician // Boston's Apollo: Thomas McKeller and John Singer Sargent*. Boston: Isabella Stewart Gardner Museum, 2020. P. 63-81.
5. Murrell D. *Posing Modernity: The Black Model from Manet and Matisse to Today*. Yale University Press, 2018. 224 p.
6. Сайт Музея изобразительных искусств в Бостоне. [Электронный ресурс]. URL: [Study of Man in Turban and Loincloth – Results – Advanced Search Objects – Museum of Fine Arts, Boston](#)

7. Debray C., Guégan S. Les Modèles noirs dans le Paris du XIXe siècle du début du XXe siècle // Le Modèle noir: De Géricault à Matisse. – Paris: Musée d’Orsay; Flammarion, 2019. P. 194-210.

8. Plon E. Virmaître Paris-Palette and Bertall, La Vigne, voyage autour des vins de France // Étude physiologique, anecdotique, historique, humoristique et même scientifique. Paris, 1878. P. 46-55 and P. 83-84.

9. Thoma J. The Final Spectacle: Military Painting under the Second Empire, 1855–1867. Berlin: De Gruyter, 2019. P. 221.

10. Brumbaugh T. B. The Genius of America: Adolphe Yvon’s Remarkable Picture. // Southeastern College Art Conference Review. 1986.11, no.1. P. 9-13.

Volintseva Polina Denisovna
plnvotinceva@gmail.com

**REPRESENTATION OF ETHNIC GROUPS
IN FRENCH ART OF THE NINETEENTH CENTURY
ON THE EXAMPLE OF THE PHENOMENON
LA TÊTE D’EXPRESSION**

Abstract: the article deals with the representation of ethnic groups in the art of France of the 19th century on the example of the phenomenon of la tête d'expression. Portrait studies of foreigners are highlighted. The problem of lack of widespread information about foreign models who posed for French artists is highlighted. The problem of reinforcing racist patterns of depicting African models is considered.

Keywords: art, France, XIX century, Orientalism, sketches.

Святкина А. А.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет. Институт истории)

ПАРАМЕТРИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ЗАХИ ХАДИД НА ПРИМЕРЕ DOMINION TOWER

Аннотация: параметризм – направление в архитектуре, претендующий на то, чтобы стать главным стилем новой цифровой эпохи. Параметризм предполагает максимальную обтекаемость, динамику в оформлении зданий и важность общественных пространств. Заха Хадид – одна из главных представителей этого направления. В данной статье будет рассмотрено, как она применяет принципы параметризма в Dominion Tower – бизнес-центре в Москве.

Ключевые слова: архитектура, параметризм, Заха Хадид.

С течением времени Заха Хадид, начавшая свою карьеру с деконструктивизма, присоединилась к иному направлению в искусстве архитектуры, к которому написал манифест её соратник Патрик Шумахер. Стил – это всеобщее явление, которое распространяется на все виды искусства, но зачастую причина их формирования стоит за пределами искусства: в социально-экономических изменениях общества. Нынешняя эпоха – постиндустриальная. Индустриальное общество развилось в иное, отказавшись от стандартизации и от массового потребления. Нынешнее общество берёт как свою основную ценность не производство товаров, а информацию и компьютерные технологии, которые постоянно меняются и развиваются, и эпоха требует того же от человека: человек постиндустриального общества должен быть гибким в выборе профессии при постоянной роботизации и замене человеческого труда технологиями, должен существовать не как атом, но постоянно совершенствоваться в «слабых связях», ведь в них – сила.

Технологии развились и позволяют теперь делать архитектуру любой – мы это видели на примере деконструктивистов, которые теперь могли делать свои здания, невзирая на капризы материала. Но главное, что появилось только теперь – это компьютерное моделирование, которое и позволяет бюро Захи Хадид делать свои проекты максимально обтекаемыми. Программы для моделирования, задание параметров, математических функций и алгоритмов, гибкость полученных форм, а самое главное, видение гуманистической ценности в этой гибкости – всё это делает архитектуру такой, какую мы её сейчас видим. И эта архитектура названа Патриком Шумахером «параметрической». Патрик Шумахер считает нужным параметрически связать все архитектурные элементы, чтобы сделать итоговый проект абсолютно гибким. Это изменяет само представление об архитектуре – архитекторам теперь не обязательно в детстве играть с кубиками, а можно давать им и пластилин, потому что вместо композиций из простых геометрических фигур – прямоугольников, кругов и прямых линий – возникают «динамические системы», которые могут создавать впечатление жидкости или струящейся ткани.

В этой статье мы рассмотрим реализацию принципов параметризма в Dominion Tower.

Dominion Tower – это офисный центр, высотой в семь этажей, который находится на юго-востоке Москвы в районе Южнопортовый на улице Шарикоподшипниковская. Южнопортовый является промышленным районом, в котором преобладает стандартная советская застройка. Вокруг бизнес-центра располагаются преимущественно типичные для этого района здания из блоков, кирпича и бетона, коричневых, серых или серо-коричневых оттенков, что ожидаемо и даже привычно для глаза прохожих.

Так как бизнес-центр не является высоткой, он не манит издалека и, подходя к его местоположению, его не сразу можно заметить за деревьями, особенно если не искать глазами. Будь здание выше, оно бы значительно выделялось на фоне окружающей застройки и выглядело бы почти инопланетным. Но с данной этажностью он гармонично вписывается в окружающую среду, не

нарушает «высотную целостность». Хадид удалось учесть особенности района: высотное здание выглядело бы здесь не совсем уместно и нарушило бы контекст.

Если говорить о дате возведения, это не единственное современное здание в районе: проезжая мимо можно увидеть много явно недавно построенных облицованных сайдингом построек, даже небоскребов, но они, конечно, не так привлекают внимание и интересны с архитектурной точки зрения – они статичны. В своём месте расположения Dominion Tower так или иначе зовёт взглянуть на себя. Он встаёт разворачивающейся космической машиной в зелёном окружении. Кроме него здесь больше не за что зацепиться глазу, взгляд просто скользит по плоским фасадам, пока не попадёт в динамический вихрь бизнес-центра. И поэтому он так ярко выделяется: напротив него стоит жилой дом, как бы выглядывающий из-за деревьев на опустившегося на землю Южнопортового района и пересобирающегося трансформера.

Таким образом, Dominion Tower не нарушает сложившуюся архитектурную экосистему, но всё же не сливается со средой, а является её как бы ударной точкой.

Dominion Tower выглядит как кубического объёма постройка, что говорит о возможности осуществления кругового обхода, который требует и само здание – своей формой несобранной головоломки, которая никогда не соберётся, а будет только усложняться и расти с каждым прокручиванием механизма.

Этот куб составлен из горизонтально сложенных и смещённых относительно друг друга пластин глянцевого белого цвета, по которым идёт ленточное остекление контрастного тёмно-синего цвета. Форма стёкол неоднородная – они то сужаются на поверхности фасада, по очереди начиная стекать сверху и подниматься снизу, и переходят из широкой полосы в более узкую, то просто прижимаются к поверхности карниза, внезапно провисая и становясь шире, но тут же собираясь обратно.

Интересно чередование поверхностей – тёмные плоскости окон сменяются белыми фасадами, что создаёт тройной ритм: это

пульсирование одновременно материала, цвета и глубины, что даёт зданию ещё больше динамики.

Заха Хадид часто прибегает к принципам конструктивистов. Здесь в Dominion Tower это членение объёмов на повторяющиеся элементы, которые создают чёткий ритм и мощную динамику выступами и нишами, окнами и карнизами, а также светотенью от этих выступов. Тот же самый принцип организации объёмов был у Малевича в его архитектонах.

Сам Dominion Tower – его тектонические плиты, съезжающие друг с друга, показывают сдвиг, изменение, разлом. И это здание вносит изменение и разлом в сложившуюся застройку, реорганизуя собой пространство.

Эти тектонические плиты, нависая друг над другом, изгибаясь, создают ощущение непредсказуемости – невозможно сказать, какое движение нас ждёт на следующем этаже или как поведут себя эти плиты на другом фасаде. Будет ли в этом месте прямой угол или он будет срезан вогнутой линией, или может вообще на этом месте образуется теневое углубление из-за перепадов объёмов. Здесь создаётся совершенно барочная, по Вёльфлину, живописность, неясность и неуловимость, но сила которой не в тихой тайне, а в динамике и неожиданной траектории движения. Здесь нет предсказуемых строгих читаемых геометрических фигур.

Стоит сказать и про лестницы на улице. Они выполнены в сером цвете, и как будто вытекают из-под Dominion Tower, наслаивая каждую новую ступеньку поверх предыдущей. Со стороны улицы лестница для входа в здание уходит вглубь, в тень под здание, что тоже даёт барочное ощущение втягивания в пространство и некоей тайны.

Эти плиты не воспринимаются отдельно – они единый организм, потому что переходы между ними выполнены кривыми плавными линиями, и они, несмотря на свою самостоятельность в развитии, связаны друг с другом, и собственной в каждом пласте движением усиливают движение соседних плит.

Это отражает ключевые принципы архитектуры параметризма. Вместо использования прямых линий для разделения и организации пространства, параметризм предлагает концепцию непрерывного и текучего пространства. Здесь переходы между пластами происходят плавно, и они постепенно переходят друг в друга, создавая между гибкие границы.

Символика сдвига тектонических плит означает не просто архитектурный разлом – также это и сдвиг сознания, то есть смена парадигм о том, как должен функционировать мир со сменой эпохи с индустриальной на постиндустриальное. Это цифровое общество требует гибкости и нетворкинга, что и отражено в архитектуре.

Другое стоит сказать про символику цвета. Хадид вообще в своих работах редко использует какие-то яркие цвета, ограничиваясь чёрным и белым, а также цветами природных материалов – стали, дерева и др. Здесь это придаёт бизнес-центру особое впечатление, этот дуализм базового цвета позволяет ни на что не отвлекаться, прочувствовать зов пространства и динамику линий, которые втягивают в игру объёмов и дают такой лаконичностью получить максимальное впечатление от игры объёмов, потому что глазу некуда отвлекаться. Наше зрение концентрируется на линии и её движении. В итоге получается такая живописная архитектурная графика.

Главный вход в здание находится не по центру, а в углу, создавая диагональ уже на моменте входа в Dominion Tower, несмотря на то что такое направление движения не читается снаружи.

Внутри вошедшего встречает большое единое на все семь этажей пространство центрального атриума. Он поднимается через все уровни здания. На каждом этаже расположены балконы, спроектированные с учетом смещения консолей здания, а также с каждого этажа спускаются лестницы, проходящие через центральное пространство атриума. На первом этаже атриум соединяется с рестораном, открытой террасой и выходом на улицу. В здании также предусмотрены кафе, снэк-бары и зоны отдыха на балконах, что превращает атриум в общую зону для взаимодействия сотрудников разных компаний. Такая интеграция способствует сотруд-

ничеству между различными фирмами, независимо от их специализации. Для многих стартапов в IT и креативных индустриях такая коллективная среда, постоянный нетворкинг являются ключевыми для развития.

Офисные помещения организованы как стандартные прямолинейные боксы, что позволяет гибко адаптировать пространство под нужды как небольших, так и крупных компаний. На периферии атриума размещены лифты, пожарные выходы, туалеты и вспомогательные шахты, которые обеспечивают необходимый уровень приватности для офисов, но при этом между ними остается пространство, позволяющее свету проникать в офисные зоны из атриума. Эти инженерные шахты и стояки вокруг атриума, а также дополнительная колоннада у внешней оболочки здания создают центральную структуру. В некоторых местах колонны заменены на несущие балки, что позволяет увеличить площадь напольного пространства для крупных арендаторов или общественных программ.

При этом можно заметить отсутствие смыслового и стилистического разграничения между интерьером и экстерьером Dominion Tower. Читается та же динамика, движение от направленных линий лестниц, этажей, и монохромной чистоты, но теперь это движение не внутри уровней, которые трансформируются в горизонтальной плоскости, а с изменённым вектором – оно диагональное, оно усиливается, этот внутренний вихрь в теперь сквозной через всё свободное пространство атриума, захватывает в себя всех, кто есть рядом.

Как считает Шумахер, план зданий в параметризме перестаёт быть замкнутым и жестким массивом вложенных блоков, но реализуется как поле с центробежными силами, которое является чрезвычайно проницаемым, разнообразным, но все же упорядоченным через направленное и прогрессивное расширение всех фрагментов по отношению к предполагаемой исходной точке взрыва. Это мы видим реализованным в атриуме.

Часть крыши Dominion Tower над атриумом прозрачная – она выполнена из стекла. Это, во-первых, даёт этому пространству

максимум природного солнечного освещения, и Хадид не использует в атриуме большие мощные источники освещения – помогают с освещением закарнизные люминесцентные лампы, которые к тому же вторят архитектурным формам (лестницам, самим перилам, ограничивающим атриум) и, соответственно, усиливают линии движения, создают ещё больше динамики.

Но стеклянная крыша над атриумом имеет и другую функцию – она добавляет в эту монохромную яркой голубой цвет неба, и, если учитывать, что расположена она прямо над общественным пространством и лестницами, это сразу рождает ряд архитектурных метафор про важность совместной работы для достижения светлого будущего, про трудность пути к чему-то хорошему.

Можно сказать, что здесь в архитектура отражаются представления о том, как должна работать реальность – то есть большой общий атриум, задуманный как пространство для разворачивания новых связей, говорит о необходимости какой-то связи, общения при городской атомизации и разобщённости, которой способствовала индустриализация. При этом Южнопортовый – район исторически промышленный, и даже сама улица Шарикоподшипниковская относится к заводу. Такие пространства помогают разрушить сегрегацию среды и помогают выстроить прочные связи – так Хадид связывает бизнес-центр ИТ с промышленностью.

Это, если вспомнить заявления Патрика Шумахера, отражение тенденций всего человечества на гибкость и полную связанность. Больше это не работа отдельных цехов, которые, производя детали к одному механизму, могут, тем не менее, никогда друг с другом напрямую не взаимодействовать. Цифровая эпоха уже другая, её основа – это постоянный нетворкинг, и об это говорит даже сам принцип интернета, принцип гиперссылок, где ты из одного места можешь дойти до совершенно другого, потому что всё связано. И эта связь и есть большая ценность, самая большая для нашей эпохи, что и отражено в Dominion Tower. Глобализация затрагивает как всю планету, так и архитектуру одной постройки на юго-востоке Москвы.

Это – и есть параметризм.

По словам Шумахера, «социальная функциональность встроенной среды содержится в ее коммуникативном потенциале», и с этой задачей атриум как раз отлично справляется.

Социальное расслоение размывается в этом общественном пространстве за счёт его доступности и распространённости на все этажи, а также за счёт расположения офисов вокруг него, что добавляет пространству демократичности – тоже одной из важных ценностей цифрового общества.

Хадид гораздо более известна своими постройками, которые имеют какую-то гуманитарную функцию – жилыми кварталами, культурными центрами, спортивными комплексами, тогда как бизнес-центров среди её построек меньше, и они не так визуально узнаваемы.

Если сравнивать Dominion Tower с другими проектами бюро Хадид, построенными для развития бизнеса, мы увидим несколько особенностей.

Во-первых, Dominion Tower достаточно маленький бизнес-центр. Согласно информации из книги «Архитекторы нового времени. Заха Хадид», его площадь составляет примерно 21 тыс. кв. м., тогда как комплекс «Тондэмун Дизайн-Плаза» занимает 86,5 тыс. кв. м. пространства, Wangjing SOHO – 521 кв. м., примерно столько же и Sky Soho.

Это говорит о том, что Dominion Tower отведён более скромной задаче – просто интегрировать новые идеи в имеющуюся среду, тогда как другие её проекты для бизнеса полностью подчиняют себе пространство и становятся доминантой, которую невозможно игнорировать и от которой теперь будут отталкиваться, принимая во внимание, все последующие архитекторы.

Остальные, приведённые нами в пример бизнес-центры также решены совсем иначе – если убрать выступающие консоли, Dominion Tower представляет собой по факту кубический объём, тогда как все остальные здания являются более сложными формами, которые трудно, если не невозможно, будет описать, опираясь на простые геометрические формы.

Однако в чём-то схожесть присутствует – это в любви к общественным пространствам, которые есть в каждом из перечисленных нами объекте, это текучесть и изменение в основе архитектуры, это открытость архитектуры к естественному дневному освещению.

То есть, можно говорить о том, что, несмотря на то что Dominion Tower явно не самый масштабный проект архитектора, Заха Хадид отразила в нём важные ей архитектурные принципы и свою философию.

Dominion Tower – единственный на сегодняшний день доступный к осмотру на территории России памятник архитектуры Захи Хадид. Его трудно назвать самым выдающимся её сооружением, однако она полностью отразила в нём все принципы параметрической архитектуры и важные для информационной эпохи ценности – гибкость, связность всего со всем и открытость к коммуникации.

Dominion Tower является очень яркой, динамичной, интересной постройкой, при это работающей не просто как бизнес-пространство, но нацеленное всем своим существованием на формирование вокруг и внутри себя нового общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Быкова Г.И., Гнатюк Е.А., Виноградова А.А. Взаимоотношение советского авангарда и современной архитектуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimootnoshenie-sovetskogo-avangarda-i-sovremennoy-arhitektury> (дата обращения:

2. Геташвили Н.В. Заха Мохаммад Хадид. М., 2016. Заха Хадид. Архитектура нового времени / под ред. Р. Фасхутдинова. М., 2019.

Измайлова А. Доминион на Шарикоподшипниковской: детали. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archi.ru/russia/86627/dominion-na-sharikopodshipnikovskoi> (дата обращения: 31.08.2024).

Нардышин Н.М. Параметризм как стиль в архитектурном дизайне. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/parametrizm-kak-stil-v-arhitekturnom-dizayne/viewer> (дата обращения: 31.08.2024).
Ревзин Г. Деконструкция органического. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.projectclas->

Patrik Schumacher. Formalism and Formal Research. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://patrikschumacher.com/formalism-and-formal-research/> (дата обращения: 31.08.2024).
Wojciech Dulinski. Dominion Tower Building in Moscow as an example of local architectural intervention into existing urban tissue. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psjd.icm.edu.pl/psjd/element/bwmeta1.element.oai-journals-pan-pl-118385/c/oai-journals-pan-pl-118385_full-text_2020-01-TEKA-05-Dulinski.pdf-1 (дата обращения: 31.08.2024).

Alina Alekseevna Svyatkina
inspp315@gmail.com

Parametricism in the Works of Zaha Hadid Through the Dominion Tower Example

Abstract: Parametricism is a trend in architecture that claims to become the main style of the new digital era. Parametricism assumes maximum streamlining, dynamics in the design of buildings and the importance of public spaces. Zaha Hadid is one of the main representatives of this trend. This article will consider how she applies the principles of parametricism in Dominion Tower, a business center in Moscow.

Keywords: architecture, parametricism, Zaha Hadid.

**ТРАНСГРАНИЧЬЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ**

Сборник статей по итогам научной конференции
8 октября 2024 г.

Подписано в печать 15.12.2024. Формат 60x84/16
Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. П.л. 10,6. Тираж 100 экз.
РИСО Брянского государственного университета им. акад. И.Г.
Петровского
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20